

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

ВЕРТИКАЛЬНАЯ

ВОДА

ВЕРТИКАЛЬНАЯ
ВОДА

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВАРОГА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.

Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.

Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.

FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.

Русская фантастика

Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей...

Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца,
а есть — которые пишут хорошие книги.
Александр Бушков старается это совмещать.

Русский журнал

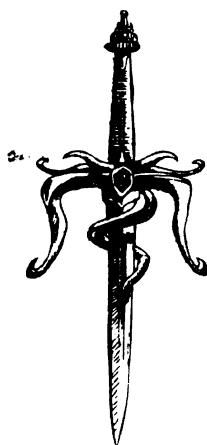
Таларский цикл — самый любимый поклонниками
Бушкова. Это изумительный язык: легкий,
занимательный, понятный, с приятным юмором.

Ozon.Ru

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА

Роман

ОЛМА Медиа Групп
Москва
2015

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б 90

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова «Вертикальная вода» принадлежит ОАО «ОЛМА Медиа Групп».

Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Рисунок на переплете *Сергея Иващука*

Книга печатается в авторской редакции

Бушков А.
Б 90 **Вертикальная вода: Роман.** — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 336 с. (Сварог – Фантастический боевик)
ISBN 978-5-373-07687-6

«Вертикальная вода» — новая, уже десятая книга в основном Таларском цикле Александра Бушкова о Станиславе Свароге.

Остатки заговора в Горроте все еще тлеют, но взгляд Сварога и Странной Компании уже обращен в сторону Токеранга. Будут ли это новые увлекательные приключения, или старых друзей на этот раз ждет всего лишь самая грязная работа? А все сомнения и боль смоем с души, как вода... Вертикальная вода.

И тогда можно будет спросить себя: «А был ли Токеранг?.. Может быть, его никогда и не было».

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-373-07687-6

© Бушков А. А. (текст), 2015
© ОЛМА Медиа Групп (издание), 2015

— Ты знаешь, — сказал я, — война —
это, оказывается, ни капельки не красиво.
Лев Кассиль

Глава I

ХЛОПОТЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Его императорское величество принц Диамер-Сонирил долго стоял у высокого окна с резным подоконником, заложив руки за спину, наблюдал происходящее внизу с явным любопытством.

— Изящно придумано, ничего не скажешь, изящно, — произнес он наконец, не оборачиваясь. — Это вы сообразили?

Сварог подошел и остановился рядом. Хмыкнул:

— У меня не хватило бы ловкости, особенно сейчас, когда дел во дворце невпроворот. Герцог Лемар постарался.

И вновь приходилось признать, что Лемар постарался на славу. Третий день самолеты разбрасывали над столицей и городами покрупнее его очередное творение: понастоящему жуткое и крайне убедительное послание о сути происшедшего в Горроте. Шайка умных и злокозненных проходимцев, несомненно, связанная с самыми черными силами, сумела войти в доверие к королевской чете и коварно о б м о р о ч и т ь ее своими зловредными умениями, так что король мало того, что ш а т н у л с я к необузданному тиранству, обрушив неоправданные кары на верных сподвижников, — дал этой банде приют при дворе и позволил построить несколько зданий, где при-

гретые на груди змеюги откровенно занимались черной магией и отправляли ритуалы, способные ужаснуть любого, даже не особенно набожного человека.

Но тут, как с ним частенько случалось, светлый король Сварог Барг, известный борец со всевозможной нечистью, благородно пришел на помощь, разгромив окопавшуюся во дворце нечисть в коротком жестоком бою. Ну, а потом появились и благородные лары, поспешившие ему на помощь. Короля, к величайшему сожалению, от меча убийцы спасти не удалось, но королева уцелела — а все главари черного сообщества были пленены и пребывали теперь в ожидании самого строгого наказания...

Толково было сочинено — так что даже умных и грамотных должно было пронять до глубины души — в конце концов прецеденты случались, хотя и давненько — не впервые черные маги входили в доверие к высокопоставленным особам, напуская морок и используя обмороченного для своих темных делишек. Ну, а поскольку в королевстве, как и повсюду на Таларе, грамотеев имелось, дай бог, один на пару сотен, в провинции, по городкам и селам пустилось немалое количество тщательно отобранных Интагаром извечных разносчиков новостей, слухов и сплетен: странствующие монашки, бродячие ремесленники и писцы, фигляры, лекари и тому подобный народец, которому везде рады за неимением газет, радио и телевизоров. Они расцвечивали Лемарово творенье массой живописных подробностей и вовсе уж жутких деталей, сплошь и рядом, как они клялись-божились, почерпнутых из самых достоверных столичных источников. Словоохотливые посетители кабаков, таверен и даже ресторанов для благородных сословий, торговцы средней руки на ярмарках, мнимые студенты (этих слушали особенно охотно, как людей ученых), мнимые дворцовые слуги, бродячие костоправы и прочий народ, чьи рассказы обычно (уже должным образом расцвеченные слушателями) распространяются со скоростью лесного пожара. Агенты Интагара работали даже в Университетах, среди Сословий и высших гильдий, а то и дворянства (выискивая тех, кто

поглупее и поболтливее и обожает разносить сплетни). Одним словом, операция развернулась вовсю ширь.

К тому же прокламация Лемара прозрачно намекала, что начали с главарей — но многие еще, без сомнения, из тех, что пониже, пока что избежали карающей руки правосудия. (Это на случай, если придется еще кого-то арестовать, да уже и пришлось, у Брашера хватало и м е л к и х сообщников, посвященных в десятиразрядные тайны.) Как обычно в таких случаях и бывает, в полицию хлынул поток подписанных и анонимных доносов — кто-то и в самом деле сообщал что-то мелкое, но интересное, другие самым вульгарным образом сводили счеты с недоброжелателями и соперниками.

Ну, а чуть погодя Лемар предложил пустить в ход наглядную агитацию (пусть и не зная таких терминов, но смысл был совершенно тот же). Сварог, не особенно раздумывая, одобрил, ибо кашу маслом не испортишь...

Вот так и получилось, что в одно из зданий Брашера (на один-единственный, по размышлении выбранный этаж) уже третий день нескончаемым потоком тянулись любопытные — меж густыми цепочками солдат. С одного конца здания их выпускали, с другого выпускали. Отсюда, с третьего этажа, из бывшего кабинета Брашера, прекрасно можно было разглядеть, насколько отличались друг от друга входящие и выходящие: первые спешили, прямо-таки напирая друг другу на плечи, вторые, появившись из здания, скорее уж брели, ошеломленные увиденным, особо впечатлительные цеплялись за спутников, пошатываясь.

Ну что же, внутри им представало зрелище, особенно ошеломительное для всех, кто в жизни не видел компьютеров... В полумраке загадочно мигали цепочками огоньков странные ящики, на экранах то кружили загадочные знаки под электронную музыку, от которой мороз пробирал по спине и людей не робкого десятка, то появлялись хари, давненько ассоциировавшиеся с самой что ни на есть нечистой силой. Сварог особо подчеркнул, чтобы зрителей отбирали среди тех, кто понеграмотнее и потемнее, в том числе и пригородных крестьян — а если и попа-

дался иногда в толпе дворянин, ручаться можно: он из тех самых тупых, как пробка, любителей разносить сплетни, безбожно привирать, приукрашивать. И никаких ученых либо студентов серьезных университетов. Эти тоже в жизни не видели компьютеров и прочей научной аппаратуры, но по интеллекту стояли на три головы выше крестьянина или неграмотного башмачника с окраины — так что кое у кого из них могли возникнуть пусть и неопасные в общем и целом догадки, да смутные мысли, безусловно в чем-то расходившиеся с заброшенной в массы официальной версией событий...

— Изящно... — задумчиво повторил принц, отвернувшись от окна и, все так же держа руки за спиной, неспешной походочкой направился к небольшому столу для заседаний.

Сварог направился следом, чувствуя себя чуточку неловко — как если бы сопровождал абсолютно голого собеседника. Нет, принц, конечно, полностью одет и обут, даже с претензиями на последнюю горроотскую моду, но вот на шее у него, пониже пышного воротника из сиреневых кружев, посверкивала одна-единственная награда, пусть и массивная, золотая, с искусной чеканкой — золотая гурганская пектораль, высшая регалия одного из сильванских царей. Для Сварога, всегда видевшего принца, увешанного неисчислимым множеством орденов (отсюда и второе прозвище), Диамер-Сонирил сейчас форменным образом казался голым. Ну что же, старый бюрократ неглуп и конспирацию в нужных случаях блюсти умеет: пожалуй, и в самом деле ни к чему, чтобы случайные свидетели узрели его во всем блеске. Особенно теперь, когда всем непосвященным усиленно вбивали в голову: никакого глобального заговора не было, и никаких ларов тут не было, всего-навсего произошла достаточно редко встречавшаяся, досадная, но, в общем, отнюдь не уникальная история: злокозненный черный маг ухитрился войти в доверие к королю и обморочить его чарами. Высшие государственные интересы, ага. Никто внизу не должен знать, что Высокие Господа Небес порой доходят до того, что

устраивают друг против друга заговоры, словно вульгарные земные царедворцы. Высокие Господа Небес едины, сплочены, когорты их незыблемы и нерушимы...

Сварог сел, повинувшись небрежному жесту принца, тот протянул задумчиво:

— Знаете, я просмотрел справку об операциях, которые для вас готовил Лемар. В самом деле, ценный специалист, вот и сейчас не оплошал, — он небрежно кивнул сторону окна. — Пожалуй что, следует поощрить. Я как раз составляю наградной список... О с о б е н н о баловать не следует, сдастся мне, что иных людей следует награждать щедро, другим лучше выдавать милости по капельке. Вы ведь так и поступаете? Достаточно освоились в королевском ремесле.

Сварог молча кивнул.

— Вот именно, — продолжал принц деловито. — Думаю, достаточно будет медали «За усердие»: не самая высшая, не самая низшая, к тому же золотая. Правда, у нее две степени... Как вы полагаете, представить его к первой или будет достаточно банта на грудь?

— Хватит с него и банта, — сказал Сварог.

И мрачно подумал: Лемару по-прежнему везет, как утопленнику. Теперь еще и имперская медаль, которой прохвост, без сомнения, будет щеголять при любом удобном случае. А ведь только что Интагару пришлось мягко заминать два очередных уголовных дела и потаенно платить компенсацию пострадавшим. Первое касалось еще одной юной резвущки, поддавшейся чарам герцога и сбежавшей к нему из родительского дома — но там обошлось без денег, достаточно было дать папаше-чиновнику повышение, которого ему при другом раскладе до пенсии не светило. В другом случае казенных денег пришлось выложить немало: подручные герцога выманили у богатой титулованной вдовушки добрую пригоршню великолепных драгоценностей — ну разумеется, не каким-то там примитивно-вульгарным образом, а с помощью великолепно задуманного, надо признать, спектакля, на сценарии которых Лемар мастак...

Черт знает что такое! За герцогом круглосуточно топчут не самые бездарные сыскари Интагара — правда, открыто, ничуть не скрываясь, наоборот, демонстрируя себя, как красотки на балу. Большая часть подручных герцога, искусники рангом пониже, выявлены, выловлены и без суда и следствия, королевской волей загнаны на каторгу в Три Королевства. Но Лемар и в этих условиях ухитряется, пусть без прежнего размаха, проворачивать талантливые аферы и совращать благонравных девиц из хороших домов...

С легким стыдом Сварог вспомнил, как однажды, раздумывая о Лемаре, решил: ну не может этот криминально-блудливый талант быть ч и с т о человеческим! И дал приказ тщательно кое-что проверить. Однако старуха Грельфи вскоре твердо заверила: нет у герцога ни капелюшечки магии, и душу известно кому не продавал, и не замечено ни вблизи него, ни даже в отдалении, ни черных магов, ни нечистой силы. Выходило все же — чисто человеческое. Золотые мозги, повернутые на несправедную дорожку... Бывает.

— Так вот, наградной лист... — продолжал принц. — Вы, разумеется, значитесь в списке под номером первым, — хотя Сварог не пошевелился и не произнес ни слова, так и сидел с бесстрастным видом, принц решительно поднял ладонь: — И не протестуйте, и не скромничайте. Без малейших натяжек можно сказать: это была самая страшная и серьезная угроза существующему порядку за все время существования Империи, даже не с чем и сравнивать... И именно вы с ней покончили. Разумеется, и королева Сегура будет отмечена должным образом, важную роль сыграла в операции. Я вам потом, когда выдастся спокойная минутка, покажу список. Вы наверняка пожелаете, кроме тех, кого вписал туда я, отметить кого-то из своих людей. Вам виднее: некоторых из них я, конечно же, просто не знаю. Хотя... Как вы считаете, стоит поощрить молодого графа Элкона? Как мне докладывают, очень дельный юноша, вносит немалый вклад...

— Пожалуй, — чуточку подумав, согласился Сварог.

— Вот только... Его бы тоже следовало отметить чем-то скромным... Он отличный парень, ценный сотрудник... но очень молод. В самое короткое время на него прямо-таки обрушились и чин лейтенанта Яшмовых Мушкетеров, и немалый пост в восьмом департаменте, да и в девятом столе он, собственно, второй после меня. Согласитесь, даже у самого отличного парня может в таких условиях закружиться голова, возникнуть ненужное зазнайство...

— Я понимаю, — заверил принц. — Вы совершенно правы: самые ценные молодые специалисты не должны делать карьеру слишком уж резко. Учтем. В общем, вы потом добавите в список всех, кого посчитаете нужным.

— Непременно, — кивнул Сварог.

В первую очередь следует вписать Интагара. Если бы не его рассказ о том убийце, метнувшем стилет на веревочке, как раз и натолкнувший Сварога на полностью оправдывшую себя идею, еще неизвестно, как обернулось бы дело. Наверняка было бы что-то долгое и кровавое. Кое-кто при латеранском и равенском дворах до сих пор косится вслед «безродному выскочке» — но имперская награда на груди либо шее Интагара заставит многих прикусить язычки. Завистников, правда, не убавится, да и черт с ними...

В перехлест через плетень! Только теперь Сварог подумал об имевшей место некоторой странности, о которой стоило задуматься раньше, едва услышав о наградном списке: а, собственно, с какой стати список готовит именно принц? Не представление к наградам, а именно список? С бюрократической точки зрения представления и список — две большие разницы. Согласно писаным артикулам, список готовит Канцлер, всегда... или почти всегда. Что за игры тут начались?

— Есть один немаловажный нюанс... — произнес принц.

Сварог поднял голову. И не увидел на лице принца ни загадочной улыбки опытного дипломата, ни тонкой хитрости. Совсем даже наоборот: лицо наивное, простецкое, взгляд по-детски незамутненно чист и ясен... В общем,

всякому хорошо знающему принца ведомо: именно с таким видом он к р у т и т самые хитрые интриги...

Сварог молча ждал. Наконец его высочество начал не без вкрадчивости:

— Мы знаем, лорд Сварог, сколь великолепную, юридически безупречную жизненную позицию вы себе подобрали. Единины в трех лицах. Предстаёте то земным королем, то начальником восьмого департамента, то директором девятого стола. Как и когда вам выгоднее. И ни одна живая душа не имеет законной возможности хоть как-то такой позиции противостоять. Не подумайте, что я вас порицаю, каждый хитрит, как может, дело житейское... Более того: с е й ч а с эта ваша трехликость мне крайне необходима. Не все же время вам ее использовать исключительно для собственного удобства, можно иногда, так сказать, поставить ее на службу общему делу...

— То есть? — с любопытством спросил Сварог, ничего еще не понявший.

Принц продолжал еще более вкрадчиво:

— Только вы определяете, кем именно вы являетесь в данный момент, и эта позиция, как уже говорил, юридически безупречна... Если окажется, что в момент разоблачения заговора вы действовали именно в качестве начальника восьмого департамента, если так будет написано в официальном отчете, ни одна живая душа не сможет это опровергнуть. Вы согласны, что именно так и будет обстоять?

— Пожалуй, — кивнул Сварог.

И наконец-то все понял. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу, достаточно освоиться в лабиринте придворно-бюрократических интриг, что со Сварогом давно произошло. Что ж, неплохо все рассчитал, шельма, ну что же, записной бюрократ сплошь и рядом не глуп, наоборот, наделен острым умом... Изящно...

Угроза существующему порядку и в самом деле была серьезнее некуда, страшнее некуда. И если окажется, что гирьку в лоб Брашерио вlepил именно что начальник восьмого департамента, автоматически окажется, что победитель и триумфатор тут один-единственный: лорд Сварог,

то есть восьмой департамент, то есть Канцелярия земных дел, то есть его высочество принц Диамер-Сонирил. Других попросту нет. Все остальные имперские учреждения, как раз и обязанные выявлять и пресекать любые заговоры, все их главы, все высокие сановники, включая Канцлера, оказались бессильны и беспомощны. Самое смешное, что это чистая правда. Согласно давним неписаным традициям, что в покинутом Сварогом мире, что здесь, часть успеха подчиненного всегда принадлежит его начальнику, мудро возглавлявшему, умело направлявшему, вовремя оценившему степень угрозы и принявшему все меры. Так что принц — единственный из сановников Империи, кто сейчас на коне и весь в белом. И тут, принц прав, ни одна живая душа не подкопается, юридически все безупречно...

Хитрован, подумал Сварог. Наверняка получит не самый последний орден. Сам себя в список он, разумеется, не включил, сие не этично — но в сложившихся условиях Яна просто-напросто обязана будет милого дядюшку в список внести самолично, иначе получится опять-таки не этично: на подчиненных обрушился ливень наград, а руководитель остался без регалии? Это неправильно...

Нисколько не раздумывая, Сварог сказал:

— Вы совершенно правы, ваше высочество. Операция была проведена именно восьмым департаментом, что и будет отражено в официальном отчете на ваше имя. Конечно, для решения третьестепенных задач привлекались и другие службы, имперские и земные, но так часто бывает. Решающую роль сыграл восьмой департамент...

Он все же подметил на лице принца хорошо скрытое облегчение — ну что же, пусть радуется втихомолку. Чтобы принять именно такой вариант, Сварогу ничуть не пришлось поступаться какими бы то ни было принципами: в конце концов, какая разница, кем он был, когда вцепил в лоб Брашери гирьку на веревочке? А вот для него самого — и для дела — выйдет одна лишь нешуточная польза. Благорасположение принца значит немало. Еще одна козырная роза в рукаве Сварога. Обстановка в Келл Инире до сих пор сложная. Тайный Совет и Палата Пэров

распущены (называя вещи своими именами — разогнаны), но при дворе до сих пор остаются партии придворной знати, настроенные к реформам не то чтобы враждебно, но неодобрительно — да и Сварога, выскочку эдакого, многие откровенно не любят. Вся эта аристократическая шобла не способна в нынешних условиях навредить крупно, но массу мелких пакостей, используя связи, добрые знакомства и родственные отношения, причинить может, да и причиняет порой: там чуточку подтормозить, там заволоклить и так далее. Разогнать их невозможно, потому что — это «партия» именно в старинном смысле слова: неофициальная группа единомышленников. Удалять от двора и уж тем более сажать не за что. Даже Яне и Канцлеру эти уроды порой доставляют мелкие хлопоты, что уж говорить о Свароге? Так что спокойнее жить, когда у тебя за спиной не только Яна с Канцлером, но и принц Диаммер-Сонирил, персона крайне влиятельная...

— Рад, что мы поняли друг друга, — сказал принц с явным облегчением.

— Всегда к вашим услугам, в вашем распоряжении, — церемонно раскланялся Сварог, легонько улыбнулся: — Во всех трех лицах.

— Я умею ценить преданность...

Вот и ладушки, подумал Сварог. Галантерейщик и кардинал — это сила. И столь же дипломатично поклонился:

— Мне это прекрасно известно, ваше...

Он замолчал, и оба повернулись к высокому витражному окну, у которого стояли только что. Одна из створок широко открыта, и явственно слышалась пронзительная трель свистка, топот нескольких пар ног. Ничего серьезного вроде бы не должно произойти, учитывая, какие силы введены во дворец, уже изрядно почищенный от прежних обитателей, и все же — явное нарушение налаженного ритма...

Буквально в два прыжка оба оказались у подоконника — принц проявил неожиданное проворство. Сварог всмотрелся и, моментально оценив ситуацию, пожал плечами:

— Дело житейское, такие случаи были предусмотрены...

Справа от калитки, той, из которой выходили посетители зловещего гнезда черных магов, прямо на траве сидел, раскинув ноги, прижавшись спиной к стене, бледный, как смерть, закативший глаза усач в дворянском платье. Его бадагар валялся рядом. Тут же настороженно стояли двое, наряженные дворцовыми стражниками (антланцы из армейского полка), а невысокий человечек в мантии и берете Сословия Чаши и Ланцета, с лекарской сумкой на поясе, как раз с профессиональной бесстрастностью подносил к носу сидящего большой флакон коричневого стекла.

— Нервишки не выдержали? — понимающе хмыкнул принц.

— Явно, — сказал Сварог. — Такое предусматривалось, и врач был поблизости. Но вот от него я такого не ожидал — прямо-таки нервная барышня...

— Вы его знаете?

— Заочно, — сказал Сварог. — Уж эту персону непременно нужно было сюда запустить. Это, изволите ли знать, барон Рагенау, завсегдатай всех великосветских салонов столицы, прямо-таки их постоянный житель. Обожают разносить слухи и сплетни, безбожно перевирая, привирая, приукрашивая. Притом — дурак редкостный. Всерьез его, в общем, не принимают, но слушать любят, краснобай тот еще. Грех не запустить сюда такую персону. Вот только не думал, что он окажется столь впечатлительным... Ничего, оклемается.

— Да, уже начинает приходить в себя, отсюда видно... Что вы так странно заулыбались?

— Дурак — необязательно трус, — сказал Сварог. — Он еще и капитан гвардейской кавалерии в отставке, прошел несколько кампаний, говорят, держался храбро, есть ордена. А здесь спекся...

— Странно, — сказал принц. — Вот те — несомненные простолюдинки, но ведут себя совершенно иначе...

Сварог присмотрелся. Из калитки вышла кучка плотных бабенок средних лет, числом с полдюжины. Платья

темных тонов и простонародного фасона, темные чепчики, гильдейские бляхи... И точно, они держались совершенно иначе: оживленно тараторили меж собой, живо жестикулируя, едва шли не весело, а, проходя мимо начавшего приходить в себя барона, откровенно захихикали, перешептываясь.

— Ну, еще бы, — сказал Сварог с ухмылкой. — Совершенно другого пошиба народец. Торговки с Большого Рынка, бой-бабы. Языки без костей и в пол-уарда длиной, сплетничать обожают, а главное, их-то никакими чертями не запугаешь. Любому черту хвост выдернут, если попытается удрать, не расплатившись или что-нибудь стянуть с прилавка. Незаменимый для этой акции контингент...

— И здесь вы правы, — одобрительно кивнул Диамер-Сонирил. — Уж эти языками потрещат и долго не угомонятся, знаю я земные дела. Это тоже Лемар придумал?

— Нет, это уже тайная полиция, — усмехнулся Сварог. — Она такие методы давно использует... да и восьмой департамент тоже, вы не можете не знать...

— Знаю, конечно... — отвернувшись от подоконника, принц взял Сварога за локоть сильными сухими пальцами и отвел к столу. — Я понимаю, у вас здесь масса дел... Не хочу мешать. Но напоследок хотел бы прояснить один очень важный для меня вопрос... Мне кажется, мы во многом достигли полного взаимопонимания... Могу я как глава Канцелярии земных дел задать вопрос королю Сварогу Баргу? В совершенно неофициальной обстановке, как видите.

— Пожалуй, — осторожно сказал Сварог.

— Вы уже задумывались, как поступить с Горротом дальше?

Ситуация непростая. Пока они здесь, от высших до низших, изрядно ошеломлены известными новостями. Но рано или поздно это пройдет. И встанет вопрос, обязательно встанет вопрос: с какой статьи Горрот набит войсками короля Сварога? О, да, конечно, он поступил благородно, помог королеве расправиться с шайкой темных магов... но чем дальше, чем больше это станет напоми-

нать оккупацию. Сначала об этом начнут шептаться, потом заговорят вслух. Горротская армия в полном боевом составе, не понесла ни малейших потерь. У вас гораздо больше войск, но если вы попытаетесь разоружить горротцев, выйдет большая кровь. И оба их флота в полной неприкосновенности. А главное, лишь считанные люди — все они уже под замком, а? — знают п о д о л е к у. Даже если вы победите, здесь будет обстоять совсем иначе, чем в других ваших королевствах: оккупированная давним неприятелем страна, где вас будут тихо ненавидеть. Рано или поздно начнется нешуточное сопротивление, партизанская война, надолго воцарится кровавый хаос... А народ здесь воинственный.

— Я обо всем этом уже думал, — угрюмо глядя в пол, сознался Сварог. — Вы прекрасно все просчитали.

— Многолетний опыт, знаете ли...

— Войска я буду выводить, — сказал Сварог. — Иначе и в самом деле превращусь из благородного спасителя в вульгарного захватчика. Парочка полков уже ушла, есть график вывода. Правда, у меня хватает хлопот с иными моими генералами — некоторые, простые души, и в самом деле полагают, что мы хитрым маневром именно что завоевали Горрот. Ничего, справлюсь, не первый раз. Время у меня еще есть: пока замок занят имперскими спецслужбами, и они продолжают работать, недовольные прикусят языки.

— Тоже верно, — принц тонко улыбнулся. — И потом, у вас ведь есть к о р о л е в а...

— И первый министр, признаюсь по секрету, у нее уже есть, — хмыкнул Сварог. — Очень толковый человек. И еще парочка — ну, не впервые у трона объявлялись никому не известные фавориты. Какую-то часть здешних придворных придется вернуть во дворец — глупцов, карьеристов и прочую бездельную публику. Впрочем, — он жестко усмехнулся, — Брашерио мне оказал большую услугу, почистив двор от умных и сообразительных... Есть обширные планы, ваше высочество, но о них слишком долго рассказывать...

— Ну что же, напишете подробный отчет. Или мы просто побеседуем, когда выдастся время... Ну что же, желаю удачи, не буду вас более задерживать.

Поклонившись довольно милостиво, принц простествовал к двери.

Облегченно вздохнув, Сварог присел за стол, придвинул бумаги, исписанные аккуратным, прямо-таки писарским почерком начальника тайной полиции. Подумав, отложил стопу толщиной чуть ли не в ладонь: собственноручную запись падения и прегрешений означенного субъекта, без малейшего принуждения написанную самим в камере после регулярного употребления некоей фиолетовой жидкости. Вдумчиво прочитать эту реляцию можно было и потом.

Зато он бегло пробежал другую стопочку, всего-то листиков в десять. Усмехнулся, покрутил головой: умен, сукин сын, и хитер, как любой начальник тайной полиции, прослуживший не один десяток лет... Третья бумага состояла из одного-единственного листочка: пронумерованный список. Первыми в нем шли Стахор и Эгле (вычеркнутые аккуратной чернильной линией), далее принц (не зачеркнутый), еще семь человек, из которых четверо столь же аккуратно вычеркнуты. О ком шла речь, Сварог решительно не представлял — должности не указаны, только фамилии и титулы. Одиннадцатым начальник тайной полиции вписал себя — но поставил рядом какой-то странный значок. Ну, не стоит ломать голову, когда имеется первоисточник...

Он нажал кнопку, на пороге возник его латеранский статс-секретарь — как обычно бесстрастный, ничуть не удивленный тем, что работать придется на сей раз в Акобаре.

— Начальник тайной полиции далеко? — осведомился Сварог.

— Поблизости, в боковой комнатке. Вы распорядились держать его поблизости, потому что скоро понадобится...

— Понадобился, — сказал Сварог. — Давайте сюда.

Очень быстро двое крепких ребят в форме дворцовой стражи ввели того самого невысокого лысого бородача, без особых церемоний усадили в кресло напротив Сварога и улетучились, повинаясь небрежному жесту короля. Сварог какое-то время разглядывал пленного, чьи запястья на всякий случай были схвачены широкими серебряными кольцами, меж которых имелось пустое пространство шириной в ладонь — магнитные наручники, и ноги схвачены такими же, только пошире — мало ли что способен выкинуть такой вот прохвост в отчаянную минуту жизни...

Барон не выглядел ни сломленным, ни особенно испуганным — ну разве что грустным, что в его положении неудивительно. Он тоже разглядывал Сварога — пристально, исподлобья, открыто.

— Жалобы на плохое обращение есть? — осведомился Сварог.

— Никаких, — буркнул барон. — Вот только... Что за зельем меня постоянно пичкают? То синим, то фиолетовым?

— Ну, это просто, — сказал Сварог. — Фиолетовый — эликсир правды, после которого ничего нельзя скрыть ни в разговоре, ни при письме. А синий... Мы все его здесь пьем. Эликсир бодрости, прогоняет сон...

Лысый проворчал:

— То-то я за два дня накатал такой трактат, и ни в одном глазу...

— Как настроение? — спросил Сварог.

— Издеваетесь?

— Ни капли, — сказал Сварог. — Деловой интерес.

— А какое бы у вас было настроение на моем месте? — с легкой нотой строптивости спросил лысый. — Паршивее некуда.

— Какие-то страхи?

— Как вам сказать... Пытать вы меня, конечно, не будете. Зачем? После вашего эликсира все равно ничего не скроешь. А вот будущее насквозь туманно. То ли голову отрубите, то ли заберете туда, — он мотнул головой на

потолок. — Очень уж серьезный заговор... Тут всех гребут на сто уардов вокруг, особенно тех, кто в середине...

— А вы были в середине? — с усмешкой спросил Сварог.

— Скорее поблизости. Не то чтобы на подхвате, но и не в ближнем кругу. Они допускали туда только своих.

— Не врете, — сказал Сварог.

— А какой смысл? Вы же вмиг определите...

— Тоже верно, — сказал Сварог. — Ну что же, поговорим о заговоре?

— Разве вы не читали? — он кивнул на стопу бумаг. — Я там, честное слово, выложился до донышка...

— Мельком пролистал, и только, — сказал Сварог. — Некогда было. Итак... Барон Скалитау, дворянство и титул фамильные, не пожалованные... Всю сознательную жизнь в тайной полиции, одиннадцать лет возглавляли тайную полицию при старом короле, а потом и при Стахоре. Судя по тому, что Стахор вас не сменил, вы у него пользовались полным доверием... — он уставился на барона холодным взглядом. — Служили не за страх, а за совесть... Как же так вдруг вышло, что вы взяли да и предали своего короля?

Забавно, но на лице барона явственно отобразилось некоторое смущение. Он опустил глаза, поерзал взглядом и, наконец, решился:

— Так получилось.

— Вообще-то так оправдываются проказливые сорванцы, — сказал Сварог. — Банка с вареньем по недосмотру служанки осталась на столе... В общем, так получилось. А подробнее?

— Брашero у меня давно вызывал подозрения, — сказал барон. — Не люблю, когда неизвестно откуда выныривают такие вот самозванцы, да еще втираются в доверие к королю.

Сварог поднял бровь:

— Вы знали, что он самозванец?

— Ну, это нетрудно было проверить, — словно бы даже с ноткой профессиональной гордости сказал барон... — Не

он первый, не он последний. Такой дворянской фамилии в Горроте просто нет — хотя он постоянно себя представлял как старого горротского дворянина с длинной родословной. Это-то мы выяснили довольно быстро.

— И не дошли с этим к королю?

— Поздно было, — угрюмо сказал барон. — Он слишком быстро вошел к королеве в милость, а потом начались все пертурбации: опалы, изгнания, тюрьмы и казни, двор сменился почти полностью, словно караул у ворот, практически не осталось никого из моих прежних заступников, благодетелей и союзников. Я сам с минуты на минуту ждал ареста или чего-нибудь похуже. Новые люди старых начальников тайной полиции обычно не любят. Но время шло, год прошел, меня никто не трогал, наоборот, Брашери то и дело выказывал расположение, не говоря уж о короле... Ну, я и служил, как привык.

— Не пытались узнать о Брашери побольше! — хмыкнул Сварог. — Странно для неплохого начальника тайной полиции.

— Почему нет? Пытался. Только все следы вели в никуда. А отличные агенты порой исчезали... особенно когда внутри замка стал расти тот «запретный городок», в горах стали воздвигать загадочное «горное гнездо», громоздить эти дурацкие пограничные столбы... Когда целые флотилии фирмы «Кадерат и сыновья» повезли какие-то загадочные грузы... Вот тут уже я начал понимать, что готовится нечто грандиозное, ни на что прежнее не похожее. И король посвящен то ли во многое, то ли во все. Где уж было к нему идти... Я к тому времени уже выяснил, что Брашери и половина его людей — лары, а это все усложняло и делало вовсе уж опасным. Я не настолько глуп, чтобы лезть в дела Высоких Господ Небес — очень уж чревато... — он поднял на Сварога сверкнувшие яростным блеском глаза. — Но я короля не предавал!

— Как же вы оказались в той милой компании? — усмехнулся Сварог.

— Совершенно неожиданно, — сказал барон. — Однажды меня пригласил Брашери. Угостил вином, отпустил

несколько комплиментов как великолепному начальнику тайной полиции, «с которым жалко было бы расставаться». «Вы, любезный барон, проделали отличную работу, хотя и не понимали ее смысла», — улыбнулся он своей неподражаемой улыбочкой, так змея могла бы улыбаться, получись у нее. И выложил ворох бумаг — оказалось, показания тех моих пропавших агентов, что пытались проникнуть в «горное гнездо», вертелись вокруг «городка», в общем, пытались хоть что-то выведать...

«Вы умный человек, — сказал он напоследок, — вы ведь уже поняли, что столкнулись с чем-то небывалым прежде, грандиозным. Поняли, по лицу видно. Вот только не поняли, н а с к о л ь к о оно грандиозно, но это уже не ваша вина, у вас не было достаточно знаний, чтобы сделать правильные выводы. А впрочем... Вы ведь уже догадались, что мы лары?»

Я кивнул — а как я мог ему врать?

«Уже неплохо, — сказал Брашеро. — Давайте не будем зря тратить время, перейдем к делу, мне нужен толковый и умный начальник тайной полиции. Вы вполне подходите. В обмен на верность — самые ослепительные перспективы».

Почему-то мне показалось в первую очередь, что он хочет свергнуть короля — от него этого можно было ожидать.

«Судя по вашему лицу, вы сгоряча решили, что вам предлагают участвовать в очередном дворцовом перевороте? — И он засмеялся, честное слово, весело. — Это потому, что вы видите проблему, уж простите, исключительно снизу. А я вам сейчас обрисую ее с в е р х у. Вы ведь знаете самый надежный способ вербовки? Рассказать человеку столько, чтоб он сам понял: дороги ему назад нет».

Я кивнул. Это и в самом деле был самый надежный способ вербовки, самому приходилось применять...

«Налейте вина слушайте», — сказал Брашеро, полное впечатление, безмятежно.

И рассказал мне... нет, я до сих пор уверен, что не в с е, но достаточно, чтобы понять: после таких откровений я,

если заартачусь, живым из этой комнаты уже не выйду — разве что в пыточную...

Он рассказал, что королевская чета и принц уже, собственно, убиты в загородном замке, что к полудню во дворец въедут их совершеннейшие двойники, обладающие их внешностью и памятью, которых никто не в состоянии отличить от прежних, настоящих. Правда, на всякий случай, для пущей надежности прежнее близкое окружение королевской четы следует убрать из дворца. Что за всем этим кроется ни много, ни мало — переворот в Империи Четырех Миров — возможно, со сменой династии, а возможно и нет. Переворот, слишком много меняющий в жизни Империи.

— И вы вот так, сразу и поверили?

— Пришлось, — со вздохом сознался барон. — Я ведь к тому времени знал уже, что Горрот полностью изолирован от наблюдения с небес... И он показал мне на этой штуке достаточно, — он кивнул на стоявший перед Сварогом компьютер Брашера, давно трудами Элкона послушный новому хозяину. — Показал такие секреты, что у меня голова закружилась... Боевые летучие машины, которые будут на стороне его сообщников, нарушенная связь, беспомощная армия... Такое зрелище! Я готов был в обморок упасть...

Его и сейчас чуточку потряхивало. Подумав, Сварог налил полную чарку «Кабаньей крови» и толкнул ее барону через стол. Тот ловко сцапал ее ладонями и осушил до дна. Не обращая внимания на текущие по бороде капли, сказал, все так же исподлобья:

— Теперь понимаете? Я никого не предавал. Мертвого короля уже не предашь. Я как-то сразу поверил, что он говорит правду. И потом, не мне бороться с т а к и м заговором! И каким образом? Живым бы меня оттуда уже не выпустили. Пришлось, так сказать, присягнуть на верность...

— И они вам моментально поверили? — усмехнулся Сварог.

— Не сразу, — серьезно сказал барон. — Сначала Брашера показал мне кое-какие штучки, с помощью которых

будет знать о каждом моем шаге и слове. Это такие крохотные приспособления...

— Я догадываюсь, — нетерпеливо сказал Сварог (ну, конечно, крохотные микрофончики, детекторы и прочие милые штучки). — Дальше?

— Дальше... Сначала убедился, что им и в самом деле известен каждый мой шаг, каждое слово. Потом я вместе с остальными встречал королевскую чету. Брашеро был прав: их практически невозможно отличить от настоящих. Вот только в глазах осталось что-то чуточку иное. Тот, кто с ними общался долгими годами, — тот и мог определить... и еще что-то было, почти неуловимое... Тут уж мой профессиональный опыт подсказывал... А дальше... Ну, а дальше я стал работать. В прежней должности. Выполняя приказы исключительно Брашеро — а впрочем, Король, противоположность прежнему, ко мне почти и не обращался, доклады стал слушать очень редко, вполуха... Кое-чем он отличался от прежнего, я бы сказал, в худшую сторону, но из ближайшего окружения, которое это могло подметить, остался я один. Ну, разумеется, Брашеро. В конце концов, это было не мое дело, я работал, как вол. Брашеро меня нагружал изрядно... Там все написано, без малейших упущений, — он кивнул в сторону стопы бумаги.

— И з д е с ь кое-что написано, — Сварог взял в руку ту самую, с десятков листов, пачку. — Аналитическая записка, если можно так выразиться. О том, каким именно способом можно убить короля Сварога, когда он находится на земле. Ваша работа?

— Моя, — признался барон, не отводя глаз. — Брашеро велел, и я составил, но обратите внимание на мой вывод: проделать это почти невозможно. У вас великолепная преданная охрана, они бы вас наверняка уберегли от кинжала или пики в спину — все другие способы бесполезны. Нет, почти нереально. Так я и сказал.

— Благотель вы мой... — проворчал Сварог. — И что, Брашеро рассердился, прочитав ваш ученый труд?

— Мне так не показалось. Пробормотал сквозь зубы: «Ну, есть и другие возможности» — и велел мне больше этим не заниматься.

— А вот кстати... — с любопытством сказал Сварог. — Толкового сообщника никогда нельзя держать на одном страхе и запугивании... Вам ведь наверняка было что-то обещано?

Помявшись, барон признался:

— Пост начальника тайной полиции всего Харума...

— Неплохо, да... А как вы думаете, он выполнил бы обещание? Вы не могли над этим не задумываться, с вашим-то житейским опытом...

— Мог и сдержать слово, — без особого промедления ответил барон. — В конце концов, он собирался править н а в е р х у. Но не мог бы обойтись без людей, хорошо знающих Харум... особенно людей специфического ремесла.

— Вот в связи с этим... — сказал Сварог, взяв странный список. — Почему одни вычеркнуты?

— Здесь все, кто знал истинное положение дел... точнее, кто счел нужным сообщить Брашери. Король и королева погибли, еще четверо стали ненадежны, один из них собирался бежать из страны... — барон бледно усмехнулся. — Кажется, именно к вам. Вот и пришлось... вычеркнуть.

— А почему против вашей фамилии вы поставили какой-то странный значок? •

Барон открыто взглянул ему в глаза:

— Потому что у меня не было окончательной уверенности, что Брашери выполнит свое обещание. Иногда ценных сообщников щедро вознаграждают, а иногда...

— Тоже верно, — проворчал Сварог. — План бегства имелся? На случай, если оправдаются худшие подозрения и вы успеете это понять?

— Конечно, — криво усмехнулся барон. — Лучше просидеть остаток дней где-нибудь в глуши, но живым... Брашери, правда, небрежно так обещал, что они в случае чего найдут меня везде, но я кое-что сопоставил и понял, что делать... Вас не затруднит пощупать мне мочку правого уха?

— Ну, отчего же нет, — пожал плечами Сварог и вышел из-за стола. В мочке уха барона он без труда нащупал

что-то твердое, не больше горошинки. Понятливо кивнув, спросил:

— Еще есть?

— Под кожей левой руки, у плеча. Подозреваю, есть где-то еще, где самому нащупать трудновато.

— Вполне может быть, — сказал Сварог.

— Это можно как-то вырезать? — со жгучей надеждой спросил барон.

— Минутное дело, — сказал Сварог. — Вот только делать я этого не буду. Самому пригодится на всякий случай.

Барон поднял на него глаза, в которых смешались самые разнообразные чувства:

— Это как и почему?

— А потому, что у меня есть на ваш счет далеко идущие планы, — скучным голосом сказал Сварог, все так же стоя над ним. — Проще говоря, я вас намерен оставить в прежней должности в прежнем месте. Хорошие начальники тайной полиции — товар штучный, грех не использовать. Брашери и его банда разбиты наголову, второго такого заговора уже никому не удастся устроить. Лично мне вы ничего плохого не сделали. Предать меня вам, в общем, некому — разве что королеве Лорна, но вряд ли вы пойдете на атаку мелкую пошлость... — усмехнувшись про себя при виде нешуточной радости, на миг полыхнувшей в глазах барона, он сказал холодно:

— Мне нужен скорее не начальник тайной полиции Горрота, все равно собираюсь отсюда скоро уходить, мне нужен еще один личный агент при дворе, а вы идеально подходите. Я не глупец и не благодушный благодетель, не первый год занимаюсь королевским ремеслом, и вроде бы, говорят, неплохо. Ничего этого, — он легонько помял мочку уха барона со вшитым «маячком», — убирать не буду. И вам самому не советую. Чтобы и в самом деле при нужде найти вас на краю света. Согласитесь, вы пока что не сделали ровным счетом ничего, чтобы заслужить мое доверие? Вот видите. Так что разумные предосторожности необходимы.

— И конечно, возле меня в тайной полиции будет немало соглядатаев? — спросил барон, державшийся почти спокойно.

— А как же, — пожал плечами Сварог. — Мое доверие еще следует заслужить, любезный барон. Делами... И учтите: теперь, когда Горрот больше не защищен от любого воздействия Империи, подслушивающими и подсматривающими устройствами дворец — и не он один — будет набит, как мешок пшеницей. Вы понимаете, о чем речь?

— Да, Брашерио мне кое-что рассказывал. И кое-что я здесь применял.

— Совсем хорошо, — сказал Сварог. — Обойдемся без дополнительных лекций... Ну, так вы готовы дать клятву на верность? Прекрасно понимая, что вас ждет в случае ее нарушения?

Чуть побледнев, глядя ему в глаза, барон тихо произнес:

— Клянусь своим гербом хранить клятву верности вам, и только вам...

— Ну что же, никаких задних мыслей я пока что не вижу, — сказал Сварог. — Значит, поработаем... Пока что, извините, вам еще пару дней придется провести в том самом помещении, что вам отвели. Оно мало напоминает тюремную камеру, так что особых неудобств не будет. А потом, когда я покончу с неотложными делами здесь, мы сядем и побеседуем уже обстоятельно...

— Вы собираетесь приставить меня главным образом следить за юным принцем?

— Ум у вас, я убедился, острый... — сказал Сварог. — Но на сей раз попали пальцем в небо. Юнца пришлось, так сказать, пока что разжаловать из королей. Поскольку его венценосной матушке удалось, в отличие от супруга, спастись от злобных убийц. Добрые люди помогли. А поскольку сыночек еще долго не войдет в совершеннолетие, ей и предстоит долго править в качестве королевы-матери. Вы не удивлены?

Барон севшим голосом сказал:

— Ах, вот оно что... Успело поступить несколько донесений, что в столицу во главе ваших и наших гвардейских полков движется неведомо как воскресшая королева... и вроде бы самая настоящая... Я сначала не поверил... — он уставился на Сварога с нешуточным уважением. — Уму непостижимо... Вы в кратчайшие сроки сумели устроить очередного подменыша, в котором ничуть не усомнились те, кто ее раньше знал?

— Ну, коли уж мы с вами, похоже, сработаемся, пора вам понемногу выдавать кое-какие тайны, — сказал Сварог. — Это не о ч е р е д н о й подменыш, это подменыш Брашери. Ну, а как получилось, что она спаслась и попала ко мне в руки, вам пока знать необязательно...

Он помолчал, пытливо глядя в умные и хитрые глаза барона, легонько стреп его за расстегнутый ворот кафтана и, приблизив лицо, спросил с металлом в голосе:

— Что вы знаете? Ну? Все равно не соврете.

— Я и не собираюсь, ваше величество, коли уж дал вам клятву верности. Виглафский Ковенант, королеву, столь неосмотрительно взявшуюся вызывать демонов, они утащили при довольно жутких обстоятельствах... — и он замолчал, глядя с явным намеком.

Ценный кадр, мать его, подумал Сварог. Если не продаст, мы с ним сработаемся... Небрежно бросил:

— Среди слуг, сопровождавших короля в Ковенант, конечно, был ваш агент?

— Ну, разумеется. Он и описал все, что видел и подслушал краем уха...

Увидев замигающую в углу экрана синюю лампочку, Сварог привычно нажал нужную клавишу, принял короткое сообщение от секретаря и послал столь же короткий ответ. Встал, следом, чуть неуклюже из-за наручников, поднялся из-за стола барон.

— У меня очень важная встреча, — сказал Сварог. — Но мы все предварительно обговорили, так что можете пока идти...

Глава II

ТАЙН ПРИБАВЛЯЕТСЯ

Канцлер вошел стремительной деловой походкой еще до того, как те же самые конвоиры вывели барона. Коротко глянув вслед захлопнувшейся двери, спросил, как показалось Сварогу, с нешуточной надеждой:

— Удалось допросить?

— Я сделал, как мне показалось, лучше, — сказал Сварог. — Велел накачать его «фиолетом» и «синюшкой», и он за двое суток накатаł тот вот фолиант. Сейчас запихну все в компьютер и вместо того, чтобы читать подряд, пройдусь по ключевым словам. Как-никак научился, спасибо Элкону. Меня в первую очередь интересуют Токереты... а барон немало написал о нашем друге Альдерате. И уверенно опознал по снимку, ему показывали мои люди...

— И несколько не запирался? — отрывисто спросил Канцлер.

— Судя по тому, что я успел мельком пробежать, судя по разговору — ничуть...

Лицо Канцлера покривилось в жесткой, прямо-таки волчьей улыбке

— Прекрасно. Просто прекрасно. Это не главное, но хоть что-то... Брашери, в конце концов, не дьявол, а потому способен делать ошибки. А может, на м е с т н ы х это не действует — хотя вот на англандцев подействовало...

— Что именно? — тихо спросил Сварог.

Ему пришло в голову: лицо Канцлера что-то больно уж мрачноватое для победителя, весьма озабоченное. Канцлер, оглядевшись, сел в первое попавшееся кресло, достал черную гнутую трубочку и принялся не торопясь набивать ее табаком — слишком неторопливо, что у него, Сварог давно знал, служило признаком раздражения. Сварог молча ждал.

— Центр и «Горное гнездо» мы захватили, — сказал, наконец, Канцлер, выпустил клуб ароматного дыма. — Других нет, так что это в некотором роде победа. А вот дальше... Мои люди никого не могут допрашивать. Брашери все-таки — коварная сволочь. И себе, и всем здешним сотрудникам поставил нейроблокаду в мозгу. Объясняя совсем просто, мы не можем залезть никому в мозги. Возможно, со временем и удастся, специалисты делают все, что могут, но толку пока нет... У Орка, кстати, ничего подобного нет — но он с самого начала был на десятых ролях, как и ваш министр. Кое-что рассказал, но, по большому счету, сущие пустяки...

— Так... — проговорил Сварог медленно и зло. — Канцлер, по-моему, мы никак себе не можем позволить быть гуманистами. В конце концов, я мог бы попытаться?

— С помощью в а ш и х мастеров? — понятно подхватил Канцлер. — Честное слово, я бы на то пошел — ситуация и в самом деле далека от гуманизма... Но он и это предусмотрел. У всех в мозгу отключен «центр боли» — есть такой, как мне объяснили биологи. Человека можно на части изрезать, а он это будет воспринимать как легкую щекотку... Предусмотрительный мерзавец...

— А что с их аппаратурой? — спросил Сварог.

— Все по-прежнему, — пожал плечами Канцлер. — Можно еще примерно понять, что они делали, — но ни-

кто пока не понимает, как. Полное впечатление, сказал Матлок, что она работает на каких-то других принципах, которых мы просто не понимаем, потому что никто раньше этим не занимался. Конечно, никак нельзя это назвать полным и беспросветным тупиком... Другое дело — то, что мы смогли понять, между нами, пугает. У вас есть какие-то срочные дела?

— Никаких, — сказал Сварог.

— У меня тоже. Самое время обсудить иные загадки...

Вы ведь любите слушать Тарину Тареми?

— Есть на досуге такая слабость, — кивнул Сварог.

— А не попадалась вам у нее такая песенка:

*Скажи, Бога ради,
вдруг былого лед
не растаял сзади,
а уплыл вперед.
И в грядущем только
дней прошедших наст
предательски тонко
поджидает нас?..**

— Попадалась, — сказал Сварог.

Канцлер прищурился:

— И вам в ней ничего не показалось странным?

— А что там странного? — пожал плечами Сварог.

— Лед и наст, — сказал Канцлер.

— Ну и что? — Сварог все еще не понимал. — На Сильване и Нериаде того и другого зимой предостаточно.

— Но не на Т а л а р е, — сказал Канцлер. — Вы никогда не задумывались о странностях таларского климата? Здесь нет смены времен года. Круглый год стоит лето, пусть и не особенно жаркое. Правда, в Фионе недели на три температура падает, всего на несколько градусов, и пару недель льют затяжные дожди. Смены времен года нет. На полюсах нет снега и льда. Нет климатических зон.

* Авторы стихов, приведенных в романе, — Ольгерд Довмонт, Анэс Зарифьян, Николай Шипилов.

С точки зрения планетологии все это глубоко неправильно, так не должно быть. Но планетологи которую тысячу лет перестали ломать голову над загадкой, потому что решения так и не нашли. Это насквозь неправильный таларский климат — ему вроде бы по всем законам природы не положено существовать, но он все же существует... А меж тем есть кое-какие указания, что до Шторма обстояло совершенно иначе — полярные шапки, холодные зимы... Знаете, где я слышал эту песенку? В фильме с участием Тарины Тареми, ну да, она была еще актрисой, вроде бы неплохой. Сам по себе фильм, по моему глубокому убеждению, дешевая мелодрама, — он улыбнулся чуть смущенно, — и жена, и дочери просмотрели раза по три, с носовыми платками... Сюжет, как для таких мелодрам и полагается, незамысловатый: живет себе красотка, муж у нее капитан дальнего плавания, уходил в долгие рейсы, что красавице прибавляет расположения духа. На горизонте, как водится, появляется роковой соблазнитель, какое-то время кажется, что красотка уступит и бросит мужа — ну, надоело ей, что он месяцами не бывает дома. Но в конце концов любовь и супружеская верность побеждают. И понимаете, в чем штука... Действие, несомненно, происходит на Таларе, судя по некоторым признакам, незадолго до Шторма. Так вот, там происходит классическая смена времен года, да вдобавок муж героини плавает главным образом к северной полярной шапке — а мимоходом упоминается еще южная...

— Хоть какие-то объяснения за это время выдвигались? — спросил Сварог.

— Когда-то — множество, — сказал Канцлер. — Но давно уже все это сошло на нет, потому что ни одна версия научного подтверждения так и не получила. Самый удобный виновник, который к тому же не может оправдаться, — апейрон. На него как-то истари повелось списывать многие загадки и тайны. Ну, вот так получилось: пришел поток апейрона, и многое изменилось самым решительным образом...

Правда, в кое-каких уцелевших после Шторма бумагах есть смутные упоминания о каких-то глобальных экспериментах с погодой, но точных данных опять-таки нет. А сегодня утром ваш Элкон сделал интересное открытие. Обнаружил совершенно чужой, нигде не зарегистрированный орбитал-наблюдатель. Висящий на суточной орбите над Инбер Колбта. И откопал в одном из компьютеров Брашеро регулярные отчеты этого орбитала. Он так и не понял, на каком принципе поддерживалась связь между орбиталом и Центром, но донесения говорят сами за себя: Брашеро три последних месяца самым старательным образом исследовал Инбер Колбта. Он задался вопросом: что там мог искать Брашеро на другом конце света? Ваш парень — суший клад. Он просидел за компьютером часа два, выискивая все, что можно раздобыть об Инбер Колбта. Пиратские клады и прочую романтику отметал с ходу, пока не убедился, что есть одна-единственная серьезная загадка — Крепость Королей. Конечно, и о ней сложено много сказок, ну очень уж старательно ее искали чуть не пять тысяч лет, гораздо активнее, чем многие другие легендарные местечки и клады. Несколько раз он наткнулся в старинных книгах на примечательную фразу: «Тот, кто владеет Инбер Колбта, — владеет стихиями...» Кстати, авторы парочки книг сами плавали к Инбер Колбта, в том числе такой серьезный книжник, как Сен Парат, — и не вернулись оттуда. И по ассоциации, как он сам признался, вспомнил гавань для «Рагнарока», несколько тысяч лет, по сути, торчавшую на виду у всех... И выдвинул версию... Сами догадаетесь или растолкувать?

Сварог даже присвистнул:

— Центр управления природой? В глобальном масштабе?

— Именно. Доказательств, правда, пока никаких, нужны хорошо оснащенные экспедиции. Вряд ли там в глубокой тайне обитает какая-то группа хранителей погоды. Если допустить эту версию, там, скорее всего, какое-то

сложнейшее автоматическое устройство. Я вам рассказал кратко, на скорую руку, но у Элкона там целая груда материалов, потом посмотрите. — И если там в самом деле есть центр управления погодой, найти его и захватить должны именно мы. Представляете, какое это средство шантажа, угроз, крупных пакостей в чьих-то н е п р а в и л ь н ы х руках?

Кажется, Сварог представил. Талар совершенно не готов к зиме и холодам. Даже в королевских дворцах нет систем отопления, а зимнюю одежду видели только на Сильване. Если предположить, что установка существует, если она попадет в с к в е р н ы е руки человека, способного в ней разобраться, — подумать жутко, что можно с ее помощью натворить. Вовсе не обязательно насылать на планету полярные холода. Градусов десять ниже нуля (по меркам покинутого Сварогом мира), повсюду слой снега толщиной в ладонь — и погибнут посевы, вымерзнет скот, да и людям придется несладко... А если опустить температуру еще ниже? Скверно...

— Вы твердо уверены? — спросил он, не глядя на Канцлера.

— Я ни в чем пока не уверен, — отрезал Канцлер. — Но, во-первых, Элкон собрал неплохой материал и продолжает этим заниматься, а во-вторых, другое не подлежит сомнению: климат на Таларе н е п р а в и л е н, и то неспроста...

— Если Брашеро знал точно, могут знать и его сообщники в Магистериуме, — сказал Сварог. — Вряд ли мы выловили всех...

— Одно утешает, — сказал Канцлер. — Пока что никто Крепость Королей не нашел. И если приложить все силы... Я уже убедился, что у Элкона чертовски развита интуиция, — он фыркнул. — Правда, то же самое полагает о себе Канилла Дегро, — он кивнул в сторону окна, выходявшего на Центр. — Сейчас она как раз ведет очень оживленную научную дискуссию с моими специалистами по А-физике...

Сварог сердито нахмурился. Пожалуй, даже для Каниллы это было чересчур — ввязываться в «научную дискуссию» с настоящими учеными. Плохих специалистов Канцлер у себя не держал...

— Она что, доставляет там какое-то беспокойство? — спросил он насколько мог небрежнее. Не хватало еще очередных художеств с вовлечением в таковые еще и Канцлера. Отличная реклама для девятого стола, хорошо еще светских сплетников поблизости нет ни единого.

Однако Канцлер сказал чуть ли не добродушно:

— Не беспокойтесь, там все обстоит довольно чинно. В конце концов, это даже на пользу делу: аппаратура насквозь незнакомая и непонятная, в этих условиях излишними будут самые разные версии и гипотезы... Давайте посмотрим?

Он уселся за стол перед компьютером Брашера. Умело нажал несколько клавиш. На экране появился обширный зал, по периметру уставленный какими-то чертовски сложными пультами, некоторые из них работали: медленно переплетались разноцветные плавные кривые, вспыхивали вертикальные и горизонтальные ряды непонятных знаков, кружились цветные усеченные конусы — да мало ли непонятного там мигало, переливалось всеми красками и подвергалось самым диковинным метаморфозам...

Ученая дискуссия и в самом деле протекала довольно чинно, не то что в земных университетах, где в ходе диспута прямо-таки хорошим тоном считалось прибегать к скамейкам, чернильницам и прочим необходимым для полноценного научного диспута подручным предметам, Канилла что-то оживленно пыталась втолковать двум мужчинам в форме Техниона, тыча пальцем то в один экран, то в другой. Судя по их лицам, верили ей плохо.

Правда, возражали серьезно, ничего похожего на скрытую насмешку над взбалмошной девчонкой, рискнувшей ввязаться в спор с мэтрами. С некоторым удивлением

Сварог понял, что дискуссия идет всерьез — причем, что его удивило еще больше, на каком-то иностранном языке. Другой язык на Таларе? Быть такого не может, потому что не может быть никогда... Что за чудеса?

Да нет, тут другое... Постепенно Сварог стал разбирать в потоке непонятных фраз словечки вроде «вектор», «поляризация», «интенсивность потока». Ах, вот оно что — они просто-напросто изъясняются на своем профессиональном жаргоне, для человека непосвященного звучавшего китайской грамотой...

— Ну что ж, пожалуй, это и в самом деле похоже на относительно чинную научную дискуссию, — сказал Канцлер, выключая экран. — Нормальная рабочая обстановка, если подумать...

— О чем это они? — спросил Сварог.

— Думаете, я понимаю? — фыркнул Канцлер. — Одно сумел уяснить: ваша Канилла уверяет, будто открыла что-то очень важное, а мои люди, как видите, не особенно ей верят... Кто тут прав, кто заблуждается, решительно не берусь судить. Там столько непонятного и экспертам...

— Ничего не понимаю, — решительно сказал Сварог. — Канилла, конечно, умная девочка, но не настолько же, чтобы, не зная предмета, ввязываться в серьезный спор с вашими экспертами...

— Да просто вы, судя по всему, далеко не все о ней знаете, — спокойно сказал Канцлер.

— Я слышал, у нее в свое время нашли нешуточные способности к А-физике, что для девушки изрядная редкость...

— И все?

— И все.

— Да ведь это далеко не все, — сказал Канцлер. — Впрочем, понятно: она не любит вспоминать обо всей этой истории, только ближайшие друзья знают...

— Что за история?

— У нее не просто отыскивались способности к А-физике, — сказал Канцлер. — К тому времени она

А-физикой увлеклась всерьез, и давно, в раннем, как говорится, отрочестве. А потому, едва достигла должного возраста, была с превеликой охотой принята в Лицей Магистериума, на факультет А-физики, естественно. Как я слышал, уже на первом курсе написала парочку интересных работ, ей прочили большое будущее. А вот на втором... Знаете, в А-физике, как и во многих других науках, существуют свои «ереси». Ученые такого определения не любят, предпочитают более научные, но суть, по-моему, та же самая: направления, которые считаются тупиковыми и ошибочными, так что приличному ученому к ним близко и подходить не стоит, чтобы не испортить репутацию и карьеру...

— Ага! — сказал Сварог. — В особенности если существуют общепризнанные светила и корифеи, способные стереть дерзкого еретика в мелкую пыль. Я с подобным сталкивался на земле, у себя в университетах... — он усмехнулся. — Правда, случается иногда, что ереси бывают вовсе не ересями, а истиной, а корифеи и светила заблуждались иногда в частностях, иногда на полную...

— Вот именно, — с кривой усмешкой сказал Канцлер. — Вижу, вы и в ученых делах начинаете помаленьку разбираться... Скорее уж, правда, в околonaучных...

— Ничего сложного, — пожал плечами Сварог. — В сущности, те же придворные интриги, только в других декорациях... Я недавно переманил из Магистериума одного молодого А-физика на всякий случай — мало ли зачем может пригодиться свой А-физик. Так вот, он так легко согласился перейти ко мне, потому что оказался как раз из «еретиков». Я по невежеству своему в науках так и не понял, в чем эта ересь заключалась, но в Магистериуме ему стало очень неудобно. Чем он у меня занимается, я так и не понял. Черт! Так вот почему Канилла с ним так быстро сблизилась и частенько бывает в его лаборатории, так что ее парень даже начал было ревновать. Подозреваю, «ересь» у них одного пошиба... Так что там было в Лицее?

— Ваша Канилла — большая умница...

— Я знаю, — сказал Сварог. — За что и ценю.

— Насколько мне известно, она всерьез заинтересовалась старыми архивами, откопала там какую-то из «ересей» и решила, что это вовсе не ересь, а весьма перспективное направление для работы. У нее хватило ума не защищать свое открытие перед наставниками. — Канцлер широко улыбнулся. — Девушка поступила иначе. Она попросту стала проникать ночью в один из рабочих залов и чуть ли не до рассвета проверять свою теорию на одной из тамошних установок. Благо сделать это было нетрудно, там не было ни кодовых замков, ни ночной стражи... правда, потом ввели и то и другое, как раз из-за этого случая. Это, конечно, было совершеннейшее нарушение регламентов: второкурсникам запрещены ночные работы, тем более без присмотра наставника. Но попробуйте остановить Каниллу Дегро, если ей что-то втемяшится в голову...

— Да уж, — сказал Сварог с чувством. — По собственному опыту знаю.

— Кончилось все тем, что случилась авария. Не особенно и крупная. Она просто-напросто вывела установку из строя — а это был немаленьких размеров агрегат. Не случилось ничего страшного, ни взрыва, ни пожара, вмешались автоматы безопасности, начавшийся пожар погасили, установку обесточили, взрыв, вполне возможный, предотвратили, но автоматы подняли тревогу по всему зданию, туда кинулась аварийная команда, и уйти незамеченной Канилла не успела. Как говорится, с поличным, на месте преступления... Канцлер ухмыльнулся. — Вообще-то, как мне объяснили, ее скорее всего и после этого инцидента оставили бы в Лицее — ну, после хорошей нахлобучки, понятно. Очень уж много от нее ждали, но она сама себе все испортила. Расследовать инцидент прибыл сам академик Уртало. Нынешнее светило и корифей, — Канцлер усмехнулся. — Знаете, в каждом поколении есть свои светила и корифеи... Верный и непреклон-

ный последователь великого Кондери, основоположника А-физики...

Сварог хмыкнул:

— Естественно, враг всех и всяческих ересей и малейших отступлений от канонов...

— Ну, это уж как водится, — пожал плечами Канцлер. — Главный служитель истины и канонов... Короче говоря, содержание разговора меж ними так и осталось неизвестным — по крайней мере, мне, — но Канилла, судя по всему, не каялась, наоборот, защищала свою гипотезу, причем, по слухам, столь... живо непосредственно, что Светило пришло в ярость, и она вылетела из Лицея, вообще из Магистериума, как пробка из бутылки. И с тех пор занималась А-физикой чисто по-любительски, уже не уделяя тому столько времени, сколько прежде... Вот и вся история. Банальная, если подумать...

— Банальная, — повторил Сварог. — Канцлер, как вы считаете... Могла она там наткнуться на что-то стоящее? Знаете, не раз бывало, что эти так называемые ереси как раз и оказывались чем-то ценным...

— Честно говоря, не знаю, — сказал Канцлер серьезно. — Не берусь судить. Рано... Все эти знания мы заберем наверх и будем исследовать самым тщательным образом, а там будет видно... Кстати, Канилла очень упорно уговаривала меня передать именно эти установки и лаборатории девятому столу... Что думаете?

— А почему бы и нет? — сказал Сварог. — У меня как-никак есть настоящий А-физик, да и в восьмом департаменте найдутся эксперты. Разумеется, если это не нарушает каких-то ваших планов...

— Нет, наоборот, — усмехнулся Канцлер. — Буду только рад, если с меня снимут часть ноши. Считайте, все это за вами, я распоряжусь. По совести говоря, меня сейчас в первую очередь интересует Крепость Королей: слишком серьезная вещь, чтобы ею пренебрегать.

— Если только она существует, — сказал Сварог.

— Если она существует, нужно сделать все, чтобы она не попала в чьи-то чужие руки, — сказал Канцлер. — Ну, а для вас, я догадываюсь, на первом месте — Токереты?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Коли уж они поддерживали отношения с Брашеро, нужно в сжатые сроки выяснить, что они замышляют. Без сомнения, у них имелись свои планы, но мы о них ничего не знаем, то-то и опаснее всего. Вряд ли они собирались быть при нем покорными исполнителями, не те ребята... Что-то, чутье подсказывает, он должен был им передать. В рамках союза. Они обязаны были что-то получить взамен еще до переворота, не поверю, что они ничего не просили...

— Я, кажется, знаю, что они просили, — кривя губы, произнес Канцлер. — И, боюсь, получили... Вот, полюбуйтесь.

Он положил перед Сварогом два странных предмета, больше всего напоминавших незамкнутые бублики, сделанные словно бы из прочного стекла — только один был прозрачный, а другой — до предела заполнен некой темно-коричневой субстанцией, словно бы переливавшейся тоненькими струйками, прядями. Сварог приоткрыл глаза: так и есть. На всех четырех торцах «бубликов» золотисто посверкивали небольшие цилиндрики, очень похожие на охотничьи капсюли.

— Можете смело брать в руки, — усмехнулся Канцлер. — Эти штуки совершенно безопасны, пока их не активируют...

Сварог повертел «бублики» в руках. У него осталось впечатление, что «полный» малость потяжелее «пустого» — хотя, быть может, так только казалось.

— Что то? — спросил он, осторожно кладя «бублики» перед собой на стол.

— Не осторожничайте, — все так же жестко усмехнулся Канцлер. — По ним кузнечным молотом можно лупить или подкладывать взрывчатку...

— Что, вы уже провели испытания на полигоне?

— Не было необходимости, — серьезно сказал Канцлер. — Они давным-давно описаны в бумагах из Музея техники. Давным-давно их у нас использовали самым широким образом. Это — сверхпроводники. Вы слышали что-нибудь про сверхпроводимость?

Сварогу в первую очередь пришли в голову не ученые фолианты (когда бы он их листал?), а читанная в детстве фантастика.

— Супераккумулятор, — сказал он. — Заключающий в себе невероятное количество энергии. Правильно?

— Вот именно, — сказал Канцлер. — Может длительное время использоваться в качестве питающего устройства для самых разнообразных агрегатов. — Он печально усмехнулся: — А поскольку человек — сволочь изобретательная, то в качестве оружия — если высвободить энергию *р а з о м*. По расчетам, одновременно взорванная дюжина таких штучек способна снести с земли, скажем, половину Латераны, останется лишь гигантская воронка...

— «Горное гнездо»! — вырвалось у Сварога.

— Вот именно, — сказал Канцлер. — Там их и заряжали. Энергоприемник и вся сопутствующая аппаратура уже уничтожены... *кстати*, я распорядился на всякий случай закрыть доступ в Музей техники и превратить его в закрытый объект. Мало ли какая изобретательная сволочь еще может появиться... Так вот. Прежде чем уничтожить компьютеры, мы, разумеется, сняли всю информацию. Получается, что за время работы установки заряжены около четырех тысяч сверхаккумуляторов и отправлены неизвестно куда. Когда наши взяли «Горное гнездо» штурмом, на «складе готовой продукции» их оказалось не более дюжины. Остальные исчезли, мы их не нашли ни там, ни во дворце — а *д р у г и х* баз в Горроте у Брашера точно не было... если не считать той, где испытывали подводные лодки. Но и там ни единого. Как по-вашему, долго придется гадать, куда их могли переправить?

Почувствовав, как холодеет лицо, Сварог сказал:

— Никаких ребусов. В Токеранг.

— Наверняка, — кивнул Канцлер. — Самому Браше-ро они были просто ни к чему: при успехе он получил бы гораздо более мощное оружие, всю сеть боевых орбиталов. Ну, а Токеретам они вряд ли нужны как средства шантажа, заложенные под ваши городами — ну, может, десяток-другой... А вот для успешной реализации проекта «Нормальный размер» им как раз нужно огромное количество энергии.

— Им хватит того, что у них уже есть? — спросил Сварог, не поднимая глаз от стола.

— По нашим подсчетам — вполне, — бесстрастным тоном сказал Канцлер. По крайней мере, для того, чтобы увеличить военную технику и людей, — он хмыкнул, покарутил головой. — Есть еще одно, но, безусловно, благоприятное обстоятельство. Заводы, реакторы, лаборатории и тому подобное они никак не смогут увеличить и вытящить наружу... да и не увеличивая, вытящить не смогут. Дело не в энергии. Чисто технические причины. Чересчур уж сложная задача, у них просто не хватит для ее решения людей и техники. Кое-что я на их месте непременно постарался бы переправить наверх, самое необходимое и компактное... но того опять-таки не может быть слишком много.

— Ну вот, — одними губами усмехнулся Сварог. — Хотя одно благоприятное обстоятельство у нас есть. И они не могут не понимать: без научно-промышленной опоры будут наверху слишком слабы...

— Часть оборудования, не увеличивая его, они давно уже могли перетащить на поверхность, не увеличивая его до поры до времени.

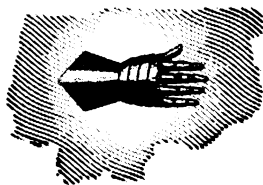
— Я об этом тоже думал, — сказал Сварог. — Часть — возможно. Но, уж, безусловно не столько, чтобы создать себе могучую базу. Не зря же они приглашают меня на переговоры, — он поднял голову и улыбнулся почти весело, — знаете, Канцлер... Я совершенно уверен: они не собираются меня там убивать. Будем смотреть правде в

глаза: у них были... и, наверное, остаются нешуточные возможности убрать меня здесь, наверху, не разводя лишних сложностей. Как бы меня ни охраняли, всегда остается вероятность, что какой-нибудь «спятивший стражник» или «обозленный дворянин» всадит мне нож в спину. Полностью исключить такого варианта нельзя.

— Я бы на вашем месте носил под одеждой что-нибудь вроде кольчуги из толладской стали, — серьезно сказал Канцлер.

— Уже месяц как ношу, — столь же серьезно ответил Сварог. — Надежная штука, тройного плетения, любое лезвие удержит. Нет, им определенно нужны переговоры, — его губы тронула хищная улыбка. — А там посмотрим...

200 . . .

Глава III

БЕЛОКУРАЯ ЕРЕТИЧКА

Он стоял у широкого подоконника и, заложив руки за спину, без особых эмоций наблюдал последний акт состоявшейся драмы.

Широкое, почти прозрачное, игравшее радужными отблесками полотнище, идеальный прямоугольник, превосходивший длиной и шириной первое намеченное к у н о с у здание, коснулся его высокого каменного фундамента почти у самой земли. Вошел в камень, как горячий нож в раскаленное масло, стал продвигаться дальше, дальше, вот уже целиком скрылся под домом, торчат только боковины шириной с пол-уарда. Висевший над высоким козырьком крыши большой полупрозрачный диск брызнул вниз снопиками разноцветных лучей — и края полотнища стали загигаться, расти в высоту, пока полностью не сомкнулись с диском, — заключив дом в подобие исполинского пакета. Диск стал медленно уходить в небо, увлекая за собой здание с легкостью тащившего крысу терьера. Осталась только аккуратнейшим образом срезанная половинка фундамента. В немаленькой толпе экскурсантов, собравшейся снаружи у стены под присмотром стражников, прошел шепоток пугливого удивления. Диск со своей ношей уже казался крохотной черной точкой, а они все таращились, задрав головы, у многих

слетели с голов шляпы, чего они пока что совершенно не замечали.

«Почему их не вывели за ворота?» — вяло удивился Сварог, но тут же догадался о причине: ну конечно, пусть лишний раз убедятся в нешуточной мощи Высоких Господ Небес, и об том тоже станут болтать на всех углах, привирая и приукрашивая...

Обернулся на едва слышный звук распахнувшейся двери. Она немного отошла, там стояла Канилла, разгоряченная, с азартной физиономией, а за плечом у нее торчал секретарь, вопросительно глядя на Сварога. Вообще-то у него был приказ беспрепятственно пропускать в кабинет любого из юных соратников, если король там один — но он, должно быть, полагал нынешние обстоятельства особыми. И в чем-то был прав: обыденностью это никак нельзя было назвать...

Сварог кивнул ему, секретарь с поклоном пропустил Каниллу в кабинет и аккуратно притворил за ней дверь.

— Цветешь? — спросил Сварог вполне добродушно. — Проходи, садись. Курить, как всегда, можно.

Канилла прямо-таки плюхнулась в мягкое кресло на вычурных ножках, вытащила свой золотой портсигар с эмблемой девятого стола на крышке, но не открыла, так и вертела в руках — обби всем забыла от избытка впечатлений, надо полагать.

Извлекла, наконец, сигарету, сунула в рот не тем концом, опомнилась, но так и не прикурила. Прямо-таки заворожено помотала золотоволосой головкой:

— Командир, там такая аппаратура...

— Впечатляет? — усмехнулся Сварог.

— Не то слово... Восхищает.

— Ага. И от восхищения ты там устроила шумный научный диспут с дипломированными учеными?

Синие глаза строптиво сверкнули из-под полурассыпавшейся челки:

— Уже донесли?

— Я тебе сто раз говорил, Кани: королю не ябедничают и не доносят — его осведомляют, — и добавил не без

злорадства: — Ну, что поделать, если вы там так расшумелись, что привлекли внимание Канцлера...

— И вовсе мы не шумели, — сказала Канилла. — Ну, может, чуточку повысили голос... Вполне пристойно шла дискуссия.

— Да ладно, я шучу, — сказал Сварог. — Я видел. Действительно, вы были само благолепие по сравнению с тем диспутом в Ремиденуме, когда один профессор так увлекся, что ухитрился запустить в оппонента даже не скамейкой, а преподавательской кафедрой, а она, между прочим, потяжелее скамеек. Правда, профессор был не из мозгляков... — Он резко оборвал шутливый тон. — Я, конечно, ничего не понимаю в А-физике, кроме того, что она занимается апейроном, но все равно, у меня осталось впечатление, что тебе так и не удалось им ничего доказать. Верно?

— Верно, — сердито выпалила Канилла. — Ортодоксы замшелые. Лошади зашоренные...

Сварог вкрадчиво спросил:

— Интересно, а во время той знаменитой истории в Лицее ты, случайно, не что-то вроде того выложила одному светилу науки?

Канилла отчаянно покраснела, до кончиков ушей. Красневшая от стыда или смущения Канилла Дегро — зрелище редкостное, Сварог его сейчас наблюдал впервые в жизни.

— Кто вам проболтался? — спросила она, не поднимая глаз.

— Неправильный термин, — сказал Сварог. — «Проболтался» обычно означает, что проговорился кто-то, с кого брали слово сохранить все в тайне. А мне рассказал Канцлер. Есть у него привычка — знать все... ну, будем надеяться, п о ч т и все... Ну, так как там было в Лицее?

— Я тогда была совсем молоденькая, — подняла глаза Канилла, — и сдерживать себя умела плохо, но все равно, таких слов не употребляла. Ни в чей конкретный адрес. Хотя, признаться, волю эмоциям дала... Допекли. Обращались со мной так, словно я была крошкой, без спросу стащившей из буфета варенье...

Сварог мягко спросил:

— Тебе не кажется, что ты в каком-то смысле такой и была? По сравнению не только со светилом, но и магистрами?

— Может быть. И все равно, им не следовало держаться настолько свысока, не дать мне договорить... Как бы там ни было, с е й ч а с я воли эмоциям не давала, вы же говорите, что сами видели... — она чуточку понурилась. — И все равно, они мне не поверили, ортодоксы...

— А о чем там шел спор?

— О «семи вкраплениях». Они же «точки Кондери»...

— Стоп, стоп, — поднял ладонь Сварог. — Я примерно знаю, кто такой был Кондери и насколько он велик, но вот тот ваш жаргон для меня — темный лес. Можешь ты объяснить примитивнее, чтобы даже невежда вроде меня понял суть?

Канилла на миг задумалась, вскинула очаровательную головку, улыбнулась:

— А знаете, командир, это, пожалуй, и нетрудно... У вас найдется бумага и стилос?

— Что за вопрос — у короля на столе да не найдется... Держи.

Канилла быстро начертила на белоснежном листе два почти идеальных, словно бы циркулем сделанных круга (она всегда хорошо рисовала, порой и шаржи, в том числе, негодница, и парочку на Сварога. Он не сердился). Потом изобразила внутри обоих кругов по семь фигур. Но если в первом все до одной напоминали детские каракули, то во втором оказалось семь маленьких, аккуратных кружков, умело заштрихованных. Повернула рисунок к Сварогу:

— Вот так, если популярно... Большой круг — это поток апейрона. На самом деле, конечно, круг — чистая условность, нужно же как-то изобразить поток...

— Я понял, — нетерпеливо сказал Сварог. — А эти закорючки-кружки — что такое?

— А это и есть предмет разногласия между официальной «школой Кондери» и отдельными вольнодумцами, к которым я и себя причисляю. Понимаете, в потоке апейрона всегда присутствуют... как бы поточнее выразиться...

семь дочерних, что ли, потоков. Они гораздо более мало-мощны по сравнению с апейроном, но всегда ему сопутствуют. Сам Кондери их и обнаружил, когда практически на пустом месте создавал А-физику. А уж потом, гораздо позже, их назвали в его честь. Сам Кондери их именовал «паразитарными излучениями», а то и попросту «соринками». Понимаете?

— Честное слово, понимаю, — сказал Сварог. — Вполне. Ничего особенно сложного. Ну, а ересь-то в чем?

— Видите ли, командир... — Канилла сделала неопи-суюмую гримаску. — Я, конечно, безмерно уважаю Кондери. Он и в самом деле был великим ученым, основоположником, корифеем, создал А-физику, я уже говорила, что практически на пустом месте, заложил основы, вывел едва ли не две трети базовых уравнений, сделал еще многое... И все равно... Вы ведь знаете, что самые великие ученые порой ошибались, чему-то важному не придавали значения, совершали жуткие промахи...

— Слышал кое-то, — сказал Сварог. — От ошибок никто не застрахован...

— Ну вот. В свое время Кондери объявил «точки» именно что мусором, не имеющим никакого научного значения. Эткими примесями, какие встречаются в самых благородных металлах. Совершенно не заслуживающими изучения. Ну, может, он не так уж и виноват, — великодушно добавила Канилла. — Не нам его судить, и уж тем более не мне, недоучке, вышибленной из Лицея на середине второго курса... А-физика только зарождалась, слишком многое предстояло сделать, и некогда было отвлекаться на второстепенное. Правда, уже в те времена раздавались голоса, что «точки Кондери» — никакой не мусор, что это никакие не примеси, а семь видов новых, неизвестных науке излучений. Я раскопала кое-что в архивах. Одно время на эту тему даже открыто дискутировали, но дискуссии очень быстро прекратились. Знаете, порой великие ученые...

— Тяжелый народ, — понятиливо кивнул Сварог. — Терпеть не могут, когда им противоречат, допустить не мо-

гут, что они ошибаются, и так далее, и тому подобно. Я так понимаю, дискуссии сошли на нет еще при жизни Кондери? И не без его влияния?

— Ага, вот именно, — сказала Канилла. — Кондери был слишком большой величиной в науке, его оппоненты не могли похвастать такими достижениями и научным авторитетом... В общем, их довольно быстро, как бы это выразиться, оттеснили на обочину...

— Это я тоже великолепно понимаю, — сказал Сварог. — Возобладало единственно верное учение, и любые отклонения стали считаться жуткой ересью...

— Примерно так, хотя термины у вас какие-то странно-ватые... — сказала Канилла. — Еще при жизни Кондери поддерживать гипотезу «семи излучений» означало серьезно рисковать научной репутацией, а уж при преемниках Кондери...

«Вышибали за ворота без выходного пособия» — мысленно добавил Сварог. Наука порой — тот еще гадючник, последующие светила и корифеи лишь углубляют идеи Отца-Основателя, любые покушения на основы будут и злодейскими выпадами против славных продолжателей...

— И что же, — сказал Сварог, — никто так и не проводил экспериментов, чтобы доказать, что никакие это не «примеси»?

— Только первое время, еще при Кондери. Тогда еще оставались ученые, хотя и уступавшие ему авторитетом, но все же достаточно решительные и влиятельные... Потом это как-то быстро сошло на нет. Данные в архивах отрывочные, иногда трудно понять, что именно происходило. Очень много пробелов. И потом... И потом, тогда А-физиков было очень мало, их и сейчас немного...

Что ж, это тоже аргумент, подумал Сварог. Конечно, будь это что на покинутой Сварогом Земле, что на Таларе, все могло обернуться совсем иначе — слишком много стран, слишком много ученых. А когда их всего кучка... Во-первых, кучку гораздо легче сплотить вокруг одной, единственно верной теории, во-вторых, когда ученый мирок малочислен, люди своим местом особенно до-

рожат и откровенно боятся связываться с еретическими теориями.

Вот вышибут его за ересь и вольнодумство из А-физики, и куда он пойдет? Стоп, стоп! Уж не то ли самое произошло с магистром Дальбетом, тем самым А-физиком, которого Сварог подозрительно легко переманил из Магистериума? Настолько легко, что даже подозревал одно время, что Магистериум таким образом хочет подсунуть ему своего агента (лишь долгая проверка показала, что Сварог тянет пустышку, что у Дальбета и в самом деле сложились крайне напряженные отношения с коллегами по науке... о которых сам он до сих пор говорит крайне скупой). Да или нет?

— В общем, когда я откопала в архивах старинные данные об экспериментах с «точкой пять», з а г о р е л а с ь, — продолжала Канилла. — И решила проверить. Сначала все вроде бы шло гладко, а потом эта чертова установка буквально взорвалась. Может, я задала ей задачу, превосходившую ее возможности. А может... — она замолчала, играя портсигаром.

— А может, у тебя попросту не хватало опыта и знаний, чтобы играть в такие игры.

— Возможно, — к его удивлению, покладисто согласилась Канилла. — Хотя подобные аварии случались и у иных корифеев...

— Ты мне вот что скажи, — сказал Сварог. — В последнее время ты что-то слишком уж много времени проводила с магистром Дальбетом, без всякой служебной необходимости.

— Ну да, — безмятежно улыбнулась Канилла. — Родрик даже ревновал, дурачок, без всяких к тому оснований... Но никаких амурных дел там не было, честное слово. Просто мы как-то разговорились, и выяснилось, что мы с Дальбетом — сущие собраты по несчастью. Он в свое время из чистого любопытства провел пару экспериментов с «точкой три». Полной уверенности нет, но он говорит, что результаты были очень интересные, что эксперименты стоило бы продолжать и развивать, — Канил-

ла улыбнулась. — Он уже не в том возрасте, когда ночью, тайком прокрадываются в лабораторию, потому пошел к начальнику сектора за содействием. Тот оказался ярым ортодоксом, и началась у Дальбета невеселая жизнь, тем более что парень он строптивый, самолюбивый, отказался признать, что результаты его экспериментов — банальные сбои аппаратуры. Не прими вы его на службу, его вскоре выжили бы, точно...

— Хорошо хоть, не зарезали бы, — сказал Сварог. — Что ты улыбаешься? Научные дискуссии порой принимают довольно специфические формы. Был у меня года полтора назад в Снольдере такой случай. Один молодой, но дьявольски талантливый химик заканчивал работу, которая должна была камня на камне не оставить от одного из основополагающих трудов некоего корифея. Вообще-то корифей тот, как мне потом объяснили, вовсе не был шарлатаном, однако так уж вышло, что именно эта книга оказалась, как выразился один из экспертов, плодом глубокого заблуждения. Искреннего заблуждения, но дела это не меняет. А по ней уже лет двадцать студенты учатся в трех университетах, за нее золотая медаль Королевской академии наук присуждена. И вдруг, как гром с ясного неба... Есть от чего затосковать. Тем более что корифей совсем не стар, даже в пожилой возраст не вошел, долго ему пришлось бы с этим жить. Этому молодому гению держать бы язык за зубами до поры до времени, а он не удержался, рассказал кое-кому из коллег, как вскорости приложит с а м о г о.

— Хотите сказать, что корифей его зарезал?

— Чужими руками, — сказал Сварог хмуро. — Через посредника договорился с «ночными портными» из какой-то серьезной банды, те ночью прокрались в дом и преспокойно прикончили незадачливого гения. А потом согласно просьбе заказчика собрали все бумаги, какие только нашлись в кабинете, и унесли. Они все были поголовно неграмотны, а потому добросовестно унесли все. Пусть заказчик сам разбирается. Ну, а заодно, чтобы создать видимость обычного ограбления, прихватили не-

мало ценных вещичек, все деньги выгребли — покойный происходил из богатой семьи, получил хорошее наследство, жил безбедно... Займись этим одна только обычная полиция, могло бы ученому мужу и сойти с рук. Но на его несчастье, тот молодой химик не только мирными вещами занимался, а еще и работал с военными. Разрабатывал для военного флота какой-то новый вид пороха, гораздо лучше имеющихся — ну, в эти детали я вникать не стал. В общем, как только стало известно, что из дома пропали не только деньги с ценностями, но и все бумаги, военные сделали стойку и моментально узрели тут шпионские происки. Тем более что лоранские шпионы на дальних подступах уже замаячили. Подняли на ноги и Морское Бюро, и тайную полицию. Бюро так ничего и не раскопало — они работали исключительно в привычной для себя среде, старательно искали именно что шпионов... Тайная полиция сработала лучше. Когда у скупщиков краденого стали всплывать кое-какие ценные вещички из похищенных, они взяли в оборот парочку «черных торговцев», кто-то из них сдал кого-то из «портняжек», тот — остальных, те сдали посредника, ну, а дальше было совсем просто... Взяли корифея без всякого почтения к научным титулам и довольно быстро раскололи.

— И что вы с ним сделали? — с любопытством спросила Канилла.

— Я, знаешь ли, большой гуманист, — жестко усмехнулся Сварог. — К чему рубить головы направо и налево, коли в Трех Королевствах катастрофически не хватает людей? Я и велел законопатить его туда навечно. Правда, не киркой махать, а скрипеть пером в тюремной канцелярии — как-никак серьезный ученый, далеко не стар, может и еще что-нибудь полезное открыть. Но все равно — вечная каторга без права выхода за колючку, с ночлегом в камере.

Все остальные, причастные к делу, тоже пошли на ту же каторгу — но по причине их полной бесполезности для науки всю оставшуюся жизнь будут киркой махать.

Канилла зябко поежилась:

— Ну, у нас с такого не бывает...

— Условия специфические, — сказал Сварог. — А вот дай ты им волю, еще неизвестно, что началось бы... Ладно, давай о деле. Что тебя там привлекло, в той именно лаборатории?

— Я не буду вдаваться в научные детали, командир, хорошо? Вы ведь, простите, все равно ничего не поймете.

— И даже пытаться не стану, — хмыкнул Сварог. — Излагай суть в доступной форме.

— Понимаете... Я так и не поняла пока предназначение двух тамошних установок, но голову могу позакладывать: они работают с излучением той самой «точки пять», которую я тогда пыталась исследовать. Полное совпадение с теми архивными данными и парой моих тогдашних экспериментов, — она беспомощно развела руками. — Простите, командир, но дальше начинаются сплошные формулы и расчеты...

— И пошли они к лешему... — проворчал Сварог. — Суть я уяснил. Ладно... Не ерзай ты так, Канцлер уже распорядился передать ту аппаратуру нам, так что демонтажники ее скоро доставят в наш Манор. Крепко подозреваю, он так поступил оттого, что считает ее чем-то третьестепенным, есть вещи, которые его интересуют гораздо больше. Но я тебе этого не говорил, а ты этого не слышала. Ибо подчиненные не должны сплетничать о вышестоящих... В общем, пора открывать и у нас научно-технический отдел, коли уж жизнь заставляет. Состоять он будет пока что только из тебя и Дальбета... кстати, твое честолюбие не особенно пострадает, если руководить отделом будет он, а не ты? Он как-никак профессионал, а ты, сто раз прости, не более чем любитель...

— Да я вовсе не честолюбивая, — заверила Канилла. — Просто люблю разгадывать загадки, тем более такие...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Ну, а кадры понемногу подберем. Есть у меня одна идея...

— А что за кадры?

— Потом узнаешь, — решительно сказал Сварог, смеясь в глубине души — кадры, конечно, специфические, но от них, вполне возможно, будет толк. В Велордеране от-

личный научный центр, пора, кроме Закона, посвятить в эти тайны и Каниллу, ей вполне можно доверять...

Канилла деловито сказала:

— В таком случае, нам понадобится еще масса аппаратуры...

— Раздобудем, — заверил Сварог. — В полном соответствии с законами и регламентами. Если уж есть научно-технический центр, его следует оборудовать по высшему разряду. Поскольку...

Он вдруг замолчал. До него только сейчас дошло во всей полноте, на что они так неожиданно наткнулись.

— Что с вами? — встревоженно воскликнула Канилла. — У вас вдруг стало такое лицо...

Сварог молчал еще какое-то время. Потом медленно сказал:

— Кани, ты умница, но, похоже, так до сих пор и не поняла, на что наткнулась... Речь идет не о простом решении научной загадки, а о безопасности Империи. Именно так. Если ты права и в самом деле существуют целых семь видов излучений, которыми официальная наука до сих пор так и не занималась, не имеет аппаратуры, способной их фиксировать... Еще не поняла? Как меня наставлял не так давно профессор Марлок, практически любой вид излучения можно использовать для связи, а то и для чего-нибудь похуже.

Вот теперь и до нее, очень похоже, дошло во всей полноте, глаза стали круглыми от изумления, она выдохнула:

— Вы считаете, Брашеро с компанией...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Если ты права, здешняя компания использовала как минимум один из видов излучения, не признанный официальной наукой. Если так, они могли часами переговариваться со своими сообщниками наверху, с Токеретами, еще черт знает с кем о делах насущных — причем открытым текстом, потому что ни у одной имперской службы попросту нет аппаратуры, способной их передачи перехватить, вообще засечь...

И кстати, добавил он про себя, мы так до сих пор не доискались, каким образом «черные камни», загадочные компьютеры неизвестного происхождения, незамеченными подключаются к сетям Империи. Да что там далеко ходить, сам я, хоть и полноправный король Хелльстада, понятия не имею, каким образом проделывают то же самое компьютеры Велордерана. А ведь Золотые Обезьяны должны знать. Просто я их об этом никогда не спрашивал, а логика роботов давно известна: они отвечают только на прямо поставленный вопрос, никогда по собственной инициативе не станут читать лекции и давать пояснения, так уж у них мозги устроены...

Вид у Каниллы был чуточку испуганный — ну да, осознала девочка во всей полноте, с чем они столкнулись...

— И что теперь? — спросила она чуть беспомощно. — Это перерастает, нет... даже не могу точно сформулировать, во что.

Сварог усмехнулся:

— Зато я могу, как бюрократ и начальник спецслужб. Перерастает это в научные работы высшей степени секретности и важности, как имеющие прямое отношение к безопасности Империи. Я сегодня же пойду к Канцлеру, потому что такие вещи мы просто не можем держать при себе. И поговорю с императрицей, — он широко улыбнулся. — Кани, если я хоть что-то понимаю в жизни, у вас с Дальбетом вскоре будет любая аппаратура, какая только понадобится. В любых количествах. Придется строить новый Манор, специально для научно-технического отдела. Работа предстоит...

Канилла сказала почти жалобно:

— Я не думала, что запускаю такую махину.

Сварог хмыкнул:

— Случается такое в жизни, красавица моя. И никуда теперь от всего этого не денешься. Сплошь и рядом...

Он прервался — рядом с его правым локтем мелодично засвиристел портсигар-компьютер, замигала синяя лампочка, искусно выполненная в виде крупного сапфира. Сварог без колебаний придвинул его и поднял крышку:

пустыками не пахло, все, кто знал этот канал, предупреждены — пока он работает в Акобаре, беспокоить только по самым неотложным делам.

Перед ним на столе неярко засветилась синяя клавиатура, а на месте крышки портсигара возник немаленький экран.

На экране зеленела спокойная морская гладь, белел наполовину погруженный «Ящер» Морской бригады, и у перил стоял капитан Грайгем, адъютант маркиза Оклера еще по Серебряной Бригаде. За спиной у него, кажется, уардах в сотне, вздымалась прямо из моря странная стена, уходящая за боковины экрана и его верхний обрез. Да, странная стена: такое впечатление, выпуклая точку, покрытая черно-зеленым узором, напоминавшим что-то крайне знакомое. Но сейчас Сварога, несмотря на странность стены, больше интересовал капитан. Он держался крайне странно: усталился на Сварога, часто моргая, как это бывает с куклами, когда их вертят дети, а по лицу блуждала глуповатая улыбка. Будь это кто-то другой, можно с ходу заподозрить, что человек изрядно принял на грудь, но капитана Сварог давно знал как офицера толкового и дисциплинированного — других Оклер в своей команде не держал, что прежней, то в новой.

— Ну? — грубовато спросил Сварог.

Капитан молча таранился на него с той же дурацкой ухмылкой. Проямлил наконец:

— У нас тут... Мы здесь... События такие...

Сварог не медлил. Против такого поведения есть давнее вернейшее средство, известное любому армейцу с опытом...

— Доложите, как надлежит! — рявкнул Сварог, что твой медведь.

Он не стал отключать звук, переведя бы тем самым речь собеседника в текстовые сообщения: от Каниллы, как и от многих, у него были кое-какие секреты, но не в тех делах, что касались Морской бригады. Наоборот, ей, сотруднице девятого стола, сейчас как раз надлежит быть в курсе...

Испытанное средство не подвело и на сей раз: капитан живенько подтянулся, убрал с лица дурацкую ухмылку и доложил. Одной-единственной фразой, которой вполне хватило...

Сварог не выказал удивления — хотя именно его испытал, весьма нешуточное. Сказал только:

— Маркиз на месте?

— Так точно!

— Я немедленно вылетаю, — сказал Сварог и выключил экран. Глянув на Каниллу, невольно усмехнулся: у нее от несказанного удивления не только глаза стали квадратными, но и рот приоткрылся совершенно по-детски.

— Вот так, Кани, — сказал он, все еще усмехаясь. — Бывает. Ай да Оклер...

— М-можно... можно мне с вами?

Сварог пожал плечами:

— Поехали... — и коснулся клавиши со значком: — Лейтенант, мы вылетаем. Охрана обычная, только прихватите еще дежурный драккар.

Выключил компьютер, встал, шумно отодвинув массивное кресло, по горротскому обычаю щедро украшенное здешними самоцветными камнями. Нетерпеливо бросил:

— Что ты сидишь? Вперед!

...Он остановил машину высоко в воздухе, чтобы сначала рассмотреть эту весьма незаурядную картину с высоты. А посмотреть было на что: на зеленоватой морской глади неподвижно вытянулись две змеищи в черно-зеленых узорах чешуи, с треугольными плоскими головами. Сверху, как всегда бывает, они казались самыми обыкновенными змеями вроде лесной гадюки. Правда, длину чуть ли не в лигу прекрасно передавали десятка два собравшихся вокруг машин: и «Ящеры», и диски-антигравы (должно быть, как раз и державшие исполинскую дохлятину на плаву), и браганты с драккарами. По сравнению со змеями они казались чуть ли не мошками.

Вот так. Внезапно, незатейливо и наверняка без особых трудов. Маркиз Оклер, определенно сам того не ожидая, прикончил Митгард, одно из Воплощений, и

Ермундгада, неизвестно какие функции при ней выполнявшего...

Сварог повел машину вниз, за ним, чуть сзади и по бокам, в идеальном строю шли два драккара охраны и еще один, дежурный. Аккуратно подведя посаженный на воду драккар вплотную к борту флагманского «Ящера», он ловко перелез через невысокие перильца и помог Канилле. Мариз Оклер лихо отдал ему честь — конечно, Морская бригада Сварогу не подчинялась ни с какой стороны, но по положению он был гораздо выше, и бравый служака Оклер такие тонкости прекрасно понимал.

— Ну, что же, вас можно поздравить, мой друг? — сказал Сварог. — Рассказывайте побыстрее, тут любой умрет от любопытства...

Оклер ничуть не походил на бравого триумфатора (хотя, между нами, имел все поводы такой вид принять). Наоборот, он улыбался чуточку сконфуженно, будто совершил что-то такое, чему ему по чину не полагалось.

История оказалась нехитрая. Исполинские змеюги, неизвестно где затаившиеся, внезапно были обнаружены одним из орбиталов Морской бригады — когда целеустремленно шли к поверхности. А, оказавшись на поверхности, стали нападать на корабли, первые попавшиеся, разнося их в щепки — что им стоило — и пожирая бултыхавшихся в воде моряков. Везения и времени им хватило лишь на двух снольдерских «купцов» и горротский военный фрегат. А потом на них обрушились две дюжины «Ящеров» под личным командованием Оклера, окружая, не давая уйти на глубину. На каждом «Ящере» имелись торпеды, предназначенные для подводных лодок Токеретов нормального размера — мало ли как могло обернуться дело. Но использовать их против змеищ никто и не пытался: все равно что попробовать убить дикого вепря булавкой... И Оклер приказал пустить в ход инфразвуковые опушки, рассудив нехитро: если обе твари — какие-нибудь демоны, ему и его людям придет каюк, но если это создания из плоти и крови... Пальба шла неприцельная и хаотичная — никто, в том числе и Оклер, не знал, где

у этих змеищ сердце, где вообще бывает сердце у змеи. А потому во время хаотичной схватки Оклер все же потерял двух «Ящеров» — один был «беспилотник», второй, к сожалению, нет. Оба хрупнули в исполинских челюстях, как орехи...

Но вскоре, когда змеищи принялись конвульсивно биться под непрерывным неслышным огнем — так что «Ящеры» едва успели рассыпаться — стало ясно, что они вовсе не демоны, обстрел усилился, пушки работали на максимуме, и примерно через квадранс обе тварюги всплыли неподвижными...

— Вот, собственно, и все, — сказал Оклер, улыбаясь все так же чуточку конфузливо. — Кто бы знал, что так просто...

— Просто или сложно, а в историю вы, маркиз, войдете, — серьезно и искренне сказал Сварог.

Маркиз пожал плечами:

— Вот уж кто бы мог подумать... Но ведь, собственно говоря, так и останется неизвестным, кто именно нанес решающий удар — все палили, как проклятые, может быть, победу одержал вообще какой-то из «беспилотников»...

Сварог усмехнулся:

— Поверьте человеку, имеющему в этих делах кое-какой опыт: в подобных случаях в историю входит к о м а н д и р. Не нами заведено, не на нас и кончится, это что-то вроде закона природы, а потому протестовать бессмысленно.

...Едва они взлетели, Канилла что-то возбужденно затараторила, все еще оглядываясь назад.

— Кани, помолчи минутку, ладно? — серьезно сказал Сварог. — Мне нужно подумать...

Она дисциплинированно умолкла.

Действительно, подумать есть над чем. Сейчас, когда уничтожены три воплощения из четырех, можно анализировать — да и статистика откровенно присутствует...

Два Воплощения оказались уязвимы для современного оружия — неважно, что сейчас в ход были упущены инфразвуковые пушки, а победитель Брелганда справился

копьем и мечом. В сущности – самые обычные твари – разве что змеи были исполинскими, а Брелганд, судя по сохранившемуся в монастырском хранилище черепу, был, в общем, обычных для дракона размеров. В старые времена, что давным-давно подтверждено палеонтологами, драконы водились, в том числе огнедышащие (никакой магии, просто очередная шуточка биологии, носившая под собой вполне научную основу). Брелганд, кстати, огнедышащим не был, так что тот брат-рыцарь, хотя крестьяне и подобрали его после боя с переломами и ранами, выжил и до конца жизни ходил на своих ногах, разве что изрядно скособоченным и с не разгибавшейся почти левой рукой.

Великий Кракен, конечно, был противником не в пример более жутким и могучим — но против него нашлись средства еще до Шторма. Великому Мастеру следовало бы в свое время позаботиться о большей неуязвимости для своих воплощений, наверняка он в состоянии был это сделать. Однако... Если дьявол, как гласит старая пословица, никогда не делает ошибок, то свои серьезные недостатки есть. Еще года три назад и брат Тивадар, и монахи из Ордена святого Сколота заверяли Сварога, что Великий Мастер начисто лишен способности предвидеть будущее. Свои воплощения он создавал в незапамятные времена, «у начала времен», как любят выражаться книжники, — к тому же в ту эпоху, когда люди еще не пришли сюда с Сильваны, а Таларом владели Изначальные. Нет, «владели» — слишком громко сказано. Пока еще не владели, а просто обитали. О них до сих пор известно чертовски мало, но археологи Империи клянутся, что у Изначальных, судя по некоторым находкам, безусловно были свои первобытные времена — когда, судя по некоторым гипотезам, и были созданы Воплощения. Так что Великий Мастер так и не поднялся выше уровня окружающего мира — не то что инфразвуковых пушек и «Рагнарока» с его так и оставшимися загадкой торпедами (поскольку израсходованы все до единой, и изучать попросту нечего), но и рыцарских мечей не предвидел.

И вот теперь возникает главный, насущнейший вопрос: а каково четвертое Воплощение и на что способно? В старых книгах о нем кое-что все же попадает, но даже если некоторые описания правдивы (как это оказалось с Багряной Звездой), все равно невозможно делать выводы о его могуществе и возможностях... И где он прячется, в конце концов, черт бы его побрал?

— Вот что, Кани, — сказал Сварог, очнувшись от раздумий и подняв голову. — Садись-ка в дежурный драккар, лети наверх. Тебе ведь самой не терпится посмотреть еще раз ту аппаратуру? Ну, вот... А у меня еще дела во дворце, — его губы тронула не такая уж и добрая улыбка. — На сей раз — никаких загадок и интриг. Я бы сказал, парочка чисто воспитательных мероприятий...

ВОСПИТАТЕЛЬ И ДИПЛОМАТ

Проходя по коридорам, ведущим в королевские покои, он не заметил особенных разрушений: сам давал приказ «багровым» особенно не усердствовать. Кое-где картины висели явно не на месте, и некоторые высокие резные шкафчики, щедро украшенные драгоценными камнями, сдвинуты с прежних мест: ну да, быстренько прикрыли следы от пуль, топоров и мечей, чтобы потом навести благолепие, подобающее полноправной королеве, наконец-то занявшей трон. Правда, во дворце пока что не имелось никого из посторонних — стража сменена полностью, сплошь из антланцев, как и раззолоченные лакеи, от них-то следовало избавиться в первую очередь: эта публика сует нос в любую щель, подслушивает и подсматривает при каждом удобном случае, а потому порой знает государственных тайн даже больше, чем облеченные королевским доверием приближенные (именно по этой причине их всех до единого следовало допросить самым тщательным образом). Доводя дело до логического завершения, Сварог намеревался сменить вообще всю дворцовую прислугу на своих людей — от поваров и прочих кухонных мужиков до кучеров и садовников-огородников. Литте, учитывая кое-какие будущие сложности (а ведь

еще не все вычислены навскидку), следовало обитать в обстановке строгой стерильности. А сложности будут, готовиться нужно заранее... Он оставил пока что при принце пару-тройку служанок, но и их следовало в самом скором времени заменить. За пределами дворца не найдется наверняка никаких сообщников, с которыми юный поганец мог бы сноситься через служанок, но все равно, следовало полностью отрезать его от внешнего мира.

Двое стражников, охранявши главную дверь в покои принца, конечно же, моментально его узнали и расступились, один проворно распахнул дверь, боковую, в узорах из красиво ограненного бакана. Лакей, вышагнувший навстречу в высокой раззолоченной приемной, конечно же, тоже был свой. Многозначительно уставился, ожидая распоряжений.

— Где сопляк? — негромко спросил Сварог.

— В кабинете — у него там служанка...

— Понятно, — сказал Сварог. — Урок музыки (лакей ответил легкой циничной улыбочкой). Совершенно не представляю, зачем заниматься этим в кабинете... Ну ладно, подождем, должна же быть мужская солидарность... Как он себя ведет? Не истерит, не буянит?

— Пожаловаться не на что, — серьезно сказал слуга, он же один из доверенных кадров Интагара. — С самого начала, когда все началось, пытался выскочить в коридор, звал герцога Орка — но быстро сообразил, что к чему, когда мы ему кратенько объяснили суть перемен. Вино и служанок доставляем беспрепятственно, как вы и приказывали...

— Ну, и каковы ваши первые впечатления? — спросил Сварог деловито.

— Змееныш еще тот, — столь же серьезно ответил сыщик. — Держится спокойно, но, судя по глазам, с превеликой охотой велел бы всех передушить. Единственный раз пытался скандалить, когда снимали его портрет при всех королевских регалиях — он его велел и в спальне, и в кабинете повесить. Ну, объяснили чисто словесно, но убедительно...

— Из каких он, как по-вашему?

— Крысеныш уличный, — убежденно сказал сыщик. — Из веселых кварталов наподобие ронерских Кривопутных Улочек или Латеранских Дикарских Хижин. Тут, в Акобаре, тоже есть такое местечко, где их нет? — только я не помню, как оно тут называется. Той самой породы. Я, когда только начинал, в молодости как раз по таким местечкам работал, насмотрелся. Кошельки учатся срезать раньше, чем ходить, а уж если сойдутся в стаю...

— Одним словом, милейший ребенок, — рассеянно сказал Сварог.

Видимо, у Брашера не было особенного выбора — спектр того щенка, надо полагать, идеально соответствовал плану...

— Да уж, гнида редкостная, — с чувством сказал сыщик.

Сварог пожал плечами:

— Что поделать, если другого у нас нет...

В дальнем конце приемной распахнулась дверь, как и прочие, разместившаяся меж двух колонн из орлеца, выскочила симпатичная служаночка. Перехватив взгляд Сварога, запунцовела до ушей и, прикрыв лицо белым фартучком, выскользнула. Теперь его высочество был свободен от государственных дел, и Сварог решительно направился в кабинет.

Как он и ожидал, стол оказался совершенно свободен от деловых бумаг (впрочем, настоящего принца ими тоже не загружали бы). Зато там лежала парочка толстых альбомов, судя по цветным картинкам на обложке, всецело посвященных обнаженной натуре. Ни следа учебников, карт и прочих учебных пособий, при взгляде на небольшую книжную полку возникает впечатление, что ни одну из книг не открывали отроду. Зато целая стена густо увешана разнообразнейшим оружием — ну, чего еще другого ожидать от юного наследника трона, чьим единственным воспитателем был герцог Орк?

Сам принц сидел на широком диванчике у стены — вот диван, сразу видно, использовался гораздо чаще, чем

кресло за столом. К дивану придвинут столик, на котором красовался примечательный натюрморт: бутылка вина с синей этикеткой, хрустальный бокал и серебряное блюдо, на коем помещались большая золотая пепельница, три трубки из красного дерева и парочка резных шкатулок.

Ну, коли уж без церемоний... Сварог поднял за спинку одно из кресел у стола, поставил его посреди кабинета и сел лицом к принцу, прикурил от пальца и стал разглядывать неожиданно попавшее в круг его забот сомнительное сокровище.

По первым впечатлениям — обыкновенный мальчишка, белобрысый и светлоглазый, чем-то даже симпатичный. Вот только глаза у него отнюдь не детские — колючие, полные неприглядного житейского опыта, какого у б л а г о п о л у ч н о г о пацана его лет и быть-то не может, смотрит исподлобья, неприязненно и зло, суший волчок. И уж конечно, такие глаза у него стали отнюдь не по причине событий последних дней — происхождение и жизненный опыт, конечно. Надо думать, даже искусство Брашера, мастерски изготавливавшего двойников, оказалось бессильно облагородить этакий вот взгляд...

Мальчишка — с некоторым вызовом, покривив губы — взял одну из украшенных пещерным жемчугом трубок, умело набил светлым табаком, умело раскурил. Принялся пускать дым, поглядывая на Сварога с тем же вызовом — за которым все же чувствовался страх.

— Говорят, курить вредно, — сказал Сварог нейтральным тоном.

— Болтают, — отозвался мальчишка напряженно. — Сами-то...

— Да, дурная привычка, никак не соберусь бросить — то одно, то другое... — сказал Сварог. — Итак... Его королевское высочество принц Каэтан. Мне представляться?

— Не надо, — угрюмо бросил Каэтан.

— Уже проще, — усмехнулся Сварог. — Поговорим?

— Смотря о чем, — настороженно отозвался Каэтан.

— Для начала — о тебе, — сказал Сварог. — Да, между прочим... Коли уж ты о мне немного наслышан и даже в

лицо узнал... Слышал, может, что у меня есть привычка безошибочно отличать правду от лжи?

— Доводилось...

— Я об этом помянул исключительно ради экономии времени, — сказал Сварог, — чтобы разговор был коротким и деловым. Откуда родом будешь?

После коротенькой паузы Каэтан ответил, снова не без вызова:

— Из Драной Окраины.

Уточнений тут явно не требовалось. Сварог спросил:

— Родители есть?

— Коли уж появился на свет, были где-то, — ответил Каэтан равнодушно. — Вот только я о них не слыхивал давненько, и не тянет. Нашлись хорошие люди, в канаве похоронили...

— ...и обучили куче интересных способов зарабатывать денежки на жизнь, — понятиливо продолжил Сварог. — Тем самым, что не одобряет ни одна полиция... Жмуры за душой есть?

— Ни одного, — сказал Каэтан. — Порезанные были — ну, сами виноваты...

— Не врешь, — задумчиво сказал Сварог. — Значит, работал у добрых людей... Подробности меня не интересуют. А потом тебя отыскал еще более добрый дядюшка по имени Брашерио — или его люди отыскали, не того полета человек, чтобы самолично шляться по воровским трущобам. И сделали тебе предложение, на которое ты быстро согласился.

— А кто бы отказался? — хмыкнул Каэтан.

— Тоже верно, — сказал Сварог. — В твоём-то положении...

Он нисколько не сердился на мальчишку, не говоря уж о том, что он ничего такого натворить не успел, если не считать шалостей со служанками. Мало ли в помянутых трущобах таких вот — чуть ли не в младенческом возрасте оказавшихся на улице и быстренько попавших в науку к «добрым людям»? (Впрочем, и жалости к нему Сварог не испытывал ни малейшей — всех не пережалеешь.)

— Крепко на меня злишься? — спросил он.

— Это за что это?

— За то, что я тебе дал побыть королем всего-то пару дней?

— На всех злиться — злости не хватит... — проворчал Каэтан.

— Резонно, — сказал Сварог. — Парнишка ты, нечего и гадать, умный и сообразительный — школа жизни, ага... Так вот. Сам, наверное, отлично соображаешь: даже если бы остался королем, ходил бы по струночке и делал только то, что они скажут.

— Уж это точно, — утрюмо кивнул Каэтан. — Дураку ясно. И все равно — лучше быть у них на ниточках и вовсю пользоваться теми выгодами, что были бы, чем...

— Так, — сказал Сварог. — Кажется, понятно, в чем тут дело. Ты ведь меня боишься, шустрое чадо? Да? Говори честно, ничего тут нет унижительного для неглупого человека в твоём положении.

— Ну и что? — проворчал мальчишка. — Боюсь. Кто там знает, что у вас на уме?

Сварог дружелюбно улыбнулся:

— Хочешь совершенно точно знать, что у меня на уме? Верить или нет — дело твое, но я намерен оставить тебя на прежнем месте и в прежнем положении. Дело тут не в добротe, а в обстоятельствах. Будь я узурпатором, собравшимся захватить Горрот, просто обязан был бы вырезать прежнюю династию. Без капли злобы — так уж в таких делах полагается... Но намерения у меня совсем другие. Мне нужно, чтобы на троне по-прежнему сидела твоя... м а м о ч к а. Ну и ты, соответственно, оставался при ней, коли уж жив и здоров. Веришь?

— Что бы тут и не поверить... Мамочку, я так понимаю, вы уже крепенько захомутали?

— Примерно так и обстоит, — сказал Сварог. — Прекрасно понимает, что я — её единственная защита, опора и надежда.

— Раскладываете, поди? — поинтересовался Каэтан с ухмылочкой.

— Ну, то мое дело, — сказал Сварог преспокойно. — Я ведь в твои забавы со служанками не лезу... Но ситуацию ты ухватил верно.

Твоя названная матушка работает на меня, и только на меня. Мои армии скоро уйдут, а она останется править...

— Под присмотром ваших тихарей? — усмехнулся мальчишка.

— Еще под каким... — усмехнулся и Сварог. — Ну а как же без этого? Давай к делу. Поскольку ты живехонек-здоровехонек, о чем всему королевству известно, тебе необходимо играть строго определенную роль в событиях. То есть, оставаться тем, кем тебя полагают люди непосвященные: наследный принц, пусть и пристрастившийся с ранних лет к иным предосудительным забавам — в общем, ничего необычного, во многих коронованных семействах и не такое бывало... Уяснил? Я от тебя вовсе не требую, чтобы ты разыгрывал любящего сыночка — просто води себя как можно естественнее, — он усмехнулся. — И забавы свои устраивай чуточку поскромнее, понял? Во всем остальном — самый обычный принц. Задача понятна?

— Понятна, — пробурчал Каэтан. — Вот только совершенно не тянет часто общаться с этой...

— А никто и не заставляет, — пожал плечами Сварог. — Некоторое отчуждение будет вполне мотивировано: взрослеешь, переходный возраст... Главное, вести себя ты должен так, чтобы никто ничего не заподозрил. Выполнять то, что от тебя требуют чисто церемониальные обязанности и придворный этикет. Никакой видимой неприятели, ничего такого. И преспокойно пользуйся всеми благами, что тебе, как принцу, положены — только, еще раз говорю, развлекайся поскромнее. Чтобы девки к тебе средь бела дня в кабинет не шмыгали. Образ я из тебя леплю такой: несмотря на свойственные юности переклесты и мелкие грешки, ты все же достойный наследник короны, юноша с большими задатками (Каэтан ухмыльнулся). Ты не скалься, не скалься. Скоро во дворец вернутся те, кто был близок к прежнему королю. И у них о тебе, на-

сколько я знаю, самое хорошее впечатление, они ж тебя помнят совсем маленьким... Изволь это впечатление не портить. Тогда проживешь долго и счастливо, в роскоши. Мое слово. Что-то еще объяснять?

— Не надо, — сказал Каэтан. — Лишь бы не обманули.

— Я уже объяснил, п о ч е м у не собираюсь тебя обманывать, — терпеливо сказал Сварог. — Не по доброте душевной, а потому, что ты мне еще долго будешь нужен. Спросить что-то хочешь?

— А э т и никогда уже не вернутся?

— Никогда, — сказал Сварог. — Даже слабенького повторения чего-то подобного никто никогда не допустит.

— И Орка тоже уберете? — на сей раз в голосе Каэтана прозвучало искреннее сожаление.

— Что, пришлось друг другу по душе? — усмехнулся Сварог.

— С ним было чертовски интересно...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — Ну, придется обойтись без Орка. Я тебе подберу парочку «близких друзей», чтобы не скучал — охота, разные развлечения и все прочее... — он чуть наклонился вперед, голос стал жестким. — Хватит о пряниках. Мимоходом поговорим и о кнутах... в твоей ситуации всегда есть и пряники, и кнуты. Если ты меня хоть в чем-то капельку подведешь... Нет, убивать не буду, не такой я зверь. Есть способы милосерднее... Если что — попросту, так сказать, выпадешь из обращения, как стертая монета. Не так уж трудно устроить твою «смерть на охоте» или еще что-то подобное. С твоим мнимым папенькой прекрасно прокатило, сам видишь. Я тебя просто-напросто засажу в исправительное заведение для малолетних. Признанных неисправимыми. Местечко не из приятных: режим тюремный, телесные наказания тоже, держат там до совершеннолетия, строго следя, чтобы к тому времени воспитуемый всерьез овладел каким-нибудь ремеслом пары низших гильдий. Потом выпускают, приписывают к означенной гильдии — и зарабатывай себе на хлеб честно. Ну, а потянет на старое — сам виноват. Сам понимаешь: если ты,

оказавшись на свободе, начнешь вкручивать окружающим, будто ты — наследный горротский принц, жертва козней, тебя либо к врачам сволокут, либо в тайную полицию... Все понял, любезный отрок?

— Что тут непонятного, — пробурчал Каэтан. — «Сучий приют», ага. У нас они тоже есть.

— Ну да, — сказал Сварог. — Только тебя я в случае чего для пушей надежности отправлю как можно дальше, куда-нибудь в Снольдер... Ну, что? На тугодума ты не похож. Жизнь наверняка приучила рассуждать и решения принимать быстро. Мы договорились?

Каэтан, похоже, от изрядной толики страха избавился. Но протянул все так же угрюмо:

— Лишь бы вы свои обещания сдержали...

Сварог лучезарно улыбнулся:

— Ну, подумай сам: кто мне мешал распорядиться, чтобы тебе в вино или в табачок подмешали какую-нибудь гадость? В неразберихе последних дней никто бы и не удивился, скончайся принц от каких-нибудь желудочных колик... Говорю тебе, ты мне еще долго будешь нужен, — и поднялся. — Ну, вроде бы все обговорили. Подумай еще раз и прикинь, к о т о р ы й из двух вариантов выгоднее... Удачи!

Поднимаясь на третий этаж, он подумал: а ведь мальчишка не задал ни единого вопроса о будущем. Хотя в будущем непременно возникнут чисто династические коллизии: когда принц входит в совершеннолетие, королева-мать обязана уступить ему бразды правления (иные королевы, потверже волей, так и поступают, но употребят всю энергию, чтобы остаться при реальной власти, и тут уж все зависит от характера сыночка: иногда соглашается на такое положение дел, а иногда властная матушка поест не тех грибков...). То ли Каэтан пока что не думал о грядущем, то ли не собирался заглядывать далеко вперед — все же во многих отношениях пацан пацаном. Да и Сварогу не стоило пока что всерьез озабочиваться этими самыми будущими коллизиями: много времени впереди, успеется...

...Входя в приемную королевы, он досадливо поджал губы: чутье подсказывало, что з д е с ь все обойдется не так просто. Литта спит и мечтает, как бы побыстрее удрать из Горрота в безопасные заоблачные выси... В будуар его, разумеется, допустили беспрепятственно: повсюду свои. Как он и подозревал, Литта коротала скуку в компании бутылочки доброго келимаса «Старый дуб» с синим штампом королевских винных погребов. Правда, выпила пока что не особенно много, да и закуска на столике стояла богатая. Сварог уже убедился, что пить она умеет — но вряд ли сейчас эта способность облегчит ему задачу...

На шею Литта ему не бросилась, но встретила с искренней радостью — благодетель, ага... Он сел напротив, привычно вынул из воздуха серебряную чарочку и наполнил ее до половины. Чуть приподнял:

— Ну, за тебя?

Не утруждая себя смакованием благородного напитка (судя по штампу, двадцатилетней выдержки, и настоящий Стахор, и Брашери хорошему спиртному отдавали должное), выпила одним глотком, откусила половину ломтика сыра. И уставилась на Сварога с нешуточной надеждой:

— Скоро это кончится? Ты твердо обещал забрать меня за облака...

Мысленно вздохнув, Сварог сказал как мог мягче и расшарканнее:

— Литта, милая, я не всемогущ и не всемогущ. Есть люди, которые имеют право мне приказывать и отменять иные мои обещания, ты прекрасно понимаешь, о ком я... Ситуация изменилась.

В ее глазах полыхнула нешуточная тревога:

— Ты о чем?

— Понимаешь ли, — произнес он еще мягче. — Тебе придется еще какое-то время побыть королевой Эгле. Не мною решено, увы... — он многозначительно указал пальцем в потолок. — Я просто-напросто получил приказ, который обязан выполнить... Сам я всегда свои обещания сдерживаю, но, бывает, мне прямо велят от них отказаться...

Она не заплакала, как он опасался — просто как-то осу-
нулась вдруг, с лицом жестоко обиженного ребенка, об-
манутого самым беззастенчивым образом. Вот ее Сварогу
было чуточку жаль — но ведь высшие государственные
интересы...

Она налила себе еще. Сварог не препятствовал. Осуши-
ла до краев, на сей раз не закусывая. Протянула жалобно:

— А я тебе поверила...

— Мне самому неловко, — сказал он тихо. — Повто-
ряю, я не всемогущ и не всемогущ. Делаю для тебя все, что
могу, но это была не моя идея, меня поставили перед фак-
том...

Врал, конечно, но особых угрызений совести по тому
поводу не испытывал — если разобраться, она для него
совершенно чужой человек. И первую скрипку играют те
самые высшие государственные интересы. Дорога коро-
лей, ага...

И вкрадчиво спросил:

— Ты же не хочешь оказаться в опале... там? — и вновь
указал пальцем в потолок. — Прости за откровенность, но
это было бы самоубийством. Даже если тебя п р о с т о за-
будут и оставят в покое.

— Ага, оставят, — отозвалась она язвительно. — Жен-
щину, как две капли воды похожую на королеву Эгле...
Если и не убьют, то запрут куда-нибудь и ключ выки-
нут... — она ссутулилась в роскошном кресле. — Вот так
влипла девочка, еще почище, чем в прошлый раз... По
уши...

— Ну, я бы сказал, есть существенная разница, — сказал
Сварог. — Честно. В прошлый раз ты была примитивной
куклой, которую уже собирались убрать по миновании
надобности. Теперь — совсем другое дело. Ты сейчас —
доверенное лицо императорского престола, на тебя воз-
ложена ответственная миссия, крайне важная. Есть раз-
ница, а? Сплошь и рядом такие миссии на нас возлагают,
не интересуясь нашими желаниями... — он наклонился
вперед и накрыл рукой ее узкую ладонь. — Я, конечно,
постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы, если ты

откажешься, обошлось без крайностей... Но даже если добьюсь, чтобы о тебе просто з а б ы л и... Что у тебя за будущее в этом случае? Взять узелок с драгоценностями, перебраться на другой конец Харума, насколько можно, изменить внешность... А дальше? Поместыце в глуши купить и провести там остаток дней? Поступить в очередной третьеразрядный театрик? На Сильвану податься? Но и там выбор будет невелик... Именьице в глуши или дешевый театрик. Зато, если хорошо себя покажешь, получишь все, что я обещал, и даже гораздо больше.

— Господи! — вырвалось у нее чуть ли не со стоном. — Ну, за что мне все это?

Сварог мягко сказал:

— Между прочим, «это» не я начал. Согласись. Так уж сложилось. В конце концов, ничего страшного. Еще немного побыть королевой Эгле. И все.

— Ага! На всю оставшуюся жизнь? Торчать на троне, будто цепью прикованной?

— Ну, не думаю, чтобы это настолько уж затянулось, — сказал Сварог. — Пару лет, не больше. Пока будем проводить в жизнь кое-какие планы. А там... Никто тебе не помешает «безвременно скончаться». К «сыночку» представим надежного регента. Паршивец будет под строжайшим контролем.

— А почему бы так не сделать сразу?

— Потому что там решено: какое-то время на троне необходима именно ты. Первые год-два. Пока все не наладится и механизм не заработает сам по себе. К о р о л е в е проще и легче за пару лет добиться полного самовластия, чем самому надежному регенту. Убедительно?

— Пожалуй, — сказала она с печальным, отрешенным лицом. — Я не отказываюсь, прекрасно понимаю, что отказать нельзя, но, боже мой, снова — это лицедейство...

Сварог спросил задушевно:

— Скажи честно: за все эти годы тебе хоть чуточку понравилось быть королевой? Только честно, я же мигом определю вранье...

После недолгого молчания она призналась:

— Понравилось. Это затягивает. Если бы только рядом не было скотины муженька и типа наподобие Брашери, который беззастенчиво дергает за ниточки...

— Так ведь их и не будет, — сказал Сварог, изобразив самую веселую улыбку. — Муженек помер самым всамделишным образом и уже не воскреснет. Брашери с компанией свободы никогда не увидят. Ты, повторяю, будешь вовсе не марионеткой, как в прошлый раз, а доверенным лицом Империи, выполняющим крайне важное задание. И, в отличие от прошлого раза, будешь в совершеннейшей безопасности. Дворцовую охрану, прислугу вплоть до последнего конюха уже заменили на наших людей. Первый министр тоже будет наш. Наплевать, что его никто тут не знает. Легенда железная: очередной умный и энергичный провинциальный дворянин, сумевший попасть на самые верхи. Кстати, это именно он тебя укрывал первое время, когда ты бежала от убийц и скрывалась в глуши. Никто и не удивится, что за такие заслуги человека сделали первым министром. Мало ли сходных примеров в истории? Кстати, Брашери, по легенде, как раз из таких. И что, кто-нибудь за все эти годы почуял неладное? Ну, и других ключевых министров подберем если не с о и х, то наиболее надежных. И наконец, начальник тайной полиции остается на месте и будет заботиться о тебе, как о родной доченьке.

Она вскинула полные тревоги глаза:

— Этот прохвост?

— Именно поэтому, что он прохвост, будет служить верой и правдой, — сказал Сварог. — Понимаешь, ему некому меня на сей раз предавать. Разве что Лорану или Святой Земле — но он прекрасно понимает, насколько это ему невыгодно. Да и следить за ним будут день и ночь, есть способы... Что тебя еще волнует?

— Придется ведь вернуть тех, кто был близок к настоящей королевской чете...

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Одним из первых указов восстановишь справедливость. Конечно, к власти

их особенно допускать не стоит, просто вернуть прежнее положение при дворе... Они ведь не заметили в свое время никакой подмены за те несколько месяцев, что еще оставались при дворе. Сейчас тем более не заметят.

Ты многое о них помнишь, в тебя вложили достаточно и в памяти. Да и годы прошли, должны были чуточку измениться и они, и ты...

— А э-тот... гаденыш?

— Уж он-то тебе беспокойства не доставит, — усмехнулся Сварог. — Для серьезных заговоров мал. И наши его окружают железной стеной. Он тоже не дурак. Будет вовсю пользоваться выгодами своего положения, и только.

И подумал: за всеми «реабилитированными» нужно будет установить самое строжайшее наблюдение. Именно к ним в первую очередь постараются найти дорожку настоящие Стахор и Эгле, люди энергичные и упрямые, вряд ли забравшиеся доживать век инкогнито где-нибудь в глуши... Ну, будет время продумать...

— Все обстоит, смело можно сказать, прекрасно, — произнес Сварог. — Ты уже сидишь прочно, никто в тебе не сомневается, успела ведь убедиться?

— Успела, — бледно улыбнулась Литта. — А если обьются... настоящие?

— Отвечу со здоровым цинизмом, — сказал Сварог. — Им очень и очень долго придется доказывать, что они настоящие. На этот счет тоже есть парочка примечательных исторических примеров. Но не дадим мы им времени долго что-то кому-то доказывать...

Вингельт, с неудовольствием подумал он. Позицию Хитрых Мастеров в этой ситуации предсказать решительно невозможно. Стахор и Эгле им друзья, безусловно, да и настоящего принца прячут наверняка они. Если захотят восстановить справедливость, как они ее понимают... Ну что ж, не смертельно. Досадная помеха, пусть серьезная, и не более того.

— Ну, и самое главное, — сказал он решительно. — На твоей стороне будет армия. Те честолюбивые полковники и офицеры, что первыми тебя поддержали и участвова-

ли в марше на Акобар. Вот кого следует осыпать повышениями, чинами и орденами. Мои люди уже подготовили длинный список. Говоря по совести, вклад доброй половины из них крайне ничтожен, но какая разница? Служить будут рьяно. Да, кстати, — усмехнулся он. — Рьяно будут служить именно тебе, если все же возникнет какая-нибудь достаточно шумная история с настоящими. Потому что именно от т е б я они будут получать сладкие пряники. Пусть даже кто-то из них что-то и заподозрит. Среди этой публики маловато прекраснодушных идеалистов и романтиков. Выгоды от перехода к н а с т о я щ и м смутны и зыбки, зато те, что можно получить от тебя, — близки и реальны. Опять-таки масса примеров в истории...

— Вот, кстати, об армии, — сказала Литта. — Выгоды выгодами, но есть и другая сторона... Как только положение устоится, первое, что от меня потребуют военные, — развязать войну за возвращение Дике...

— Лишний раз убеждаюсь, что ты умница, — усмехнулся Сварог.

— Не в уме дело, — печально улыбнулась Литта. — Мне один адмирал так и заявил вчера: при первой же возможности следует подумать, как взять назад Дике... Насколько я понимаю, твоим планам эта идея только помешает?

— Правильно понимаешь, — сказал Сварог. — Ну, у нас и на этот счет кое-какие идеи припасены... Должно сработать. Есть еще какие-то сложности, которые тебя беспокоят? Нет? Вот и отлично. Значит, на тебя можно полностью полагаться?

— Как будто у меня есть выбор... — совсем тихонько сказала Литта. И вновь вскинула на него невероятно печальные глаза. И вновь он не поддался обычной человеческой жалости — откуда она у королей при исполнении ими служебных обязанностей?

— Только вот что... — так же тихо и печально продолжала Литта. — Ты будешь меня достаточно часто навещать? С тобой гораздо увереннее...

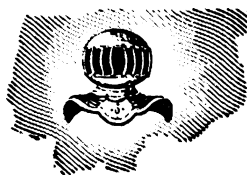
— Вот тут уж — никаких проблем, — сказал Сварог, перебирая ее тонкие пальцы, унизанные огромными са-

мошветами. — Для тебя время всегда найдется. Кстати, первая приятная новость. Через неделю будет большой императорский бал — не на земле, а в Келл Инире. Ты тоже приглашена, как все земные коронованные особы. Так что заранее озаботься нарядом.

Судя по тому, как просветлело ее лицо, как засияли глаза, все тревоги и хлопоты если и не забылись окончательно, то сразу отодвинулись куда-то очень далеко: женщина остается женщиной, иные вещи моментально заставляют ее забыть о любых невзгодах. Надо будет устроить, чтобы Яна с ней милостиво поговорила, приветила, придала бодрости духа, подарок какой-нибудь сделала из недешевых...

— Ну, за удачу? — предложил Сварог, наполняя стопочки.

200

Глава V

ПЕЙЗАЖ ПЕРЕД БОЕМ

— **В**се пока что выглядит удачно, — говорил Канцлер, ни на кого не глядя, спокойно выпуская клубы ароматного дыма. — В допросах Брашери и его сообщников наместились определенные успехи, остатки заговора мы п о д м е т а е м. Ваша королева, лорд Сварог, в Акобаре начинает утверждаться прочно. Вот только ваши войска, которыми Горрот по-прежнему набит... Пока что ничего серьезного, но кое-где среди дворянства в армии уже поползли первые разговорчики. Уже есть люди, ставшие задаваться вопросом: а не напоминает ли это оккупацию? Даже парочка дуэлей между вашими и горротскими офицерами зафиксирована.

— И оба раза — между моряками, — усмехнулся Сварог. — Моряки гораздо болезненнее, чем прочие, воспринимают потерю Дике...

— Не в том дело. Это, согласитесь, звоночки. До осложнения ситуации еще далеко, но первые тревожные звоночки есть. Нельзя, чтобы э т о пошло в массы. Горротская армия и флот не разоружены... вы ведь и не ставите перед собой такой задачи?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Вот уж что мне решительно не нужно, так это большая война горротцев с «оккупантами». Долгое будет предприятие и кровавое.

— Значит, нужно что-то придумать...

— Я уже придумал, Канцлер, — сказал Сварог, не колеблясь. — Уже рассылаю приказы. В самом скором времени будет объявлено: все мои солдаты, до последнего человека, форсированным маршем покинут Горрот. Мы выполнили свою задачу, помогли королеве Эгле вернуться на престол, и теперь уходим, потому что никаких захватнических планов у нас нет и не было. Герцог Лемар только что закончил новый манифест, получилось, как всегда, неплохо... — он усмехнулся. — Вот только крепость Корромир я при любом раскладе оставляю за собой, чересчур уж важный стратегический объект. Если это так уж принципиально, можно распустить слух, что именно Корромиром Эгле со мной расплатилась за восстановление на троне. Многим это придется не по душе, но никакого удивления не вызовет. Отношения меж государствами братской любви и романтики лишены, тут правит бал голая выгода. Не первый случай в истории, когда монархи за подобную помощь расплачивались не то что крепостями, но и целыми провинциями. Дело житейское, горротцы перетерпят, тем более что мне их симпатии не особенно-то и нужны.

Канцлер небрежно махнул рукой:

— Вот здесь я не намерен вмешиваться. Будь по-вашему. Есть проблема посерьезнее — Дике. Очень скоро на Эгле начнут откровенно давить те, кто хочет вернуть остров войной...

— Это тоже предусмотрено, — сказал Сварог. — Во-первых, горротский начальник тайной полиции — м о й. Ему не впервые будет сочинить очередной убедительный заговор военных — ну, скажем, намеренных свергнуть королеву Эгле и передать трон принцу при намеченном ими регенте. Ничего удивительного, что во главе заговорщиков окажутся особенно ярые сторонники войны за Дике и те, кто мне в этом плане наиболее опасен. Во-вторых... Есть реальная возможность переориентировать иных амбициозных вояк, как сухопутных, так и морских. С Дике на Святуго Землю. В некоторых кругах, среди ге-

нералов и адмиралов, такая идея имеет хождение, и она не вчера родилась. Святая Земля — это золотые рудники в горах Маллейг, богатые медные залежи — а Горрот медью беден, — еще немало ценного... А ситуация самая благоприятная: Святая Земля сейчас переживает не лучшие времена — мои войска заняли их земли по эту сторону Рона, так что столица под ударом. Есть данные, что Великий Магистр всерьез подумывает перенести ее в один из крупных городов к полуночи, на полпути меж рекой и горами Маллейг. Да вдобавок внутреннее положение... Слишком многим надоели прежние порядки, то, что вся страна превращена в подобие самого аскетического монашеского ордена. Уже начались крестьянские бунты, заговоры — он широко, открыто улыбнулся, — и больше половины из них не моими разведками устроены, а возникли исключительно по инициативе местных. Отмечены волнения в иных армейских полках, было даже две попытки покушения на Великого Магистра, пусть и дилетантские, неуклюжие. В общем, тенденция налицо. Святая Земля сегодня слабее, чем когда-либо за четверста лет ее существования. Так что в Горроте есть люди, считающие, что вторгнуться туда и захватить самые лакомые кусочки, пока не пришел я, — гораздо проще и легче, нежели воевать за Дике со всеми моими королевствами, Вольными Манорами и Ганзой. Прибыль, в общем, выглядит равноценной. Можно ослабить сторонников войны за Дике и, соответственно, усилить сторонников войны со Святой Землей. В особенности если мои дипломаты дадут понять, что я не прочь заключить соглашение о разделе этого географического курьеза. А я при необходимости на такое соглашение пойду. Обойдусь и без золотых рудников Маллейга, и без меди — у меня и того, и другого побольше, чем в Горроте. Одним словом, я не считаю Дике особенно уж сложной проблемой. Конечно, дипломатам, разведчикам и тайным полициям придется поработать серьезно, но есть шансы повернуть события именно в э т о м направлении. Кое-какие планы уже в разработке...

Канцлер, до того неспешно расхаживавший по кабинету от огромного гобелена до стола и назад, остановился на полпути. Выпустил клуб дыма, хмыкнул:

— Неглупо, лорд Сварог, весьма неглупо...

— Осваиваю королевское ремесло, — скромно сказал Сварог. — Кстати, эти планы получили одобрение в Канцелярии земных дел — его императорское высочество Диамер-Сонирил, вы наверняка знаете, по многим причинам не питает ни малейшей симпатии к Святой Земле, я бы сказал, наоборот...

Он замолчал, закончив с главным — дела второстепенные собравшихся не интересовали. Канцлер по своей всегдашней привычке выглядел совершенно невозмутимым. Яна тоже не проявляла нетерпения. А вот профессор Марлок, не царедворец и не дипломат, чистейшей воды ученый, как раз форменным образом кипел от нетерпения, так, что всем присутствующим было заметно. И уж конечно, в первую очередь Канцлеру, который знал его по совместной работе дольше и лучше остальных...

Именно Канцлер и нарушил чуть-чуть затянувшуюся паузу:

— Профессор?

— Как явствует из доклада лорда Сварога, все обстоит нормально, — не потеряв ни секунды, заговорил профессор. — Ни опасностей, ни угроз, можно сказать, рутина. В таком случае, не пора ли отвлечься от земных дел, откровенно второстепенных? Мы ведь собрались в первую очередь ради Токеранга...

— Резонно, — кивнул Канцлер. — В таком случае докладывать опять-таки предстоит лорду Сварогу, именно он вплотную занимался Токерангом...

И вопросительно глянул на Сварога. Сварог, конечно, был готов, кроме того, давно взвесил и обсудил с двумя, только и знавшими в с е, о чем следует говорить, а о чем категорически не стоит упоминать и словечком...

— Смело можно говорить, что мы уже знаем о Токеранге немало, — начал он ровным голосом. — Это чисто внешние впечатления, но дают они немало. Ее величе-

ство, — легкий кивок в сторону Яны, — с помощью своего умения неделю наблюдала за пещерой, днем и ночью. Как и в случае с Центром Брашери, ее величество часто не в состоянии была перевести на язык научно-технических терминов то, что видела, но это, я думаю, нисколько не мешает. Главное, по этим описаниям лейтенант Элкон составил подробнейшую карту Токеранга и высказал кое-какие соображения... которые господин профессор наверняка дополнит. Думаю, самая пора пригласить лейтенанта?

Яна молча кивнула. Сварог коснулся в нужном месте своего портсигара, лежавшего перед ним на столе с откинутой крышкой, почти сразу же вошел Элкон в мундире лейтенанта Яшмовых Мушкетеров, с небольшим кожаным футляром под мышкой, с обретенной же сноровкой прищелкнул каблуками, коротко поклонился (комендант Манора девятого стола все же неплохо поработал над строевой подготовкой юных сотрудников, подумал Сварог, нужно будет медальку повесить, заслужил). По кивку Сварога граф сноровисто выложил на столик два небольших компьютера, нажал несколько кнопок, опустился в кресло.

У противоположной стены, от пола до потолка, вспыхнул экран, и в следующий миг на нем появилась огромная карта Токеранга во всей сомнительной красе.

Канцлер и Марлок впились в нее взглядами прямо-таки заворуженно — видели впервые «страну подземных рудокопов». Для Сварога — и, конечно, Яны с Элконом — в этом зрелище не было ничего нового или особо интересного, но они терпеливо ждали. Сварог мысленно улыбнулся: прокатило... Яна и в самом деле несколько раз воспользовалась тем умением, что ей дал Древний Ветер — но всего час-другой в день, исключительно для того, чтобы заглянуть внутрь самых интересных зданий. Основную работу проделали Золотые Шмели — о которых Канцлеру пока что рассказывать не следовало, в чем Яна с Элконом легко согласились со Сварогом.

В конце концов, они не нарушали никаких регламентов, уставов и предписаний: Сварог и Элкон ни в малей-

шей степени Канцлеру не подчинялись, наоборот, как начальник и сотрудник девятого стола подчинялись как раз Яне. Ну, а Яна стояла выше любых уставов, предписаний и прочих деловых бумаг. Сварог не сомневался, что Канцлер с Марлоком приняли его версию: в конце концов, оба были свидетелями, как Яна с помощью именно своего умения изучала лаборатории Брашера...

Первым, как и следовало ожидать, молчание нарушил Канцлер:

— Ага, вот как это выглядит... Хорошо бы еще сделать съемку с надлежащей высоты...

Яна, не моргнув глазом, лихо солгала:

— Не было такой возможности. Я умею только видеть, а вот как-то фиксировать увиденное не могу. Не умеет такого Древний Ветер...

— Жаль, — с искренним сожалением сказал Канцлер.

Яна невозмутимо продолжала:

— Но я о многом рассказала лейтенанту Элкону подробно и обстоятельно, так что он сможет доложить... Прощу вас, лейтенант.

Элкон достал блестящий цилиндрик указки, и в карту уперся тоненький лучик ярко-синего света.

— Токеранг, я бы сказал, делится на четыре части, — начал он бесстрастным голосом опытного экскурсовода. — Можно их обозначить как Полночь, Полдень, Закат и Восход. — И обвел контуры названных районов. — Я бы начал с самого интересного — с Полуночи, или, если можно так сказать, Заречья. К реке, протекающей по Токерангу, этот термин отношения не имеет. Просто... Полночь четко ограничена тем участком, на которых протекает Ител. Почти совпадает. На этой вот линии — сплошной пояс инженерных заграждений: колючая проволока в дюжину рядов, рвы, огневые точки, казармы. Охраняют ее со всем прилежанием и размахом. Из Заречья в остальную часть страны ведут шесть многорядных автострад, и все они под строжайшим контролем. Насколько можно понять, там у них и сосредоточены практически вся промышленность, научные лаборатории, испытательные по-

лигоны. Ни единого пустого клочка земли — здания, дороги, полигоны. Один сплошной поселок или, скорее уж, город, занимающий примерно двадцать процентов территории страны. Очень многое примерно на три четверти упрятано под землю. Кое-что удалось легко опознать по рассказам ее величества — с помощью архивов Музея техники. Ядерные электростанции, от каких у нас давно отказались, конструкторские бюро, где проектируют подводные лодки, боевые самолеты, вертолетный завод, комплексы по сборке ядерных зарядов и ракет, автозаводы, производство бытовой техники — у них в ходу телевидение, компьютеры и прочие предметы чисто мирного назначения.

— Армия? — деловито поинтересовался Канцлер.

— Армии в обычном понимании там нет, — ответил Элкон. — Это и понятно: весь Токеранг — единое государство, внешнего врага нет. Только полицейский корпус, хорошо оснащенный вертолетами и бронетехникой. Вот с бронетехникой обстоит интереснее: полное впечатление, что они в последнее время резко увеличили ее производство. И ведут массовое обучение полицейских новобранцев. И то, и другое — в количествах, совершенно не нужных для, так сказать, повседневной практики. И уж, конечно, совершенно ни к чему у себя в пещере сотни полторы истребителей-бомбардировщиков, исключительно реактивных. Там даже один не нужен — нет для него задач. И, тем не менее, они обучают на тренажерах десятки пилотов. Причем вся боевая авиация и немало бронетехники сконцентрировано на Полудне — собственно, то довольно узкая полоса, не занимающая и пяти процентов территории, примыкающая к тому самому туннелю. У них там, видимо, очень редки дожди — крытых ангаров нет, и самолеты, и бронетехника стоят под открытым небом. Главная взлетная полоса нацелена точнехонько на вход в туннель. Думаю, комментарии излишни?

Все присутствующие промолчали. В самом деле, какие тут комментарии, подумал Сварог. Никаких ребусов —

они наверх собрались приличной оравой, подгоняют технику, обучают солдат...

— Самое неинтересное место — Восход, — продолжал Элкон, скользя лучиком указки по карте. — Примерно тридцать пять процентов территории занимают дремучие леса, богатые дичью. Леса окружены тройным рядом колючей проволоки, периметр почти не патрулируется, лишь изредка появляются мобильные группы. Иногда на вертолетах. Скорее уж все это устроено для того, чтобы не проникли наружу животные. Ее величество...

— Я бы сказала, там классические заповедные леса для охоты благородных господ, — кивнула Яна. — Дважды там видела охотничьи кавалькады, ничем не отличающиеся от земных. Разве что наряды другие — и почти нет огнестрельного оружия. Однажды при мне гончие загоняли кабана — совершенно как в Каталауне, когда я там охотилась. Продолжайте, лейтенант.

— И наконец, Закат, — продолжал Элкон. — Примерно сорок процентов территории Токеранга. Там население и сконцентрировано. Вот это и есть их столица, Клорена. Довольно большой даже по земным меркам город с населением, если рассчитать по земному опыту, примерно триста тысяч человек. Других городов практически нет. Есть восемнадцать гораздо меньше размерами... но они скорее похожи на поселки вокруг замков крупных феодалов. Ее величество насчитала как раз восемнадцать относительно крупных владений — и с полсотни гораздо более мелких. И здесь отмечены интересные установления, не имеющие аналогов с заведенными на Харуме порядками. Если не считать двух автострад, ведущих из Заречья к Полудню, дорог с искусственным покрытием там всего восемнадцать, и все они ведут к замкам тех самых восемнадцати крупных владений. Все остальные дороги — не мощенные. Что касается техники... У них там она очень интересно распределена. Легковых машин много, но едва ли не все они — исключительно в Клорене. Разве что в тех самых восемнадцати крупных владениях есть по две-три, а в мелких нет и того. Во всех владениях, крупных и мелких,

самым активным образом занимаются сельским хозяйством: поля, пастбища, фруктовые сады, огороды в деревнях... кстати, линии электропередач проложены только в те восемнадцать замков. Только они и Клорена освещаются электричеством, на всей остальной территории — те же самые светильники, что и на земле, даже примитивнее, карбамильских ламп очень мало, большинство крестьян пользуется даже не керосиновыми лампами — разными коптилками. Очень важный нюанс: везде сельское хозяйство ведется без применения какой бы то ни было техники. На земле, по крайней мере, есть в крупных поместьях и механические жатки, и паровые молотилки. В Токеранге — ничего подобного. Технологии самые примитивные: конные плуги, бороны, косари, зерно молотят цепями... (Сварог заметил краешком глаза, что профессор Марлок, продолжая самым внимательным образом слушать Элкона, в то же время положил на колено небольшой компьютер и проделывает с ним какие-то манипуляции.) Разные части страны живут как бы в разных временах: в одном месте — заводы, лаборатории и ядерные электростанции, в другом — Клорена, пользующаяся всеми достижениями технического прогресса, какие только там имеются, — и обширные области сельчан, лет на сто отстающие по развитию от Харума.

— Извините, я перебью, — вмешался Марлок. — Сколько там примерно населения, удалось подсчитать?

— Если применять земные мерки и методики — а применять их безусловно имеет смысл... Приблизительно два миллиона. С поправками в ту или другую сторону в несколько десятков тысяч человек.

— Рудники, шахты? — отрывисто спросил профессор, левой рукой беспрестанно нажимая клавиши и касаясь кнопок.

Элкон пожал плечами:

— Их практически нет, за исключением двух-трех. На двух, безусловно, добывается уран или другое сырье для ядерного топлива. Третий рудник — полная загадка. Как объяснила ее величество, в з г л я д не может проникать

в подземелья (Яна чуть смущенно пожала плечами, словно извиняясь). Так что версии я строил исключительно с описания ее величеством того, что она видела на земле. Если точнее, описания вывоза добытого. В двух случаях речь явно идет о радиоактивном сырье. Тяжелые фургоны, напоминающие скорее броневики — или покрытые свинцовой защитой. С третьим проще, но также непонятно. Охрана столь же строгая, но добываемое гораздо более компактно, перевозится на обычных грузовиках. Вот, пожалуй, главное. Что еще? Вот здесь, слева, там, где лорд Сварог обнаружил замаскированные люки для выхода в Ител подлодок, — военная база со значительным числом субмарин и большая судоверфь. В Клорене — королевский дворец и изрядное число дворов знати. Городских стен нет, а те восемнадцать крупных замков не укреплены. — Элкон слегка пожал плечами. — Есть интересные соображения... но, может быть, у кого-то возникли вопросы?

— У меня, — сказал профессор Марлок так быстро, словно боялся, что его кто-то опередит. — Собственно, это не вопрос, не знаю, как и назвать... Такое государство просто не может существовать. Оно нереально — каким вы его описываете.

Канцлер усмехнулся:

— Но ведь существует?

— Не сомневаюсь, — сказал профессор словно бы даже с некоторой печалью. — Существует, но по всем расчетам существовать не должно. Во-первых, для столь массового производства боевых самолетов, автомобилей и прочей техники нужно немалое количество металла, пластмасс, нужна развитая электронная промышленность, а для этого, в свою очередь, необходимы рудники, шахты, заводы... Ее величество, я понимаю, могла просто не узнать сталелитейных заводов или, скажем, фабрики по производству пластмасс...

— Узнала бы, — заверила Яна. — Прежде чем заняться Хелльстадом, я три дня провела в Музее техники, примерно представляю, как они выглядят. На всех заводах, куда я заглянула, идет только сборка. Не так ли, лейтенант?

— Именно так, — кивнул Элкон. — Везде, где удалось заглянуть, — только сборка.

— Откуда же они в таком случае берут в с е? — спросил профессор ничуть не язвительно, скорее уж беспомощно. — Нереально наладить такое производство при полном отсутствии добывающей промышленности и заводов по производству комплектующих. Сверху они в каком случае не смогли бы завозить нужное им в т а к и х количествах — еще и потому, что на земле таких заводов нет. И второе... По предварительным подсчетам, такое количество крестьян, ведущих к тому же хозяйство отсталыми, устаревшими методами, ни за что не смогло бы обеспечить страну продовольствием. Их для того слишком мало. Плуги-косари... Совершенно несовместимое сочетание: высокоиндустриальное общество при полнейшем отсутствии сырья и производства комплектующих. Да вдобавок убогое, на уровне какого-нибудь Вольного Манора из самых захудалых, сельское хозяйство... Они существуют, но им как бы и не полагается быть...

— Объяснение есть, — спокойно сказал Элкон. — Точнее, за неимением точных доказательств это пока что гипотеза... но д р у г о й гипотезы попросту нет, — он сделал паузу, ничуть не театральную. — Мы советовались со специалистами — конечно, не раскрывая им всей сути, — проводили компьютерные расчеты, моделирование...

— И что? — жадно спросил профессор (Сварогу показалось, на секунду опередив Канцлера, явно собравшегося задать тот же самый вопрос).

— Объяснение одно, — сказал Элкон. — Синтезаторы. Все необходимое они не производят из вульгарного сырья, а синтезируют, соединяя молекулы, а то и атомы, в нужных комбинациях. Так можно изготавливать все — от деталей вертолетов... до продовольствия. Собственно, наши заводы, да и наша бытовая магия — те же синтезаторы. Разве что на основе апейрона — а у них сырьем для синтеза может служить... ну, например, вода. Уж воды-то у них предостаточно. Я поработал в архивах — наши ученые давным-давно теоретически обосновали возможность

создания таких синтезаторов. При не столь уж и большом расходе энергии. Другое дело, что н а м это было совершенно не нужно, у нас был апейрон... Они пошли другим путем, только и всего. Проверить можно моментально, я сохранил все ссылки...

— На экран, — хрипло сказал профессор.

Элкон убрал карту Токеранга, положил пальцы на световую клавиатуру. По экрану снизу вверх медленно поплыли тексты, то и дело перемежавшиеся строчками формул, математических расчетов, загадочными чертежами, диаграммами, графиками. Сварог мог бы читать тексты свободно, без спешки — если бы понимал хоть что-то. Попадают очень редко знакомые слова, и только. Высшего класса научная заумь, нечего и пытаться... Судя по лицам Яны и Канцлера, они испытывали совершенно те же чувства. Зато профессор Марлок оказался в своей стихии: читал внимательно, порой шевеля губами, иногда кивал, делал какие-то пометки в компьютере, пару раз просил вернуть кусок текста назад. И продолжалось это довольно долго. На лице Элкона мелькнула легкая торжествующая улыбка, но он тут же ее убрал, покосившись на Сварога.

Когда экран наконец опустел, профессор посидел с закрытыми глазами, на ощупь набивая трубочку — впрочем, ловко, сноровисто, не просыпав на колени ни табачинки. Разжег ее, глубоко затянулся, открыл глаза и, ни на кого не глядя, сказал спокойно (слишком спокойно, по мнению Сварога):

— Ну что же, мой юный друг... Вынужден признать вашу правоту. Коли уж Токеранг существует именно в таком виде, другого объяснения просто нет. У них есть синтезаторы...

— Боюсь, не только синтезаторы, — сказал Элкон. — Вот, посмотрите. Я, как уж умел, с помощью компьютерной графики, изобразил то, что видела ее величество. Вход в туннель со стороны пещеры почти полностью, как головка подсолнуха листьями, окружен какими-то пластинами странной формы и сложными решетками. К ним подведены кабели — вон от того серого здания без окон,

справа. Та же картина — в ангаре подводных лодок, с внутренней стороны проемов. Всюду опять-таки подведены кабели. Рискну предположить, что это и есть стандартный брагиум, — перехватив недоуменный взгляд Сварога, он пояснил: — та самая установка, увеличивающая предметы и людей... или уменьшающая, в зависимости от конкретной необходимости. В нужный момент достаточно опустить рубильник — ну, или нажать кнопку — и наружу вылетят самолеты нормального размера, выплывут подводные лодки, повалят орды солдат, не уступающих нам ростом... И все прочее. Командир?

— Вряд ли они до э т о г о сами додумались, — сказал Сварог. — Скорее всего, Брашеро расщедрился. Рисковал, конечно... да нет, не особенно. Сумей он захватить власть над Империей, без особого труда сжег бы боевыми орбитами всех токеретов, сколько бы их ни оказалось снаружи, со всей их техникой...

— Резонно, — кивнул Канцлер.

— Вот оно в чем дело... — протянул Сварог.

— Вы о чем? — моментально спросил Канцлер.

— Понимаете ли, Канцлер, я долго ломал голову над одной загадкой, — сказал Сварог. — А ответ замаячил только сейчас. Уж в чем нельзя заподозрить токеретов, так это в излишней доверчивости, скорее уж наоборот. Но получалось, что они как бы полностью отдаются на нашу милость, выходя наружу. Предположим, мы подписали все нужные договоры, отвели им кусок территории Харума, и они начали массово переселяться туда... Но ведь какое-то время они будут абсолютно беззащитны, полностью в нашей власти — пока не воссоздадут наверху свои заводы, электростанции, синтезаторы. Конечно, у них будет какое-то количество истребителей, ракет, солдат... Но нам очень уж легко с ними покончить, быстро и качественно. И они не могли не просчитать этого варианта. Любой договор — лишь клочок бумаги и может быть разорван в любой момент, я бы на их месте обязательно включил в расчет этот вариант: мы просто-напросто хотим выманить их из пещеры и уничтожить...

— Мы уже обсуждали нечто подобное, — сказал Канцлер. — Они могли заложить в крупных городах ядерные, бактериологические, химические заряды...

— Не только, — сказал Сварог. — Профессор, какие минимальные размеры могут быть у этого... брагиума?

— Ну, не карманные, конечно, — сказал профессор уверенно... — Хотя... Теоретически допуская... Если в качестве источника энергии у вас есть сверхпроводник, какие делал Брашеро... Пожалуй, может существовать и карманный. Вот только радиус поля все равно получится небольшой, эффективность низкая...

— Ага, — удовлетворенно сказал Сварог. — Ну, карманный пока что рассматривать не будем... хотя и он иногда может пригодиться. Ну, скажем, если вы хотите убить врага или убрать следящего за вами агента, миг уменьшаете его, давите подошвой, как таракана... Ладно, не будем отвлекаться. Главное, синтезатор может иметь довольно малые размеры. Лишь бы был источник энергии... А уж синтезаторы токеретов изначально малы, и брагиумы тоже, наверху их предварительно придется увеличивать. Но я не о том... Я просто хочу довести пессимизм до максимума, иногда это полезно. Мы до сих пор не знаем, что именно токереты ввозили, а главное, вывозили. Они должны были что-то именно вывозить, большими партиями — вспомните расследование в Фиарнолле, те склады. Мы пока что н а к р ы л и только две крупные компании, сотрудничавшие с ними. Собственно, накрыли только одну — торговый дом «Астарах Финар и родственники» — чистой воды перевалочная база. А вот заправили судоходной компании «Каурат и сыновья», перевозчики, успели скрыться. Токереты действуют на земле больше ста лет. Наверняка кто-то из тех, кто перевозит и прячет их грузы, до сих пор на свободе. Как и весьма высокопоставленные особы, с ними сотрудничающие. Судя по некоторым показаниям, такие есть, просто мы пока что на них не вышли... И, наконец, нет гарантии, что у них не нашлись сообщники здесь, пока что не выявленные. Тихие, незаметные люди, быть может, вовсе не

имеющие отношения к Магистериуму, ждущие своего часа...

— Куда вы клоните? — резко спросил Канцлер.

— Представьте себе такую картину, — сказал Сварог. — В Келл Инире, в вашей резиденции, еще в какой-нибудь ключевой точке садится безобидная вимана хорошо знакомого вам человека, пустого светского щеголя, которого никто не принимает всерьез. Ее, конечно, никто не досматривает — отроду такого не водилось, как же, вольности благородных ларов... Нельзя приближаться к некоторым секретным объектам, а это совсем другое... Теперь представьте, что двери и окна виманы оборудованы изнутри брагимом, в точности как вход в тоннель или ангары подводных лодок. А внутри полным-полно вооруженных до зубов токеретов — представляете, сколько их может уместиться в вимане? И вот они выскакивают, моментально обретая нормальные размеры... Девяносто процентов наших солдат и охранников — англандцы, пулевое и лучевое оружие для них смертельно... ну, а благородным ларам достаточно и холодного. Вполне реалистический план. Я в последнее время допускаю все. Очередь претендентов на престол слишком длинная, все прекрасно знают, что подавляющее большинство в ней стоящих так и покинут наш мир, немногим и продвигнувшись...

Он, конечно, не стал выдавать того, что ему знать не полагалось, ни словечком не упомянул о том заговоре против Яны, который как раз и возглавлял безобиднейший любитель бабочек, отлично понимавший, что обычным порядком трона ни за что не получит. Но Канцлер с его острым умом и великолепной памятью должен был тот случай помнить... Да и Яна вряд ли выкинула из памяти совершенно...

Страх на лицах присутствующих он не видел — но тягостное раздумье присутствовало на всех без исключения, наверняка и на его собственном лице.

Канцлер поднял голову, его голос звучал ровно и спокойно:

— Благодарю вас, лейтенант, вы прекрасно поработали. Можете идти.

Элкон поклонился и вышел с непроницаемым лицом — хотя ему, конечно же, чертовски хотелось остаться, ведь начиналось г л а в н о е. Хороший парень, работник отличный, но каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать...

Едва за ним закрылась резная дверь, Канцлер продолжил тем же ровным, почти безучастным тоном:

— Ну что же... Даже если не впадать в крайности вроде нарисованной вами, лорд Сварог, картины, нужно признать: на сегодняшний день токереты для нас — главная и серьезнейшая угроза. Одно утешает: она, очень похоже, единственная такая... Гораздо меньше утешает другой факт: мы ничего с ними не в состоянии поделать, пока они сидят там, у себя, внизу...

— Ну, почему же? — сказал Сварог.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не забыли, что они настойчиво приглашают меня на переговоры? Мне кажется, пора идти. Другого выхода попросту нет.

Канцлер уколол его взглядом:

— У вас есть какой-то план?

— Ни малейших наметок, — сказал Сварог. — Я слишком мало знаю о них, чтобы строить точные планы. Скорее уж... Скорее уж я просто-напросто вижу некоторые благоприятные для меня обстоятельства.

— Например?

— Я совершенно уверен: они не собираются меня там убивать, — сказал Сварог. — Задумай они такое, могли бы это сделать гораздо раньше — когда еще никто и не подозревал, что они способны, выйдя к нам, принимать нормальные размеры. И не верю, что они собираются вульгарным образом бросить меня в темницу и в обмен на освобождение потребовать каких-то уступок. Рано им пока что брать заложников и требовать уступок. Все за то, что они намерены всерьез со мной о чем-то договариваться — вполне возможно, не только о деталях и условиях выхода. У них там, точно известно, есть противоборствую-

щие группировки, интриги, разные цели у разных групп. Это можно использовать. Дэнго против короля и одного из принцев, король и принц против дэнго, могут быть еще какие-то противоборствующие силы, о которых мы пока что ничего не знаем...

— А вам не кажется, что вы слишком самонадеянны?

— Честное слово, нет, — сказал Сварог. — Вот если бы я сказал, что в состоянии с кучкой людей разгромить всю их армию... то есть полицию, но суть от этого не меняется... Вот это была бы самая идиотская самонадеянность. А здесь другое. Слишком мало игроков. Уже ясно, что у них там жесткая, централизованная диктатура, способная дать сто очков вперед любой земной тиранической монархии. Это и уменьшает число игроков. К тому же дэнго — не орган власти, а тайное общество, а значит, в их деятельности есть своя специфика, которую можно обернуть в свою пользу. Наконец, главарей у них ц е л ы х во-семь. При таком количестве неизбежны какие-то внутренние противоречия, интриги, разный подход к проблемам, разное видение решений...

— И чего вы, в итоге, хотите добиться?

— Пока не знаю, Канцлер, — серьезно сказал Сварог. — На месте буду определяться.

Он подумал, что самым удачным исходом было бы полное уничтожение токеранга — то самое пламя, бушующее от горизонта до горизонта, что не разуму представилось при воспоминании о Делии, о морской площади. Но вряд ли настолько повезет. Вот о т а к о м думать всерьез — и впрямь самая дурная самонадеянность. Но ч т о-т о же у него должно получиться?

Профессор Марлок громко проворчал:

— Авантюра... В одиночку...

— Почему — в одиночку? — улыбнулся Сварог почти весело. — Я возьму с собой Странную Компанию. Она уже показала, на что способна. Или у вас, Канцлер, есть какие-то другие варианты?

— Нет, — после недолгого молчания едва ли не сквозь зубы признался Канцлер.

— Вот видите... Великодушно простите мне легкое нахальство, но в а м я не подчинен, и вы не можете мне за-прещать.

И он выразительно посмотрел на Яну. Она сидела с совершенно спокойным видом — но, кажется, что-то быстро пыталась обдумать.

Ненадолго воцарилось неловкое молчание.

— Императрица согласна, что другого выхода попросту нет, — произнесла она, наконец, именно тем тоном, каким монархи отдают категорические приказы. — С одним небольшим дополнением. Я тоже туда пойду. Вряд ли там есть опасности, от которых меня неспособен защитить Древний Ветер.

На лице у Канцлера изобразилась крайняя досада, даже злость — однако Сварог, испытывая примерно те же чувства, не дал им воли. Он просто встал и решительно сказал:

— Ваше величество, разрешите минуту поговорить вами наедине?

— Разрешаю, — кивнула она, практически не раздумывая. — Господа...

Канцлер, ни словечком не протестуя, встал — шагая к двери, он посмотрел на Сварога с явной надеждой. Марлок вышел следом, аккуратно притворив за собой дверь. Яна, как и следовало ожидать, моментально вскинулась:

— Если ты за меня боишься...

— Вздор, — сказал Сварог. — Я верю, что Древний Ветер тебя и впрямь уберезет от всех тамошних опасностей. И не собираюсь тебя отговаривать долго и прочувствованно. Я просто-напросто кратко объясню, почему тебе туда нельзя. Ты уже давно мне доказала, что не просто умная, а еще и взрослая. Вот и рассудишь по-взрослому...

— Ну-ка, ну-ка?..

— Я нисколько за тебя не беспокоюсь, честное слово, — сказал Сварог. — Я бы тебя сам попросил с нами идти... если бы все упиралось в з а щ и т у. Если бы от нас требовалось только одно: пройти какой-то опасный путь, имея надежную защиту. Тут тебе равных нет, согласен. Но

там, я уверен, все будет выглядеть совершенно иначе... Ты в состоянии разорвать свою защиту на клочья, заковать каждого из нас по отдельности?

— Нет, — сказала Яна. — Только если вы будете держаться достаточно близко ко мне...

— Вот видишь. А там мы наверняка не будем валить куда-то сплоченной толпой... Но дело даже не в этом. Ты не умеешь убивать. Тебе никогда не приходилось убивать людей. Твои каталаунские охотничьи подвиги не в счет. Громадная разница меж тем, чтобы метко всадить стрелу кабану под лопатку, и тем, когда, практически не рассуждая, выхватываешь пистолет и всаживаешь человеку пулю в лоб. Тебе никогда не приходилось, у тебя нет такого навыка. А все, кто со мной туда пойдет, умеют убивать не рассуждая и не колеблясь. А убивать там, боюсь, придется. Не хочется, но как бы не пришлось... Вита, милая, подумай серьезно. Мне там гораздо нужнее будут люди, умеющие хладнокровно убивать, а не десять Древних Ветров. Я ничего не могу предсказать заранее, но может оказаться так, что в некий момент ты не просто не сможешь помочь — наоборот, чему-то крепко помешаешь, а то и завалишь все дело, исключительно оттого, что не умеешь убивать... Приключением тут и не пахнет...

Больше у него не было слов. Яна, сдвинув брови, смотрела мимо него задумчиво и серьезно. И, в конце концов, сказала:

— Ты меня убедил. Я не иду.

Повзрослела, ликующе подумал Сварог. Положительно, повзрослела... И спросил:

— Слово?

Яна надменно вздернула подбородок:

— Я когда-нибудь нарушала свое слово?

— Никогда, — сказал Сварог. Склонился и поцеловал ее в щеку. Не испытывая сейчас ничего, кроме радости.

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

Они неспешно, как подобает и королевским особам, и придворным дамам, шли в ту часть дворца, где располагались личные покои Сварога. Все встречные, конечно же, приветствовали с должным почтением — но, как обычно, относилось это к одному Сварогу.

Яну не то чтобы игнорировали, но ни тени почтения в поклонах и взглядах не присутствовало. Ну как же, не постоянная королевская фаворитка (вот перед такой, происходит она хоть из сточной канавы, на задних лапках ходили бы) — всего-навсего очередная мимолетная подружка, появлявшаяся во дворце не особенно и часто, да при том никогда не присутствовавшая на дворцовых увеселениях, ни с кем не пытавшаяся водить дружбу или хотя бы завязать знакомство (а посему, втихомолку порешило общественное мнение, она еще и глупа, раз не пытается зацепиться). Правда, некий граф, совершеннейший светский бездельник, но человек весьма неглупый, в узком кругу высказал другую версию: по его убеждению, похоже скорее на то, что эта юная баронесса — особо доверенный тайный агент Сварога и трудится на этом поприще где-то вдалеке от столицы (примеров немало). Версия эта благодаря сплетникам быстро перекочевала из узких кругов в широкие, но это самое общественное мнение в нее как-то

не поверило, дамы и господа предпочитали считать самими умными как раз себя.

Забавно, но до сих пор Яну опознано считанное число придворных (молчавших, как один, после мягких отеческих увещеваний Интагара). Глупости тут, в общем, не было — скорее некая инерция мышления. В тронном зале Латеранского дворца (как и во всех прочих на Харуме, от самого большого королевства до самого захудалого Вольного Манора) висел портрет Яны в натуральную величину, в полный рост — мягкое, ненавязчивое напоминание земным владыкам, крупным и мелким, кто на Таларе сеньор, а кто вассал. Но там она, нетрудно догадаться, была другая: величавая, высокомерная, с холодным лицом, в переливчатом платье из паутины редкого вида пауков, обитавших в одном-единственном месте, в труднодоступных чащобах Сильваны (один паунд пряжи стоит уже пять паундов золота), в роскошной мантии до пола из черных, сильванских же соболей (мех этот разрешен лишь женщинам императорской фамилии). Затеяливая прическа, уйма драгоценностей, усыпанный самоцветами скипетр, корона, золотые туфельки с крупными бриллиантами... Одним словом, в лучших традициях парадных портретов. Ничего общего с девушкой, по дворцовым меркам одетой и причесанной «по необходимому минимуму», всего-то с двумя перстеньками и вовсе не роскошными сережками. (Между прочим, именно эта скромность в нарядах и драгоценностях давным-давно породила новые недоуменные сплетни: король Сварог никогда не отличался скупостью, когда речь шла о его п о д р у г а х, отчего же э т а выглядит чуть ли не монахиней? Точно, дура набитая, уж подарков-то могла добиться... (Ну, ничего не поделаешь, инерция мышления — что даже к лучшему.) Сварог (что его порой раздражало не на шутку) на своих парадных портретах тоже выглядел не лучше: чванный, высокомерный идиот, усыпанный самоцветами от ушей до пяток. Что ж, зато, когда он выбирался «в народ», один он или с Яной, его тоже никто практически не узнавал. В конце концов случались казусы и посмешнее — лет пятьдесят

назад Ульдан Третий Ронерский, превеликий любитель ежевечерне бродить по кабакам не особенно высокого пошиба в поисках доступных девочек и дублей, специально приказывал, чтобы парадные и обычные портреты имели как можно меньше сходства с оригиналом. Что его в конце концов и сгубило: фехтовальщиком он был искусным, но однажды нарвался на бретера классом выше, и тот уложил короля на месте...

Еще издали, едва они свернули в коридор, упирившийся в дверь упомянутых покоев, Сварог увидел неспешно прохаживавшегося неподалеку, у ряда колонн из розового мрамора, человека в дворянском платье. И, сделав еще несколько шагов, узнал Вингельта. Интересно. Сварог его не приглашал и не получал от Вингельта письма с просьбой о встрече. Ну что ж, гость в дом — Бог в дом...

Когда они подошли, Вингельт не произнес ни слова, ограничился лишь поклоном (довольно учтивым, впрочем, в полном соответствии с этикетом).

— У вас ко мне дело? — спросил Сварог не без любопытства.

— Если у вашего величества нет срочных государственных дел...

— Никаких, вот счастье, — сказал Сварог. — Пойдемте.

Трое ратагайцев в комнате охраны проворно вскочили и поклонились. Кивнув им, Сварог первым вошел в Безымянную комнату (король согласно этикету никогда не пропускает вперед даму, исключая иностранных королев — но раскрывать инкогнито Яны не стоило). Уселся, спросил, как гостеприимный хозяин:

— Вино? Кофе? Что-нибудь еще?

— Нет, благодарю вас, — сказал Вингельт. — Ничего не нужно.

Сварог присмотрелся с легким недоумением: глава Хитрых Мастеров впервые за пять или шесть визитов не хотел ничего. Обычно он хотя бы из приличия просил сока или кофе, а то и чего-то покрепче: когда король угощает, отказываться попросту не принято, о чем Вингельт не может не знать...

И весь он какой-то скованный, можно даже сказать, напряженный. Впервые Сварог его видел таким.

— Что-нибудь случилось? — спросил он без особой тревоги.

— Как сказать... — протянул Вингельт.

— Говорите, как есть, — пожал плечами Сварог.

— Ваше величество, я пришел сообщить, что мы уходим.

Его слова были настолько неожиданными, что Сварог спросил недоумевающе:

— Кто это — «мы»?

— Мы все, — сказал Вингельт. — Хитрые Мастера, как нас кое-кто называет. Собственно, я остался один, все до одного уже ушли.

— Куда? — спросил Сварог все так же недоуменно.

На губах Вингельта мелькнула легкая улыбка:

— С вашего позволения, я бы предпочел не отвечать на этот вопрос Из этого мира в д р у г о й, где нам будет уютнее, лучше, спокойнее. Решение было принято после всеобщего обсуждения, воздержавшихся или голосовавших против не нашлось.

Сварог оглянулся на Яну, она тоже выглядела крайне удивленной. Но не растерялась ничуть: уже знакомым движением указательным пальцем начертила в воздухе небольшой квадрат — и на стене появилась огромная карта Харума, на которой светилась одна-единственная алая искорка — именно там, где располагалась Латерана.

— Все так и есть, — сказала Яна. — Эта единственная искорка — наш гость. Других, и правда, на Таларе не осталось.

— Но почему вдруг? — спросил Сварог удивленно. — С какой стати? Совершенно неожиданно...

— Конечно, мы в чем-то нарушили закон, — сказал Вингельт с явственной ноткой иронии. — Согласно букве закона, мы — ваши подданные... и подданные нескольких других государств. Покидать страну без надлежащим образом выправленных паспорта и подорожной — несомненное нарушение закона. Впрочем, здесь открывается простор для юридической казуистики. Закон сфор-

мулирован так, что касается исключительно нашего мира, — он не насмехался — просто-напросто легонько шутил. — В нем ничего не сказано о запрете без паспорта и подорожной уходить на Древние Дороги — как ни словечком не упомянуто и о них самих...

— Почему вдруг? — серьезно спросил Сварог. — Мне казалось, у нас наладились вполне нормальные отношения...

— Вам непременно хочется объясниться, ваше величество?

— А вам бы на моем месте не хотелось? — не без резкости спросил Сварог.

— Пожалуй...

— В таком случае, не соизволите ли объясниться?

— Да, я бы тоже хотела выслушать... — сказала Яна.

— Мы пришли к выводу, что так для нас будет лучше.

— Но должны же быть какие-то серьезные причины? — спросил Сварог. — Вы же не дети малые, чтобы вот так, с бухты-баряхты...

— Отнюдь не с бухты-баряхты. Как я уже говорил, обсуждение было всеобщим, и решение принято единогласно. Причины... Серьезные причины есть. Точнее, появились в последнее время. Обсуждение началось после того, что произошло в Горроте при вашем непосредственном участии. Вернее, после того, как мы узнали, какие порядки вы там завели и к о г о посадили на трон...

— Ах, вот оно что... — сказал Сварог. — Вы, я догадываюсь, приняли близко к сердцу судьбу бедных, обиженных, обделенных Стахора и Эгле?

— В том числе... Я подозреваю, вы не намерены восстанавливать их на престоле?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог.

— Я совершенно того же мнения, — сказала Яна холодно.

— Такова уж суровая реальность, Вингелът, — сказал Сварог без тени злости или враждебности. — Так уж сложились обстоятельства. Бывают ситуации, когда и речи не идет о «восстановлении справедливости».

Мотивов я не намерен скрывать. Они лежат на поверхности. И Стахор, и Эгле категорически против существующего порядка — то есть правления ларов над жителями Земли. Если бы дело ограничилось высказанным словесно, в узком кругу, недовольством, все обстояло бы совершенно иначе. Никто не стал бы лишать их трона. Если вы думаете, что они — первые, кто придерживается такого образа мыслей, крупно ошибаетесь. У меня в подчинении две мощных спецслужбы, я прочитал массу докладов... Стахор и Эгле — не первые и даже не сотые. Немало благородных господ — а порой и коронованных особ — втихомолку придерживаются именно таких взглядов. Никак нельзя назвать это всеобщим поветрием — но и чем-то уникальным назвать нельзя.

Один существенный нюанс... До того всегда и везде дело ограничивалось именно что болтовней в узком кругу. В этих рамках и оставалось. Стахор и Эгле первые в другом. Они впервые попытались действовать, — он фыркнул. — Эдакие благородные борцы с тиранией. На первый взгляд. Вы — человек многоопытный, немало прожили на этом свете. Должны знать: сплошь и рядом самые благородные намерения приводят к самым поганым безобразиям. Что и произошло... ну, почти произошло. Успели все предотвратить в последний момент... Именно благодаря трудам нашей благородной парочки власть над Империей едва не захватил Брашеро. А уж е г о диктатура, его порядки, которые он намеревался ввести, почище любой «тирании ларов». Мы ведь как-то говорили о нем и его планах, и вы согласились, что вам это категорически не нравится...

— Я и сейчас могу повторить то же самое, — спокойно сказал Вингельт.

— Вот видите... — развел руками Сварог. — Как же можно после всего «восстанавливать справедливость»? Возвращать им трон? Они умны, молоды, энергичны, во что могут впутаться еще, предсказать решительно невозможно. А они обязательно во что-нибудь впутаются, не те люди, чтобы останавливаться на полпути. Чисто по-

человечески мне их жаль, но я не могу себе позволить такой роскоши — быть не человеком. Я, увы, государственный деятель... И сплошь и рядом вынужден отбрасывать все человеческое...

— Ну, что же... — сказал Вингельт. — Некоторым образом вы сами ответили на свой вопрос — о наших мотивах. Дело, разумеется, не только в Стахоре и Эгле, хотя их участь меня по-настоящему волнует — они наши давние и хорошие друзья, пусть во многом мы и расходимся во взглядах... Дело в нас и будущем наших детей. С е й ч а с вы настроены к нам доброжелательно. Но где гарантии, что завтра вы не решите, что очередную угрозу для Империи представляем именно мы? Вот потому мы и уходим. Мы не собираемся предпринимать против вас... и вашего порядка что бы то ни было. Мы просто уходим.

— А Стахор с Эгле? — спросил Сварог. — Уходят с вами или остаются?

— Позвольте не отвечать на этот вопрос.

— Подозреваю, остаются, — сказал Сварог. — Не та у них натура, чтобы тихонечко доживать век в каком-то уютном и безопасном другом месте. Ведь правда? Возможно, вы пытались их уговорить уйти с вами, но они наверняка не послушались, а? ²¹ он наклонился вперед. — Черт побери, Вингельт! Да увезите вы их силой! Им ведь никогда не удастся вернуть трон, и ситуация может зайти настолько далеко, что... Неужели не понимаете?

— Понимаю, — бесстрастно сказал Вингельт. — Но поделать ничего не могу. Честное слово, не могу. Что до вас... Я не питаю к вам ни злобы, ни вражды — как и к вам, ваше величество, — он поклонился Яне. — Но обязан помнить, что люди вы — во вторую очередь, а в первую — государственные деятели...

Вопреки всем этикетам он вскочил, резко отодвинув стул так, что ножки прогромыхали по дубовому паркету, спиной вперед сделал три быстрых шага, оказавшись у самой стены, покрытой огромным гобеленом со сценой какого-то стародавнего морского сражения.

За его спиной возник аркообразный проем, и там виднелись знакомые деревья со светло-коричневыми стволами...

Сварог прыгнул из положения «сидя», ухитрившись не опрокинуть хрупкий столик. Все было проделано грамотно, четко, но далеко стоял чертов Вингельт, понадобилось два броска.

И Сварог опоздал на какую-то секунду — точно рассчитанный удар пришелся не в болевую точку, а в пустоту, носок сапога замер напротив окутанного пушечным дымом корабля. Вингельт ушел.

Равновесия Сварог не потерял, выправился. Постоял пару мгновений в нелепой позе, встал на ровные ноги, вернулся к столу, мысленно матерясь боцманскими словесами, сел и налил себе до краев чарку рома «Семь якорей».

Яна терпеливо дождалась, когда он выпьет, чуть морщась, прожует кусочек густо наперченного вареного омара (стол сегодня был накрыт с «морским» уклоном). Спокойно произнесла:

— Хотел его допросить.

Это прозвучало не вопросом — утверждением.

— Ну конечно, — сказал Сварог, морщась уже от досады (поганой секунды не хватило!). — Со всем прилежанием. С помощью людей Канцлера — я король, но не зверь, знаю, что когда применять... Сбежали, значит, то ли в Запад, то ли на какую-нибудь Соседнюю Страницу, и чувствует моя душа, черта с два их найдешь...

— Вряд ли они будут помогать... Стахору с Эгле.

— Отчего-то я тоже твердо уверен, что не станут, — сказал Сварог. — Дружба дружбой, а тысячелетний уклад жизни так просто не переломишь... Они никогда не вмешивались в земные дела, разве что в той истории с Багряной Звездой — но там они еще и о собственной выгоде заботились, не хотелось им куда-то уходить. А вот теперь все же решились... Да, помогать наверняка не будут. За тысячи лет в мозг впечаталось: укрываться, прятаться, не высываться... Так что тебе волноваться совершенно не

о чем: сама по себе эта парочка для Империи опасна даже меньше, чем комарик для дикого кабана. А вот мне они могут напакостить в Горроте... Если они тоже умеют ходить по Древним Дорогам, им ничего не стоит однажды посреди ночи объявиться в королевской спальне. Один удар кинжалом, дел-то... Труп нетрудно скрыть на тех же Древних Дорогах. А убедительную версию сочинить еще проще. В конце концов, если вдруг оказалось, что считавшаяся мертвой королева живехонька, что мешает «чудесно уцелеть» и королю?

— Замок битком набит твоими людьми, — спокойно сказала Яна. — Тебе моментально доложат о неожиданном явлении живехонького Стахора...

— Безусловно, — сказал Сварог. — Вообще-то я пытался предусмотреть все варианты. У Литты в спальне теперь всю ночь дежурят две якобы пажессы — безобидные на вид девочки лет четырнадцати — из того же учебного заведения, что и Мара. Наследство Гаудина, ага. Но черт его знает, на что способна эта парочка, несколько лет водившаяся с Хитрыми Мастерами — да и какие-то наследственные умения у Стахора безусловно есть. Ну... Даже если их быстренько возьмут, моей королевы у меня уже не будет. Правда, остается мальчишка — на него, очень может быть, не поднимется рука — ребенок еще, да вдобавок как две капли воды похож на настоящего... Быстренько назначим подходящего «регента»... И все равно, приятно-го мало, когда эта парочка болтается где-то поблизости и ее возможности толком неизвестны...

— Полетишь в Горрот?

— Нет, — без колебаний ответил Сварог. — Совершенно ни к чему. Никаких новых мер безопасности попросту не придумать, — он печально покачал головой. — Остается только сидеть и ждать, когда что-нибудь произойдет — и тогда уж действовать соответственно. Ну ладно, не буду я забивать себе этим голову — предстоит задача посерьезнее... Ну что ты насупилась? Смотри веселее. Я и не из таких переделок выходил...

Яна подняла на него грустные глаза.

— Это потому, что ты ни разу не видела в деле Странную Компанию, — сказал Сварог наигранно бодро. — Бывали противники и пострашнее, ситуации посквернее...

— У тебя есть хоть какой-то план?

— Пока никакого, — лихо солгал Сварог. — Придется действовать по обстановке.

Вообще-то был у него план. На крайний случай. Рискованный, дерзкий, но все же вполне реальный, способный и увенчаться успехом... Теперь доподлинно известно, что ядерные заряды у токеретов есть. И наверняка в немалом количестве. Захватить один из них и взорвать к чертовой матери, предварительно отправив соратников наверх. Не самая легкая задача, но, в принципе, выполнимая. Ему самому не случится ни малейшего вреда, даже если он встанет рядом и шарахнет молотком по взрывателю. А вот Токерангу — конец. Характеристики и свойства ядерного взрыва у советского офицера намертво вбиты в подсознание, не пришлось лезть в справочники, в компьютерную память. Для пущей надежности Элкон ему кое-что просчитал на одном из компьютеров девятого стола. Вполне достаточно, учитывая размеры пещеры, примерно такого заряда, какой король Токеранга, сволочь такая, отправил ему в качестве свадебного подарка. Пятнадцать килотонн — вполне достаточно. Хорошо бы рвануть в таком месте, чтобы главный удар достался Клорене и Заречью. В Токеранге наверняка нет противоатомных убежищ. Поражающие факторы памятны наперечет: кто уцелеет после ударной волны, светового излучения и проникающей радиации, радиоактивного заражения местности не перенесет. Вдобавок будет еще электромагнитный импульс, по расчетам Элкона способный в ы ж е ч ь всю тамошнюю электронику. Некому и нечем будет связываться с агентами на земле. Пусть они даже заложили в земных городах немало всякой пакости — наверняка нет комплекса связи и условного сигнала, способных при необходимости привести все это в действие. Так что план ничуть не фантастический — просто-напросто весьма нелегкий в исполнении,

а это уже совсем другое... И уже есть кое-какие задумки касаются некоторых его деталей...

Он очнулся от нелегких раздумий, вскинул голову, услышав тихий голос Яны:

— Тебя Стахор с Эгле настолько обеспокоили? Или все дело в Токеранге? У тебя лицо такое...

— Да нет, все в порядке, — сказал он уверенно. — Настолько, что хочу устроить тебе интересный сюрприз, не имеющий ничего общего с текущими заботами. У меня давно руки чесались... А вот сего дня выпало свободное время. Едва перевалило за полдень, чертов барон появится только завтра, и Странная Компания только завтра слетится... Время есть...

— Ты о чем? — спросила она с извечным женским любопытством.

Сварог усмехнулся и завлекающим тоном сказал:

— О том балконе, за которым — какой-то другой мир. Хочешь заглянуть туда прямо сейчас? Ну, не самолично, а с помощью добротной научной аппаратуры...

Она не то что встrepенулась — вскочила:

— Конечно!

— Тогда пошли, — сказал он самым будничным тоном, нисколько не наигранным. — Там все должно быть уже готово. Вита! Шагаем степенно, как этикет предписывает...

Короткий участок коридора, ведущего к его малому кабинету (и той самой комнате, замурованной лет двести назад), давным-давно по распоряжению Сварога перегородили капитальной стеной, отделанной в тон всему коридору: так что теперь, казалось, будто стена тут красуется со времен постройки этого крыла. Дверь охранялась круглосуточно. Легенду, объясняющую такие новшества, придумали железную и убедительнейшую: Интагар с присущим ему рвением распустил по дворцу слух, что король собрался устроить рядом с кабинетом свой личный архив. Новость приняли спокойно, без малейшего удивления и тени подозрений. Совершенно житейское дело: те короли, что всерьез занимались государственны-

ми делами, не перекладывая их на первых министров или фаворитов, всегда имели свой личный архив, строжайшим образом охранявшийся... Комната давно уже сияла чистотой — ни пылинки. О чем позаботился сам Сварог, применив те заклинания, что использовали при уборке слуги в заоблачных Манорах. Благородному лару пользоваться ими, конечно, неуместно, но кто ж узнает...

Если уж пришло время заняться загадкой вплотную, нужно было отказаться от пещерных методов первых дней вроде крысы в корзинке, щенка на веревке и даже мощной оптики. Все поставлено на широкую ногу, строго научную основу: комната уставлена хитроумными приборами и агрегатами числом не менее полутора десятков, так что по виду (да и по качеству) ничуть не уступала многим заоблачным лабораториям. Пока что Элкону какое-то время предстояло управляться со всей этой передовой техникой в одиночку, но вскоре должны были подключиться Томи с Аурикой — Сварог никому сейчас не доверял так, как своим юным сподвижникам, ну, и Яне, разумеется.

Рано или поздно придется туда пойти. Но прежде (безвозвратно минули времена мушкетерской юности!) следует кое-что самым тщательным образом изучить. Продолжительность тамошних дня и ночи. Доступные наблюдению с балкона участки звездного неба — а потом попробовать поискать аналогии в обширнейшей памяти засекреченных компьютерных сетей. С помощью сверхсильной оптики заснять на видео доступную наблюдению часть города — вывески, рекламы, здания. Заснять машины на автострасе. Судя по развитию техники, там должны существовать радио и телевидение — определить частоты, послушать и посмотреть передачи. Наконец, рискнуть выслать на разведку дюжину-другую Золотых Шмелей, чтобы обозрели и запечатлели ближайшие окрестности, и в первую очередь само здание — нужно же наконец выяснить, какой вид оно имеет т а м и почему выглядит заброшенным.

Едва Яна со Сварогом вошли, Элкон прямо-таки сорвался с кресла — ну конечно, сгорал от нетерпения, ску-

чая здесь часа два в полной готовности. Обозрев комнату, Яна по-мальчишески присвистнула:

— Солидно подходите к делу...

— Как солидным людям и полагается, — усмехнулся Сварог. — Элкон, вы все наладили? То, о чем договаривались?

— Конечно, командир, — браво отрапортовал Элкон. — Все должным образом экранировано. Даже если какой-нибудь чужак с городской окраины станет пялиться сюда в телескоп, не увидит ни единого отблеска от пультов и экранов. Одна сплошная темень. Только вряд ли найдется такой чужак, вы же сами говорили, что за все время тут ни единой живой души не объявилось...

— С этой стороны не появилось, — педантично уточнил Сварог. — В районе, что доступен взгляду с балкона. Ну да, тут сплошные заросли колючего кустарника, чащоба. А вот что там с д р у г о й стороны, толком неизвестно, — он повернулся к Яне, потому что Элкон и так знал все, что Сварог сейчас собирался ей рассказать. — Когда там день, шторы мы не распахиваем ради пущей осторожности.

Один раз все же чуточку рискнули, ночью установили на балконе хорошо замаскированный микрофон и несколько раз слушали т а м о ш н и м днем. И всякий раз одно и то же: где-то неподалеку — гораздо ближе, чем проходит автострада, частенько подъезжали машины, судя по звукам, не только легковые, но и покрупнее, вроде автобусов. Ходили люди, и немало, мы даже слышали разговоры — но совершенно пустые, неинтересные. В общем, судя по результатам, здание регулярно посещают люди, иногда группами — но никак не похоже, что оно обитаемо.

— Может, и там, у них, здание чертовски старое? — предположила Яна. — Памятник архитектуры, музей, какой-нибудь храм, наконец?

— Да, мы и сами эти версии выдвигали, — сказал Сварог. — Вот только ни одна пока что не проверена на опыте. Одно сомнению не подлежит: там — совершенно мирные времена. Может быть, эта страна какие-нибудь мелкие войны вдалеке отсюда и ведет — скажем, на-

подобие колониальных. Но большой войны, ручаться можно, нет.

Но совершенно уверенным в этом быть нельзя, добавил он про себя. Во время Второй мировой швейцарские, шведские, испанские, португальские, турецкие города сияли половодьем огней. Не говоря уж о городах обеих Америк. Окажись году в сорок четвертом пришелец из другого мира, способный наблюдать издали Лос-Анджелес, Стокгольм или Анкару исключительно через такое вот оконце, свободно мог решить, что никакой войны нет. Так что рано делать выводы. Не так уж и далеко отсюда запросто может бушевать именно б о л ь ш а я война — просто эта страна нейтральна, вот и все?

— Командир... — почти умоляюще произнес Элкон уже совершенно другим тоном.

Сварог ухмыльнулся про себя: ну да, конечно, сейчас перед ним стоял не солидный специалист с изрядными заслугами перед Империей, отмеченный на Земле медалью, а за облаками — медалью и орденом, пусть и далеко не самым высоким. Сгоравший от любопытства мальчишка. Ну, эти чувства вполне понятны и внушения не заслуживают, его самого так и подмывает побыстрее начать, да и Яна, почти не скрывая, нетерпеливо переминается с ноги на ногу... — Начнем, — решительно сказал Сварог.

— С чего? — уточнил Элкон.

Практически не раздумывая, Сварог сказал:

— С поисков телеканалов. Где телевидение, там и новости... Нет, Элкон, шторы я и сам отдерну, какие уж тут церемонии. Займитесь приборами.

Он погасил свет, прошел к высокому окну и распахнул шторы — отлично смазанные металлические кольца не издали ни звука. Вышел на балкон. Яна тут же оказалась рядом. Все было, как обычно: ночь звездная, вдали протянулся могучий Ител, звезды отражаются в воде, далеко внизу, на равнине, по широкой автостраде проносятся машины. У горизонта — городская окраина, россыпь разноцветных огней разной величины, вспыхивают, гаснут,

мелькают разноцветные огненные зигзаги, фигуры, вензеля — уличная реклама во всей красе...

На сей раз задерживаться надолго, чтобы наблюдать давно знакомое, не хотелось. Сварог с Яной уселись перед указанным Элконом пультом, над ним тут же загорелся большой квадрат, очерченный тонюсенькой ниточкой сиреневого света. Он пока что оставался темным, только в паре мест светились бледно-молочным сиянием пятнышки в виде размытых запятых хвостиками вверх.

— Сначала — тщательная проверка, — распорядился Сварог.

— Конечно, командир... — так же негромко отозвался Элкон.

Какое-то время царило совершеннейшее молчание, полная тишина. Далеко не все научные приборы работают бесшумно, иные издают разнообразные тихие звуки, но сейчас Элкон все это отключил. Сварог, по правде говоря, чуточку волновался — впервые они вторгались т у д а с приборами. Двести лет, напомнил он себе. Как минимум двести лет никто о т т у д а не делал попыток проникнуть на эту сторону. Правда, за эти двести лет здесь впервые работает электронная аппаратура... Ну и что? Никаких следов какой-нибудь военной базы или других секретных объектов, мирная окрѣйна мирного большого города...

Наконец Элкон уверенно доложил:

— Ни малейших следов апейрона. Радиационный фон и магнитное поле отличаются от наших на ничтожные величины. Никаких признаков того, что кто-то нас сканирует какими бы то ни было излучения и полями, — и добросовестно уточнил: — Точнее, нет никаких признаков известных нам сканирующих излучений и полей. Что касается здешнего эфира... Прямо-таки кипит, как котел с похлебкой на сильном огне. Практически на всех диапазонах, — он помолчал и закончил уверенно: — Командир, здесь куча радиостанций и телестудий. Во многих машинах на автостраде включены радиоприемники.

— Вот с них и начните, — сказал Сварог. — Поймайте что-нибудь первое попавшееся, ненадолго...

— Есть, — сказал Элкон преувеличенно бесстрастным голосом старого капрала — ну конечно, тоже волновался...

Яна накрыла ладонью пальцы Сварога, легонечко сжала. Сварог едва не фыркнул: вдруг ощутил себя персонажем фантастических фильмов, на которые бегал мальчишкой: куча приборов, огоньки, экраны, отважные исследователи мужественно перебрасываются скупыми репликами, готовые грудью встретить любые сюрпризы Мироздания — и молодая красавица среди них, конечно...

Ага! Заиграл оркестр, не все инструменты можно определить по издаваемым ими звукам, но мелодия безусловно приятная, ничуть не печальная, что-то вроде танго...

— Дальше, — сказал Сварог.

Несомненно, репортаж с какого-то спортивного состязания — диктор сыплет пулеметной скороговоркой, в ненаигранном азарте возвещая, что некто с непривычным именем догоняет другого со столь же непривычным именем, кажется, будет обходить, вот они уже идут голова в голову, слышны совершенно привычные вопли болельщиков, свист, женский визг — но никаких деталей, по которым можно определить, что там за состязание, с равным успехом может оказаться и бег, и плавание, да что угодно...

— Дальше.

Снова мелодия, веселая, задорная...

— Достаточно, пожалуй, — сказал Сварог. — Давайте лучше займемся телеканалами, своими глазами посмотрим...

— Понял, командир. Восемнадцать телеканалов, три из них — явно местное вещание, а вот для остальных сигнал идет со спутника...

Чуть подумав, Сварог распорядился:

— Пробежимся по всем. Не галопом, но достаточно быстро: полминуты на канал...

Вспыхнул экран. Палуба большого парусного корабля, на ней кипит ожесточенная сеча: рубятся широкими саблями, порой палят друг в друга из пистолетов, какие

можно и сейчас встретить по всему Талару. Интересно, что и те и другие одеты разномастно, ничего напоминающего форму — пиратская разборка? Музыка соответствующая, тревожно-бравурная, это, конечно же, фильм, наверняка о старинных временах — что-то не сочетаются колесцовые пистолеты, парса и сабли с потоком машин на автостраде и залитым электрическим светом городом. Камера упрямо держит на переднем плане высокого брюнета с красивым, мужественным лицом: положительный герой, а? Местный капитан Блад? Похоже. А вон тот, что благоразумно прячется у мачты за спины своих людей, судя по роже, как раз главный злодей и есть... Так, к этой же мачте привязана очаровательная блондинка с разметавшимися волосами и продуманно порванным платьем, она с такой надеждой уставилась на брюнета, что пояснений не требуется...

Откровенно эротический танец — девушки в полупрозрачных накидках, освещенные разноцветными лучами прожекторов. Впрочем, именно что красивая эротика, а не порно, сразу можно определить...

Стадион. Ух ты, «боло»! В точности как в Равене: огромный мяч в два человеческих роста диаметром, на него точно так, как случается на улицах Равены, напирают с двух сторон две команды, ну, разве что э т и одеты в спортивную форму, одни в синюю, другие в красную, играют на стадионе...

Еще один эротический танец, но это какой-то другой канал — и скупые наряды другие, и музыка, и сам танец...

Люди в богатой, но, полное впечатление, очень старинной одежде, держась очень величаво, изъясняются длинейшими монологами, прямо-таки белым стихом. Обстановка — самая роскошная, быть может, даже не дворец магната, а королевский замок. Здешний Шекспир, а?

Человек в непривычном, но, полное впечатление, современном костюме сидит за полукруглым столиком темного дерева и не просто говорит — сосредоточенно вещает, за спиной у него — разноцветные диаграммы,

графики, разной величины цветные полосы. Так, курс такой-то валюты к такой-то и сякой-то, изменения курсов не дают оснований для биржевой паники...

Скачки, с первого взгляда видно. Кричат и машут руками зрители на трибунах, трое всадников — кони в разноцветных пополах идут почти голова в голову, явные фавориты: остальные, не менее десятка, растянулись цепочкой, отставая корпусов на полдюжины...

И снова тревожно-бравурная музыка, только на сей раз ожесточенная сеча происходит не на палубе корабля, а на широкой лесной прогалине, дерутся всадники в кольчугах и круглых шлемах, с разноцветными геометрическими фигурами на щитах. Вот только на сей раз трудно определить, кто тут благородный герой, а кто — главный злодей, и прекрасной пленницы что-то не видно...

Мультфильм. Неизвестные, но довольно потешные зверюшки под бравую песенку идут гурьбой по лесной тропинке....

Во весь экран — доска, густо исписанная непонятными знаками и формулами, солидный седовласый человек что-то внятно и с расстановкой объясняет, вода по загадочным иероглифам тонкой и длинной красной указкой. Учебная программа? Похоже.

Под музыку, напоминающую звуки клавесина, камера на высоте птичьего полета медленно плывет над широкой равниной: зеленые кудрявые деревья, обширные поля ухоженной травы, желтые дороги, показался красивый замок непривычной архитектуры, диктор возвестил, что школьники видят место, где обитал в последние годы жизни король Гунгар Великий...

Регата, гонки небольших белоснежных яхт под разноцветными парусами — где-то в открытом море, яркое солнце, спокойная гладь, играющая мириадами солнечных зайчиков...

Снова мультфильм. Старец с длинной белой бородой, в усыпанной золотыми знаками синей мантии и таком же остроконечном колпаке что-то объясняет восторженно внимающей ему детворе: то ли маг, то ли звездочет — над

ними раскинулось ясное звездное небо, и большой желтый, уже чуть на ущербе диск справа очень похож на Семел...

Трое мужчин — все довольно солидного возраста, хотя и не старики, — одетые примерно так же, как тот тип, что читал биржевые сводки, сидят вокруг треугольного столика и чинно беседуют. Это явно ученые: иногда попадают в их речи знакомые слова вроде «вектора» и «фактора», но смысл понять решительно невозможно, непонятно даже, о какой именно науке идет речь. Очень чинно дискутируют, не то что в Ремиденуме или ином здешнем очаге культуры, когда под занавес летают скамейки, чернильницы и наглядные пособия...

Ну, а это уж точно оперетта: усатый красавчик в расшитом золотом мундире и дама в богатом платье до пола, перебросившись парой игривых реплик, принялись танцевать, напевая нечто довольно легкомысленное...

Сварог подался вперед. Вокруг круглой эстрады метались пучки разноцветных лучей, в воздухе плавали полупрозрачные цветные ленты, опять-таки похожие на лучи света, а не полосы ткани. И в глубине светились большие, сиреневые с желтой каймой буквы:

ТАРИНА ТАРЕМИЯ...

— Задержите подольше, Элкон! — быстро приказал Сварог.

Справа появилась молодая женщина в длинном отрывном платье, жемчужно-сером с алыми вставками. Черные волосы ниже плеч, смеющиеся голубые глаза... Тихо зазвучала музыка, и она запела, улыбаясь словно бы не залу, а каким-то своим затаенным мыслям:

*Вертикальная вода,
как и в прежние года,
гладит море крыш...
И тепла, как никогда,
вертикальная вода,
что же ты грустишь?
Скоро тучи вдаль уйдут,*

*и снова птицы запоют...
Ты потом поймешь:
смыла беды навсегда
вертикальная вода,
если проще — дождь...*

Только теперь Сварог ее у з н а л. Понял, отчего, когда первый раз слушал ее записи, голос показался смутно знакомым. Это она тогда появилась на экране телевизора в роскошном хелльстадском доме отдыха для военноморских чинов. Только платье было другое, алое, да волосы чуточку покороче. Она, никаких сомнений, тот же завораживающий, с легкой хрипотцой голос...

— Дальше, — приказал он. На первом месте были интересы дела, а телеканал, надо полагать, надежно зафиксирован в памяти компьютера...

Игра какая-то? Высокая стена, круг на ней разделен на семь полос, классические цвета радуги, полосы разделены на секторы с цифрами (знакомые цифры, они и здесь в ходу, доставшиеся в наследство от мира до Шторма), центральный кружок — белый, величиной не более чайного блюдца. Показанная со спины светловолосая девушка в коротком желтом платье и вычурных туфельках, с завязанными глазами, азартно повизгивая, мечет в круг нечто вроде стрел с тонкими стальными наконечниками и ярким оперением.

В левой руке у нее целый пучок. Промах... Еще промах... угодила третьей во второй снизу круг, оранжевый. Сбоку не менее азартно завопили зрители (сиденья амфитеатром до самого потолка). Судя по накалу страстей, игра идет на интерес...

Музыка, но уже не бравурная, очень тревожная, так и намекающая на грядущие крайне неприятные сюрпризы. Широкая лесная тропинка, по тропинке, то и дело озираясь, осторожными шажками движется девушка в длинном платье с какой-то непонятной штукой в руке — нечто вроде короткого жезла с наверху в виде то ли ажурного вензеля, то ли каббалистического знака. Справа вскрикнула ночная птица — пронзительно, недобро, словно бы

насмешливо. Девушка невольно отшатнулась, но, кажется, большим усилием воли взяла себя в руки, осторожно двинулась дальше. За спиной у нее стал бесшумно выдвигаться из-за дерева на тропинку высокий черный силуэт не вполне человеческих пропорций...

Экран погас.

— Ой! — невольно вскрикнула Яна. — А что дальше?

Сварог усмехнулся:

— Все равно не видели начала. Самое забавное, вполне может оказаться, что девушка — злая фея, а черное страшилище — зачарованный принц, жаждущий вернуть себе человеческий облик. Со сказками никогда неизвестно, может обернуться по-всякому... А это, конечно же, сказка, а не репортаж с места событий... Ну что, кратенько все обсудим? Как полагается на военных советах, начнем с младшего? Элкон?

— По-моему, довольно благоустроенный мир, командир, — сказал Элкон раздумчиво. — Образовательные каналы, научная программа, добрые мультфильмы, спорт, биржевые игры, вполне благопристойная эротика... Ни следа войны. Тишь, гладь, благолепие... Конечно, это еще ничего не доказывает. Воевать могут какие-то другие страны — если тут их несколько, — а эта держит нейтралитет.

— Да, у меня примерно то же впечатление, — сказал Сварог. — Как-то у них тут уютно... — он грустно усмехнулся. — Я, правда, в иных случаях заранее настраиваюсь на пессимизм. Все, что мы видели, вполне может сочетаться с каким-нибудь сатрапом на троне или в Главном Кресле, у которого все тут ходят по ниточке...

— Возможно, — сказал Элкон.

— Вы не о том! — воскликнула Яна. — Где это? Когда? Это Тарина Тареми, никаких сомнений. Канцлер давал мне посмотреть один из ее фильмов. Он предполагает, что Тарина — современница Шторма...

— Предполагать можно все, что угодно, — сказал Элкон. — Все равно не сохранилось точных дат, только приблизительные. Может, и не современница. Просто поль-

зовалась такой известностью, что ее фильмы и концерты имели большой успех и после ее смерти... не исключено, в преклонных годах.

— Ну, это детали, — сказала Яна. — Главное, там — время незадолго до Шторма. Отделенное от него, быть может, десятилетиями, но вряд ли столетиями...

— Еще не факт, — спокойно возразил Элкон. — Может быть, т а м — одна из Соседних Страниц, время там течет по-своему... а Багряная Звезда туда могла и не прилететь. Не было ее т а м. О Соседних Страницах у нас знания чисто теоретические, еще ни разу не удавалось ни на одну проникнуть, как ни бьются...

Сварог помалкивал. Пока что он не собирался никому, даже Яне, рассказывать, что однажды ненадолго оказался на какой-то Соседней Странице... где события обернулись так, что Багряная Звезда все же прорвалась к Талару, и они с Яной мертвы... Никак не мог решиться. Мешали те неопишуемые обычными словами ощущения, навалившиеся, когда он перевернул ногой на спину собственный труп, и под пальцами у него, словно сухая веточка, сломалась заледеневшая прядь Яниных волос... Зачем кому-то это вообще знать? Ни малейшей пользы для науки, бортовая аппаратура не зафиксировала тогда ничего необычного, ничего, с чем можно идти к ученым, главное, здесь беду удалось отвести, и мы оба живы, и планета невредима...

— Ну, а ты, что думаешь? — тронула его руку Яна.

— Ничего, — сказал он спокойно. И ничуть не кривя душой.

— Почему?

— Потому что рано, — сказал он. — Слишком мало информации к размышлению, и не хочется переливать из пустого в порожнее. Еще потому, что времени мало, у меня, если помните, очень серьезная поездка намечается, и там многое еще не сделано...

— Может, я тогда попробую Древний Ветер? — предложила Яна. — Пролететь до города — ну, в переносном смысле, конечно — посмотреть и послушать...

— Не пойдет, — решительно сказал Сварог. — Мы ведь о них ничегошеньки не знаем, за таким вот уютным фасадом может скрываться что угодно...

— Например? — чуточку недовольно бросила Яна.

— Например, здешняя Багряная Палата. Которая в два счета отследит вторжение Древнего Ветра. Если он тут есть, может и оказаться вне закона, как у нас — черная магия. Это аргумент?

— Аргумент, — согласилась Яна довольно покладисто. — Но Элкон ведь слушал, и никто его не засек? Возможно, я тоже только п о с л у ш а ю, без всяких вторжений?

— А вот это другое дело, — подумав, согласился Сварог. — Пошли на балкон... Или ты можешь и отсюда?

Яна сосредоточилась и почти сразу же сердито фыркнула:

— Нет, не получается. Завеса...

— Ну, пошли на балкон, — встал Сварог первым.

Завесу они обнаружили сразу же, едва пещерным методам Сварога пришел конец, и Элкон объявился здесь с серьезной аппаратурой. Вот именно. Некая невидимая, неосязаемая, не оказывавшая на окружающее никакого влияния завеса, затянувшая от пола до потолка и от стены до стены торец комнаты, где располагались окно и дверь на балкон. Обнаружил ее Элкон сразу же, но, как ни бился, не мог определить, что она такое. Одно выяснилось точно: она не пропускала наружу из комнаты ничего, подходившее бы под определение «вторжение»: ни излучений поисковой аппаратуры Элкона, ни магии, даже примитивной, которой попытался воспользоваться Сварог (типа «подзорной трубы» или «чуткого уха»). Ничего — кроме самих людей, беспрепятственно выходивших на балкон. А теперь, как выяснилось, не пропускала изнутри и Древнего Ветра. Неизвестно, как обстояло со внешними воздействиями любого вида, направленными отсюда. Неизвестно, естественная это преграда или дело человеческих рук. Главное, она была непроницаемой — и датчики, антенны, приемники излучений Элкону пришлось устанавливать на балконе, в этом случае все исправно ра-

ботало. Сварог иногда думал: не благодаря ли завесе за двести с лишним лет оттуда так никто и ничто и не проникло с ю д а? Может, подобная штука — неотъемлемое свойство таких вот окон, соединяющих разные миры. А может, давным-давно кто-то мудрый и с и л ь н ы й ее установил специально, неизвестно уж, с к о т о р о й стороны — наподобие того, как в старые времена Катберт-Молот запечатал узкую расщелину в горах Оттершо, из которой временами неведомо откуда вылезала всякая нечисть, и с нею приходилось потом разбираться долго и старательно, с превеликим напряжением сил...

— Только ты уж пожалуйста... без световых эффектов, — попросил Сварог, когда они все трое встали у каменных перил.

Яна ответила таким тоном, словно показала язык:

— Древний Ветер сплошь и рядом себя не проявляет ни световыми, ни звуковыми... эффектами.

— Ну, тогда начинай, — сказал он, вздохнув.

Действительно, никаких внешних эффектов: Яна попросту сложила ладони перед грудью, потом медленно развела руки, согнутые в локтях, застыла, обратив ладошки, словно антенны радаров, в сторону далекой пляски разноцветный огней. И стояла так довольно долго. Все же с о в с е м без сопутствующих эффектов не обошлось: в какой-то момент Сварог заметил, что ее волосы словно слегка колышет ветерок — хотя сам он не ощущал ни дуновения.

Наконец она медленно опустила руки на перила, чуть пожала плечами:

— Ну, вот... Древний Ветер там есть. Как учено выразился бы Элкон, в качестве постоянного фона. Даже гораздо более сильного, чем у нас на Таларе. Мне показалось даже, что где-то вдали есть другие. С теми же способностями — а вот на Таларе я одна-одинешенька — иногда ощущение это бывает очень неприятным... — и убежденно повторила: — Да, где-то здесь есть и другие...

— Ну, значит, пока больше не пробуй, — сказал Сварог. — Кто его знает, ваш Древний Ветер — если ты их

чуешь, они тебя тоже могут почуять, запеленговать, или как там это применительно к Древнему Ветру именуется... Мало ли на кого они могут работать — у отца Алкеса в Багряной Палате, да и у Грельфи, состоят на службе свои умельцы...

Яна, касаясь теплыми губами его уха, прошептала чуть насмешливо:

— Что-то ты становишься ужасно осторожным, словно дряхлый дед, идущий без палки по скользкой дороге...

— Повзрослел, — ответил Сварог тоже шепотом, — это в старые времена я только за самого себя отвечал... — и спросил уже в полный голос: — А магию ты там не почуяла?

— Почуяла, — будничным голосом ответила Яна. — Где-то тут и она есть — но никак не поблизости. Однако есть. Только гораздо более слабая. Если Древний Ветер сильный, мощный, воздух им прямо-таки насыщен, то здешнюю магию я бы сравнила со слабым огонечком далекого костра... или тихим пением на пределе слышимости где-то за горизонтом... Может быть, здешние места просто-напросто на нее слабы. И в других местах ее гораздо больше. Ой, извини! — воскликнула она голосом послушной девочки. — Я снова переливаю из пустого в порожнее?

— Вообще-то да, — проворчал Сварог. — Черт, как же нам все-таки посмотреть город...

— Сейчас устроим, командир, — самым будничным тоном ответил Элкон: — Думаю, все сработает... Вы можете остаться здесь, я сам справлюсь.

Он ушел в комнату и тут же вернулся, кончиками пальцев легонько толкая перед собой — как поступают с предметами, магическим образом лишенными веса, — полусферу радиусом метра в полтора. Торцом она была обращена наружу — и Сварог рассмотрел на нем концентрические круги выпуклых линз, ряды углублений, где виднелись небольшие, но замысловатые антенны.

Остановив ее на середине балкона, Элкон достал узкую длинную коробочку и что-то так нажал. Ничего не прои-

зошло. Но через пару секунд полусфера стала бесшумно таять, пока не исчезла со всем.

— Все, можем садиться к экрану и смотреть, — сказал Элкон, легонько потянул за рукав Сварога. — Нет, командир, обойдите это место, а то еще лбом треснетесь, шишку набьете. И вы тоже, ваше величество. Она так там и осталась, просто сейчас невидимая...

— Что это за штука? — спросил Сварог, когда они вновь усадились перед экраном.

— Самый обычный агрегат, давным-давно известный, — усмехнулся Элкон. — Стандартный орбитал-наблюдатель из арсенала восьмого департамента. Во время горротского похода драгуны меня много раз учили проявлять солдатскую смекалку. Вот я и подумал: с помощью подзорной трубы можно с равным успехом смотреть и сверху вниз, и по горизонтали. Взял обычный орбитал, повернул на девяносто градусов... Он должен работать в любом положении. Вот и посмотрим поближе...

Сварог ухмыльнулся:

— Еще одно доказательство, что армейский опыт идет человеку только на пользу. Мэтра Анраха взять, да мало ли примеров, уж не говоря скромно обо мне самом...

— Только один недостаток, — сказал Элкон. — В таком положении я не смогу орбитал перемещать так, как это удалось бы в небе. Он и в самом деле сможет действовать исключительно как подзорная труба...

— Не переживайте, — сказал Сварог. — Для первого раза вполне достаточно. Ну?

Огромный экран вспыхнул: как всегда, ощущение такое, словно это они сами перемещались по широкой улице, разве что не в легковой машине, а в кабине высокого грузовика. Объемное изображение передает все краски и оттенки, разве что запахов нет...

Городские окраины во все времена бывают всякими. Иногда это — трущобы, набитые нищebroдами и криминальным элементом. Иногда — загородные дворцы знати. Там, можно с первого взгляда определить, окраина играла роль ночного развлекательного центра, причем

рассчитанного на толстый кошелек. Главная камера плыла над улицей со скоростью пешехода, иногда подключались крайние. Как ни вглядывался Сварог, он пока что не увидел ни одного жилого дома, одни отели, рестораны, казино и всевозможные увеселительные заведения (иные с соответствующими вывесками, иные только с названиями — видимо, самые знаменитые, не видевшие нужды уточнять, что именно они предлагают почтеннейшей публике).

Очень скоро начало форменным образом рябить в глазах от обилия и многоцветья рекламы. Отели и иные развлекательные комплексы в основном обходились без мельтешения (что, не исключено, служило признаком особой респектабельности) — их вывески и прочая иллюминация не мигали, не шевелились, чинно себе горели высоко над уличными фонарями. Зато немало других заведений себя являли так, что глазам больно: надписи мигающие, пробегающие по крышам и фасадам, выписывающие зигзаги... Изображения и целые картины: игральные кости выплывают над зелеными столами зазорные танцы, карты откалывают нечто зажигательное, очаровательная девушка, улыбаясь в сорок четыре зуба, форменным образом купается в груди золота, а подальше другая пересыпает из ладони в ладонь кучку бриллиантов; неспешно взмахивают крыльями добродушные на вид драконы, рассыпающие в полете золото и сияющие самоцветы; выгибаясь и медленно кружась, красотки не спеша разоблачаются, все же сохраняя минимум приличий, кувыркаются, зазывно машут плавниками сухопутные и морские диковинные создания, то ли реальные, то ли сказочные (с вон тем осьминогом никаких неясностей, зато иные персонажи, скорее всего, сказочные). Какофония цветов, плясок, мельтешения... Довольно быстро Сварог определил, что в основном заведения сводятся к двум категориям: игорные дома и, деликатно выражаясь, танцы на эстраде. Гораздо меньше ресторанов и местечек, чье предназначение невозможно определить только по рекламам и названиям, не попав внутрь. Камера неспешно «прошагала» уже не

менее парочки лиг, а окружающие картины нисколько не меняются. Сварогу пришло в голову: может, это в о о б щ е не город? Этакий тамошний Лас-Вегас? Впрочем, и в Лас-Вегасе вроде бы имеются жилые дома...

Час поздний, но жизнь, как и следовало ожидать в т а к о м районе, бьет ключом. Широкая улица забита машинами, широкие тротуары — прохожими, в основном деловито спешащими в те или иные заведения, но хватает и таких, которые просто гуляют, главным образом парочки, в коих за версту можно угадать влюбленных либо просто любовников. Одни расхаживают с видом завсегдатаев, в других, ошалело вертящих головами, сразу видны провинциалы, оказавшиеся здесь впервые, глаза у них разбегаются почище, чем у Сварога сейчас. Фасоны платьев и костюмов непривычные, незнакомые, однако легко определить, что б е д н ы х на улицах что-то не заметно. Роскошные машины (иногда то ли с гербами, то ли с загадочными вензелями на лаковых дверцах) высаживают дам в вечерних платьях (меха, самоцветы, затейливые прически, холеные тела) и их элегантных спутников. Народ попроще выходит из такси. Привычное, устоявшееся коловращение веселья и развлечений...

Пресытившись всей этой оргией красок и мельтешения, Сварог начал высматривать что-то более полезное. Ни следа военных патрулей, полицейские прохаживаются парами, но без малейшей нервозности, словно бы и вовсе не глядя по сторонам, и их не так уж и много — как и полицейских машин, неторопливо проплывающих в крайних рядах (движение на улице двустороннее). Все опять-таки выглядит отлаженным механизмом. Драк и ссор на тротуарах не видно, зато хватает изрядно пьяных, перемещающихся порой зигзагом в одиночку и компаниями. Не заметно, чтобы полиция к ним вязалась. Никого похожего на уличных проституток. Если уж заведения со стриптизом рекламируют себя откровенно, явно имея разрешение властей, в т а к о м местечке не может не быть и проституток — но и здесь наверняка все обставле-

но крайне респектабельно, без тружениц панели самого вульгарного облика.

— Уф... — тихонько вздохнула Яна. — Даже глаза заболели...

— Аналогично, — сказал Сварог. — Тебе еще не надоело?

— Начинает уже надоедать, — призналась она. — В принципе, одно и то же...

— Тогда, может быть, пойдем поговорим о серьезных вещах?

— С удовольствием, — Яна встала. — В глазах рябит...

— Подожди минутку, — сказал Сварог. — Слушайте подробные инструкции, Элкон. Вся эта развеселая суэта никакой полезной информации не несет, а нам нужна именно полезная. Сделаем так... Нам в первую очередь нужны здешние новости, как можно больше. Здесь просто не может не быть программ новостей, просто мы галопом проскакали по каналам в то время, когда новостей, скорее всего, не передают... Короче говоря, сделайте записи всех каналов в течение суток. Когда прилетят Томи с Аурикой, наладьте дежурство в три смены. Если попадется что-то интересное — да просто наткнетесь на обширную программу новостей — запись сразу же ко мне, в любое время. Потом, когда накопим достаточно материала, прогоним через компьютеры. У нас есть немало информации, почерпнутой на базе «Стагар», попытаемся поискать сходство с миром до Шторма — чем черт не шутит... Далее. Прежде всего, когда за сутки наберется достаточный улов, сделайте... — он подумал, как бы сформулировать точнее. — Сделайте нечто вроде обширного обзора их бы т а. Как они одеваются, носят ли с собой документы и проверяет ли их полиция. Как они останавливают такси, переходят дорогу... в общем, самый подробный обзор их поведения в быту, какой только возможен... Опа!

Яна тоже повернулась к экрану. Справа от входа в один из роскошных игорных домов красовалась высокая прямоугольная вывеска на двух затейливых подставках, где золотом по синему начертано: «Посетителей убедительно

просят воздержаться от применения магических практик, что никогда не остается незамеченным».

— Не подвело тебя умение, Вита, — хмыкнул Сварог. — Е с т ь здесь магия. И, как явствует из вывески, иные ею владеющие, может, и не черной балуются, но безусловно не стесняются магию использовать для личного обогащения. В самом деле, вздумай маг управлять с костями, картами и прочими причиндалами, быстренько любое казино по миру пустит... Надо полагать, есть и наблюдающие...

— Интересно, почему на д р у г и х игорных домах таких предупреждений не вывешено? — сказала Яна.

— Может быть, внутри, на входе, — пожал плечами Сварог. — А владельцы этого — особенные пессимисты... В конце концов, это сейчас неинтересно. Элкон, вы поняли задачу? Отлично. Пойдем, Вита...

На протяжении всего обратного пути Яна молчала. Только усевшись за столиком в Безымянной комнате, уставилась на Сварога со жгучим любопытством:

— Эти твои инструкции насчет обширного обзора их быта... У меня зародились определенные догадки...

— Правильно, Вита, — усмехнулся Сварог. — Как только вернусь из крайней командировки, надо будет сходить туда вживую. Пора за этих соседей браться всерьез, — увидев, как она поддалась вперед с заблестевшими глазами, поднял ладонь: — Ну конечно, конечно! Ты пойдешь со мной, и никак иначе. Язык тот же, одежду скопируем, мелкие недочеты и промахи, которые у нас непременно будут — всегда, как это водится, — можно списать на неуклюжесть провинциалов... Погоня за приключениями тут ни при чем — необходима глубокая разведка. И самое занятное... — он улыбнулся не без грусти, — без тебя просто не обойтись. Это ты со своим Древним Ветром будешь там основной ударной силой и главной боевой единицей. Твои умения, судя по присутствию и там Древнего Ветра, отлично должны сработать. А вот мне придется, как это ни унижительно для славного героя Сварога, быть на подхвате. Коли уж там нет апейрона, вся магия ларов навер-

няка бессильна. Будет ли работать хелльстадская, неизвестно. Так что вся надежда на тебя...

— Я постараюсь, — пообещала она серьезно. В ее глазах жгучее любопытство сменилось откровенным беспокойством и тревогой. — Ты только постарайся быть в Токеранге поосторожнее...

— Постараюсь, — кивнул он так же серьезно.

СМОТРИНЫ, СТАЛО БЫТЬ, У НИХ...

— **Н**аверное, прежде всего мне следовало бы перед вами извиниться? — спросил Сварог. — Как-то неловко на душе: я дал слово короля, что прибуду к вам в определенный срок, но сдержать его не смог... Правда, у меня были уважительные причины: задержался по приказу императрицы...

Барон Лог Дерег из кресла не поднялся, но принял такую позу, словно вытянулся по стойке «смирно».

— Вы чересчур добры ко мне, ваше величество, — сказал он, честное слово, с ненаигранным пафосом. — Мне попросту не подобает принимать извинения от короля, тем более что причины у вас и в самом деле уважительнейшие: приказ ее величества...

Интересно, подумал Сварог. Налицо некая раздвоенность мышления. Там, внизу, свою королевскую фамилию они в грош не ставят, но здесь он держится совершенно иначе. Скорее всего, привычка к четко выраженной вассальной пирамиде, которая у него не впервые проявлялась. Если они всерьез, без обмана собираются мирно — пока что мирно — поселиться наверху, он наверняка уже просчитал, что в первую очередь будет моим вассалом, а уж во вторую очередь — вассалом Империи. И настраи-

вает себя на соответствующий лад. Интересно, каковы остальные семеро, члены этого чертова дэнго. Не спросишь же напрямую...

— Я понимаю, заботы у вас... и у императрицы были нешуточные, — продолжал барон. — Вот кстати, примите мои поздравления. Вы блестяще провели операцию в Акобаре. Я еще не знаю очень многих подробностей, но по тем, что уже известны, и по косвенным данным ясно, что операцию вы провели отлично...

— Я надеюсь, это не огорчило вас и ваших... соратников? — дипломатическим тоном спросил Сварог. — Возможно, вы строили далеко идущие планы касательно Брашерио...

— Далеко идущие планы мы строим в отношении вас, ваше величество, — сказал барон. — У Брашерио были собственные планы переустройства мира — он был со мной достаточно откровенен.

Мы его, никаких сомнений, интересовали лишь как временные союзники в борьбе за власть. Потом он от нас, несомненно, постарался бы как можно быстрее избавиться... предварительно выкачав наши научные и технические достижения. Ни в каком другом качестве мы его не интересовали. Вы — совсем другое дело, ваше величество. Конечно, нам с вами, как людям... воспитанным, следует избегать излишней... конкретики, но кое-какие намеки допустить можно, я думаю. У вас совершенно другие планы, — он бросил мимолетный взгляд на парадный портрет Яны, нисколько не скрывая этого от Сварога. — Не думаю, чтобы вас интересовали наши научные и технические знания. А вот надежные союзники в осуществлении ваших планов вам безусловно не помешают...

Сделав уклончиво-равнодушную физиономию, Сварог ласково подумал: вот сукин кот... Уже не первый раз намекает, что в общих чертах «планы Сварога» ему известны, понятны и, в общем, встречают одобрение. Всерьез полагает, что Сварог стремится тем или иным способом воссесть на трон Империи — и о многом судит именно с этой точки зрения. Исходная версия глубоко ошибоч-

на, но все дальнейшие рассуждения, вытекающие из нее, глубоко логичны: в самом деле, лелей Сварог мечты стать Императором Четырех Миров, крепкое государство Токеретов на Харуме оказалось бы и впрямь неплохим союзником. А дальше уж игра пошла бы на опережение: и при таком обороте Токереты стали бы рано или поздно подозревать, что новоиспеченный император в конце концов с ними разделается или, по крайней мере, приведет в состояние, при котором они будут совершенно не опасны. Но, как любой на их месте, постарались бы либо опередить, либо как-то попробовать надежно себя обезопасить. Ладно, не стоит ломать голову над хитро-сплетениями, которые никогда не наступят: Сварог вовсе не собирался не то чтобы брать их в союзники, вообще помогать переселиться наверх. Совсем другую он перед собой поставил задачу...

— Ну что же... — сказал он, — если уж разговор не прямой, но достаточно откровенный, могу признаться: союзники мне и в самом деле не помешают. И нужны будут, в отличие от Брашера, очень долго.

— Не сомневаюсь, ваше величество, — склонил голову барон.

Нет, он сейчас не врал — но все же сомневался. Ничего удивительного: они там, внизу, весьма неглупы, несмотря на отсутствие души. В таких играх стороны никогда не доверяют друг другу полностью. Чего стоит услуга, которая уже оказана? Любой выскочка, утвердившись на троне Империи, постарался бы со временем отделаться от слишком сильных союзников. Вообще говоря, в такой ситуации узурпатор постарается обойтись в о в с е без равноправных союзников, цинично выражаясь, ни к чему они в столь серьезном деле. Любому властелину нужны только п о д ч и н е н н ы е, любой союзник будет временным. Не нами это заведено, не на нас и кончится... Азбука.

— Ну, теперь все позади, — сказал Сварог. — Все успокоилось, противник разбит, остатки выловлены, ситуация полностью под контролем. Теперь самое время к вам от-

правиться... если вы не передумали, конечно, — добавил он, тоном давая понять, что шутит.

— Ничуть, ваше величество, — улыбка барона означала, что шутку он понял и оценил. — Мы не настолько легкомысленны, чтобы «передумать». Проект «Нормальный размер» — слишком серьезное, обширное и на годы вперед просчитанное предприятие... — как ни владел он собой, Сварог чувствовал искреннее нетерпение. — Когда мы могли бы ожидать вас и ваших спутников?

— Через сутки, я думаю, — сказал Сварог. — Гостеванье мое у вас наверняка затянется на несколько дней? Вот видите... Нужно позаботиться, чтобы все эти дни повседневные дела отличным образом крутились без моего надзора и присутствия. Нет никаких конкретных угроз, просто толковый хозяин, покидая имение, непременно даст подробнейшие указания управляющему...

— Я понимаю, ваше величество, — заверил барон. — Я и сам принимаю схожие меры на время отсутствия, мне часто приходится отлучаться сюда. Правда, мое хозяйство гораздо скромнее вашего, но принцип, смею думать, тот же...

— Вот именно, — кивнул Сварог. — Да вдобавок двое из моих спутников — тоже коронованные особы, им следует обеспечить свои указания... Словом, если отсрочка на сутки ничему не мешает и вас полностью устраивает, самое время поговорить о деталях?

...Когда дверь кабинета бесшумно затворилась за бароном, Сварог коснулся правого уголка стола, повернулся к закатной стене кабинета. Моментально растаяли gobelены с охотничьими сценами, двумя высокими фарфоровыми вазами в искусной сине-серой росписи, настенные светильники в виде синих шаров — точнее, все это обнаружилось уардах в пяти подалье. А в пространстве меж настоящей стеной и ее иллюзией у изящного столика сидели Яна со старухой Грельфи. Яна, сразу видно, ни к чему на столике не притрагивалась — а вот старая колдунья успела прикончить стакан «Драконьей крови». Она

фыркнула, перехватив многозначительный взгляд Сварога на малость опустевшую бутылку:

— Не беспокойся, твое величество, ум никогда не пропью, особенно когда дела серьезные...

— Да я и не беспокоюсь, — искренне сказал Сварог. — Я и себе, пожалуй что, налью стаканчик в честь благополучного завершения переговоров... — он подошел, сел в свободное кресло, взял синюю пузатую бутылку с пестрой этикеткой и выпуклым силуэтом дракона. — Ну вот, мои милые дамы, вы были свидетельницами... Ваши компетентные замечания? Вита?

— Древнего Ветра он не чувствует совершенно, — легонько пожала плечами Яна. — И доверяет тебе... в разумных пределах. Вот и все, пожалуй... А души у него и правда нет. Пустота...

— Кто бы сомневался... — проворчала Грельфи. — Нет у них души, я еще когда говорила... Значит, и магии ни капельки нет. Для магии необходима душа, для светлой — светлая, для черной, соответственно, черная. Конечно, нет твердого деления на черное и белое, случаются разные там пересечения-переплетения, отступления от канонов и прочие мелочи. Вот только основа незыблемая: для магии необходима душа. Этот, сами знаете кто, тоже ведь кое-какие умения отдает исключительно в обмен на душу. А значит, Токереты ему совершенно без надобности, как купцу в лавке — нищebroды с пустым кошельком... Так что у тебя там будет одной опасностью меньше — и то хлеб...

— Действительно, — серьезно сказал Сварог. — Ну что же, вроде бы все обговорено, Странная Компания уже съехалась... Вита, по-моему, ты явно нетерпеливо ерзаешь...

Она улыбнулась чуть смущенно:

— Так и тянет пойти в ту комнату. Суток еще не прошло, но половина их все же минула, у Элкона наверняка есть что-то новое...

— Ну, ступай, — усмехнулся Сварог. — У тебя все равно нет никаких дел, счастливица ты этакая. Да, пароль сегодня — «Боярышник».

Она обрадованно вскочила, простучала позолоченными каблучками к выходу. Вот и отлично, подумал Сварог. Пусть торчит там, сколько ее душеньке заблагорассудится, лишь бы не сидела в уголке с этим своим трагическим взором, исполненным беспокойства: с одной стороны — приятно, что о тебе беспокоятся, что есть кому, с другой — все же напрягает, как ни пытается она свои чувства скрыть, не всегда и получается...

— Вот кстати, — сказал Сварог. — Что вы об этом окне думаете?

Часа два там провели, многое осмотрели...

— А ничего не думаю, — чуть уныло призналась Грельфи. — Потому что сказать нечего. Я этого окна не понимаю, и все тут. Никогда раньше ни с чем подобным не сталкивалась, слухом не слыхивала. Яна ведь тоже не понимает, что оно такое?

— Не понимает, — признался Сварог.

— Вот видишь. Даже с Древним Ветром не понимает, куда уж мне, убогой, в сто раз ее послабже... Магии там, точно, нет ни капелюшечки, а больше ничего и сказать не могу...

— Ладно, это, в конце концов, не так уж важно, — сказал Сварог. — Меня гораздо больше интересует кое-что другое. Позарез нужно одно заклинание. Токеранг — часть Хелльстада, а значит, и там магия ларов, обращенная вовне, действовать не будет. Хелльстадская, конечно, срabотает, я проверял — но в хелльстадском наследстве того, что мне нужно, нет... Заклинание, понятно, должно быть из прошлого, из тех времен, когда апейрона не было...

Выслушав Сварога, старуха особенно не раздумывала. Преспокойно кивнула:

— Я-то думала, нужно чего посложнее, а ты, твое величество, описываешь чистой воды «столбняк». Оно вообще-то редко теперь попадается, из полузабытых, но вот к особенным искусствам его никак не отнесешь. Мигом тебе его напишу, вызубрить легко. Вот только сразу должна тебя предупредить... С давних пор г о в о р я т, что оно старое, доштормовое. Но пару раз случалось, и

что по поводу других ошибались, хотя говорили то же самое. Правда, ошибались далеко не всегда... В общем, я тебя честно предупреждаю заранее, чтобы чего не вышло: полной уверенности, что оно доштормовое, у меня нет. Ты это учитывай.

— Учту, — нетерпеливо сказал Сварог. — Вот бумага и стилос, пишите, в случае чего вины на вас нет...

...К его приходу все, конечно, успели пропустить по паре стаканов, но делу это не помешает — не те у него подобрались сподвижники, чтобы от пары стаканов поплыть умом и сообразительностью...

Он занял место во главе стола с таким видом, чтобы всем сразу стало ясно: никаких шумных приветственных воплей и тем более прочувствованных объятий. И они поняли, вмиг: Бони, совсем было собравшийся вылезти из-за стола с распростертыми объятиями, быстренько опустился на место, посерьезнел. Остальные тоже убрали широкие улыбки с лиц, смотрели выжидательно...

— Я чертовски рад вас всех видеть, — сказал Сварог. — На том и закончим лирику. Дело не терпит...

Он разглядывал старых сподвижников: нельзя сказать, чтобы изменились особенно, но все же за эти годы стали чуточку другими, во многих смыслах. Бархат и парча, тисненый шелк и кружева, ордена-медали, в том числе имперские, дворянские перстни с коронами (и две незримо присутствующих королевских короны), и Бони чуточку раздобрел, и Паколет больше не похож на худющего карманника с окраины, со впавшими щеками (даже усы не прежние кошачьи, а вполне пышные), и на остальных сказалась жизнь в благополучии и покое...

— Что за дело? — спросил Шедарис.

По-прежнему с капитанским шитьем на зеленом егерском мундире — Сварог давно уже не пытался повышать его в звании, Шег прекрасно помнил о пророчестве Лесной Девы, отбивался руками и ногами...

— Да ничего особенного, — сказал Сварог. — Дело где-то даже и житейское. Я через сутки отплываю в Токеранг, предварительно уменьшившись до их размера. Абсолют-

но все, посвященные в эту тайну, считают, будто я там буду вести сложные переговоры и добиваться результата, который устроил бы обе стороны. На самом деле я перед собой поставил совершенно другую задачу: расшибиться в лепешку, но постараться выжечь там все дотла. Чтобы ничего живого не осталось. Кое-какие наметки есть, хотя все пока что вилами на воде писано... Вот такое дело.

Он замолчал, потянулся к бутылке, присутствующие тоже молчали, не выказывая особых эмоций — только Леверлин чуть подался вперед, с отрешенно-хищным лицом: Сварог знал, что за картина стоит сейчас перед глазами у бывшего студента, а ныне полноправного мэтра Сословия Совы (правда, пока что не занимавшего никакой должности где бы то ни было)... Судя по этому лицу, на Леверлина можно было полагаться полностью, не говоря уж о Маре.

— Так-так-так... — протянул Бони, одним глотком прикончив стакан золотистого ратагайского. — Лопни мои глаза, командир, ты как-то неправильно себя держишь. Обсказал, в чем дело, и молчишь, как монах-кордианец. По уму, тебе бы надо тут же продолжить: мол, всем завтра собраться там-то и там-то. И уточнить: свое оружие с собой брать, или там нужное выдадут...

— А ведь действительно, командир, — тихо сказала Тетка Чари. — Как-то ты по-другому держишься, не так, как в старые времена... Ты что, нас не зовешь?

— Исключительно по желанию, — сказал Сварог, глядя в стол.

— Чего-о? — Бони взмыл, с грохотом отодвинув тяжелое кресло. — Это что за новости такие? «По желанию...» Уж прости на худом слове, но я тебе скажу, как король королю: зараза ты, командир! Ты, значит, туда, а мы, значит, здесь? Ну, ты отчебучил!

— В самом деле, неладно как-то все выходит... — негромко произнес Паколет.

Сварог, все так же глядя в стол, негромко сказал:

— Да понимаете ли... Время течет... и людей иногда меняет. Мало ли что, мало ли у кого может сейчас быть на

уме. Вдруг кто-то решил, что с него хватит прежних дел, а я никого неволить не хочу. Все вы теперь люди благополучные, жизнь устоявшаяся...

— Да чтоб тебя! — рявкнул Бони так, что Сварог невольно поднял голову и встретил его яростный, упрямый взгляд. — Ты что несешь, командир? Ну-ка, покажись, кто тут считает, будто его н е в о л я т? Неужто ж среди нас сыщется такая гнида?

И на кого бы Сварог ни смотрел, встречал тот самый яростный и упрямый взгляд.

— Сто раз прости, командир, но ты сейчас чушь споро... — сказал Шедарис.

— Чушее не бывает, — убежденно поддержала Тетка Чари.

Под их осуждающими взглядами Сварог даже слегка смутился.

И к сердцу прихлынула этакая теплая волна...

— Ну? — требовательно спросил Леверлин. — Куда приходите и с чем?

Сварог, не будучи юной гимназисткой, не мог умилиться — просто на душе было тепло. Эти взгляды, эти выражения лиц...

— Командир, — сказал Шедарис, — мы ж не романтические юнцы и девочки, чтобы приключений искать. Просто дело нужное, других у тебя и не бывает. И чтобы — без нас? Оскорбляешь...

— В жизни так не оскорблял, — добавил Паколет.

— Ну, извините, черти и чертовки, — сказал Сварог в некотором конфузе. — Просто лезут в голову всякие мысли... Вот и подумал еще, что отяжелели чуточку...

— Кто отяжелел? — возопил Бони, окончательно вылез из-за стола, распахнул роскошный бархатный камзол с золотым шитьем и одним рывком задрал рубашку из дорогонького тончайшего полотна с корремайскими кружевами. — Я, конечно, не прежний топочек, чего уж там, но вот ты сам скажи: похоже это на б р ю х о?

Сварог присмотрелся. Действительно, король Арира и прочая, и прочая никак не походил уже на прежнего под-

жарого крестьянского парня, животик наметился — но о брюхе и речь не шла.

— Похоже? — настойчиво повторил Бони.

— Ничуть, — сказал Сварог.

— Вот то-то. Считаю, каждое утро, сколько бы ни выпито накануне, трусцой пробегаю пяток лиг от замка и обратно. И поднимаю ту старую пушечку — помнишь, я тебе говорил? И с пулеметом, что ты тогда на день рождения подарил, занимаюсь регулярно.

Знал бы заранее, припер бы парочку досок, на которых я пулями и свой полный вензель выписываю, а он у меня заковыристый...

Тетка Чари хмыкнула:

— Знаешь, командир, и я, пусть не каждый день, но баляюсь и с тем, и с этим, чтобы старые навыки не терять. Про Шега я уж и не говорю — он на службе, так что сам понимаешь...

— А главное, до сих пор не генерал, — широко ухмыльнулся Шедарис. — Так что терять нечего.

— Короче, командир, — сказал Бони, небрежно записывая рубаху в штаны. — Ты извинился чин-чином, так что проехали и забыли. Все по-старому, верно я говорю?

Его поддержали одобрительными возгласами и энергичными кивками. Порядок, чуть ли не растроганно подумал Сварог. Скотина я все же, что вздумал в них усомниться, не те люди...

Обретя полную уверенность в былых сподвижниках, чуточку еще маясь легким стыдом, он поднял голову. На всех лицах читалась яростная готовность лезть в зубы к любому черту.

— Короче, командир, — повторил Бони. — Куда приходить, и во сколько?

— Да куда не надо приходить, — сказал Сварог, улыбаясь. — Уже пришли. Правда, через часок улетим в Хелльстад, так оно будет лучше всего — никому не станем мозолить глаза. Если уж все по-прежнему, слушайте боевой приказ: больше ни глоточка. Мне нужно, чтобы вы эти сутки до седьмого пота потренировались в стрельбе из

пистолетов и автоматов. «Рагнарок» стоит в Хелльстаде, и там неплохой арсенал. Я уже распорядился оборудовать в Велордеране стрельбище. Призовыми стрелками это вас, конечно, не сделает, но все же чуточку подучитесь...

— Так, — спокойно сказал Шедарис. — А мечи и прочий холодняк?

— Там ничего этого не понадобится, — сказал Сварог уже насквозь деловым тоном. — У них в ходу исключительно огнестрельное, холодняк, насколько мне известно, таскают только при парадной форме...

— Что, и ножей брать не надо? — уточнил Паколет. — Бони с пулеметом, а я по старой памяти все еще годаком* разминаюсь... И неплохо получается...

— Пожалуй что, возьми, — чуть подумав, сказал Сварог. — Вдруг да пригодится...

— Это что же, — фыркнул Бони. — Всех нас тоже в крохотулечек оборотят?

— Придется ненадолго, — без улыбки сказал Сварог. — Иначе будешь там слишком замечен. Не бойся, потом и ты сам, и то, чем ты особенно дорожишь, в прежний размер придет...

Смех грянул совершенно такой, как в прежние времена.

* Годак — боевое искусство, сочетающее рукопашный бой и владение ножом: бой на ножах, метание ножей, защита с ножом от вооруженного холодным или огнестрельным оружием противника.

Глава VIII

ОН УШЕЛ В ЛИХОЙ ПОХОД...

Спиртного на столе не имелось ни капли — только всевозможные соки, морсы и наливки без капли алкоголя. Сварог прекрасно знал, что его воинству пара стаканов вина или солидная доза келимаса перед самым серьезным делом — что слону дробина. Однако дело предстояло не из обычных, точнее, самое необычное из прежде бывавших, и потому он объявил пока что полную трезвость. Как будто это могло хоть чем-то помочь, если на них навалятся где-нибудь в тесных отсеках или узких переходах субмарины. Ну ладно, ладно, навалятся, все за то, что никто внизу в его смерти не заинтересован, наоборот — но легкая, зудящая тревога не отпускала. Исключительно из-за необычности предстоящего дела.

Зато его воинство, нетрудно заметить, прямо-таки горело энтузиазмом и боевым задором — для всех это означало возвращение к старым добрым временам, когда трещали пожарища, звенела сталь и мчались лошади, когда навстречу бросались то хваткие вояки с мечами наперевес, то жуткие чудища, когда жизнь была всерьез исполнена высокого смысла. Свинья, легонько выругал себя Сварог. Посмел в ком-то из них чуточку усомниться...

Еще при посадке в виману легко можно было заметить, что отобранная компания в чем-то, незаметном для

того, кто их плохо знал, переменилась: лица стали жестче и собраннее, движения более скупыми, — экономными, в походке появилась некая кошащая мягкость. Как в прежние времена. Мало кто видел их такими — и для изрядной части видевших это зрелище оказалось последним, что им довелось в жизни. Казалось даже, что пропала полнота щек и наметившиеся животики. Сварог и сам в чем-то чувствовал себя прежним, с одним-единственным отличием: они, счастливы, лишь исправно выполняли приказы, а он всегда оставался командиром, у которого голова обязана денно и ночно болеть за все и за всех... Поскольку делать пока что нечего, вимана безмятежно летела к границе Хелльстада, он еще раз глянул на соратников, поголовно, как и он сам, одетых в форму подводников Токеранга (барон в последний свой визит оставил ее подробные рисунки, заверив, что то будет наилучшая маскировка: подводники там, подобно авиаторам на Таларе, составляют замкнутую касту, задирают носы независимо от происхождения, словно и не видя окружающих — а сами окружены почтительным уважением, никто не станет не то что навязывать свое общество, но уклонится от малейших попыток пообщаться).

Интересно, что барон, никаких сомнений, прямо-таки автоматически соблюдал некую субординацию даже в маскировке: форма у всех одного образца, из одного материала, но вот разница в знаках различия выражена четко. Каждый мундир украшен на груди шитьем от погон до пояса, но у Мары и Тетки Чари узоры черные, у Паколета, Леверлина и Шега — серебряные, у Сварога и Бони — золотые. У женщин черные погоны «лысые», как говаривали в покинутом Сварогом мире — ни лычки, ничего. У трех «среброшитых» погоны из серебряной канители, каждый с двумя черными семиконечными звездочками, расположенными в точности как советские лейтенантские, только без просвета. Кроме того, погоны у плеч, вокруг звездочек украшены неким подобием бахромчатых эполет.

У Сварога и Бони погоны шиты золотом, у Сварога — две черных девятиконечных звездочки «лейтенантского»

расположения, у Бони — одна. И эполеты у обоих погуще, бахрома подлиннее, вита не в два жгута, а в три. То же и с лампасами: на форменных брюках женщин их нет вовсе, у троицы — узенькие серебряные, у двои «золотопогонников» — столь же тоненькие золотые. Полное впечатление, что барон, обдумывая маскировку, учитывал положение, которое каждый из гостей занимал наверху. Сварог среди них — как бы самый старший, Бони, хоть и гораздо ниже рангом, но тоже король, и потому ему полагается золото (но на одну звездочку меньше). Остальные — обычные дворяне, пусть титулованные, им достаточно серебра. Вот только в одном концы с концами не сходятся. Мара — тоже коронованная особа, причем по таларской табели о рангах помещается выше Бони, рассуждая согласно предполагаемой логике барона, ей тоже положено золото. Да и Тетка Чари — титулованная дворянка, ей бы следовало серебро. Что-то тут не складывается... Казалось бы, мелочь, над которой не следует ломать голову, но, когда ничегошеньки не знаешь о внутреннем укладе жизни Токеранга, любая мелочь важна и стоит того, чтобы над ней всерьез задуматься — особенно когда касательно д е л а думать пока что не о чем...

Что же, некая дискриминация женщин? В обмундированные ряды их еще допускают, но не дают продвинуться выше (прикинем навскидку) сержантского состава? Пока что — самое убедительное объяснение, какое только идет на ум. Если так в самом деле и обстоит, барон, опять-таки автоматически, следовал въевшимся в кровь уставам и порядкам: будь вы на земле хоть королевой, красавица моя, у н а с вам офицерских отличий не полагается... Если так, они продвинулись даже дальше, чем на Таларе: там сухопутчики на женщин-офицеров косятся, но все же, скрепя сердце, допускают их существование. На военном флоте, правда, как раз и обогнали Токеранг: там женщин на службу не берут, они вообще на борт не допускаются ни в каком качестве, даже королевы получили право посещать военные корабли буквально в самые последние годы, незадолго до появления Сварога... Допустим, своего рода

дискриминация. Можно ли ее использовать в своих целях, когда и как? Вопрос отнюдь не праздный: на месте Сварога как раз необходимо выискивать у противника любую слабину, шероховатость, трения меж теми или иными категориями Токеретов — вдруг пригодится? Пусть даже ему необходимо ровно столько времени, чтобы добраться до той самой, за неимением лучшего выбранной в качестве орудия возмездия ядерной боеголовки. И никак иначе. Во-первых, неизвестно еще, сколько времени уйдет на то, чтобы овладеть боеголовкой, во-вторых, помянутые шероховатости и трения могут и облегчить этот путь...

Распахнулась дверь, вошел Брагерт и выжидательно остановился:

— Все готово, командир.

Сварог встал первым. Невольно улыбнулся: у Брагерта было лицо мальчишки, перед которым наглухо заперта дверь богатейшего игрушечного или кондитерского магазина. Ну что ж, он хороший парень и зарекомендовал себя неплохо, но лучше уж ограничиться Странной Компанией, которую Сварог видел в деле.

Они перешли в соседнюю комнату. Сварог и без пояснений Брагерта понял, что означает алое кольцо в центре, над которым красовался на потолке блестящий параболоид. И первым направился туда. В углу возвышался невысокий, по пояс человеку, пульт, и возле него стоял не кто иной, как профессор Марлок — секретность высшей степени, конечно.

— Прошу в круг, дамы и господа, — сказал Марлок деловито, без тени волнения. — Становитесь в вольных позах, постарайтесь не шевелиться.

Рядом с ним, как и ожидалось, стоял небольшой серый ящичек с рядами иллюминаторов. Сварог едва сдержал улыбку: больше всего он походил на переноску для кошки, разве что овальная дверца обнаружилась сбоку, распахнутая настежь.

— Я надеюсь, все помнят инструкции? — осведомился Марлок педантичным тоном экзаменатора. — В таком случае, удачи, дамы и господа...

— Подите вы к черту, — проворчал Сварог традиционное.

— Внимание! Пуск!

Все вокруг с головокружительной быстротой ушло вверх, стало исполинским — пульт, два великана возле него. Все произошло так быстро и буднично, что Сварог не успел испытать никаких особенных чувств — да и на лицах остальных не отразилось особых эмоций. Стены комнаты, потолок с рефлектором оказались высоко-высоко, а алый круг оказался теперь невероятно широким, едва ли не с футбольное поле, великан в серой форме техниона обернулся к семерым, вмиг ставшим коротышками подстать Токеретам, поднял ладонь: все прошло благополучно, пора...

Сварог первым направился к серому ящичку, похожему теперь на небольшой домик. Легко оказался внутри — пол ящичка был почти вровень с полом комнаты, пришлось сделать один-единственный шаг. Внутри стояли в два ряда широкие мягкие кресла, наподобие самолетных точно так же снабженные ремнями с поблескивающими застежками. Подождав, когда все войдут и рассядутся, Сварог закрыл дверь, чуть слышно щелкнувшую замком при повороте ручки, сел в свободное кресло и застегнул на талии широкий мягкий ремень, огляделся, убедившись, что все пристегнулись. Нащупал под правым подлокотником широкую клавишу, нажал. Под потолком вспыхнула зеленая лампочка.

На миг появилось то самое ощущение, когда самолет отрывается от бетонки — это, конечно, Брагерт, осторожно взявшись за ручку, понес ящичек к выходу из виманы, стараясь держать его как можно бережнее. Все равно самую чуточку покачивало, но все здесь присутствующие немало налетали на виманах, и простых, и «самолетах», так что ничего нового испытывать не должны.

Сварог посмотрел в иллюминатор. Слева вздымались огромные раскидистые деревья — конечно же, прибрежные кусты, а за ними виднелась широкая спокойная гладь Итела. Брагерт пошел вдоль реки, остановился у прогали-

ны, и Сварог увидел пришвартованный к ровному берегу кораблик — крохотный, им под самую стать. Ящичек мягко опустился на землю.

— Ну вот, дамы и господа, прибыли... — сказал Сварог, первым отстегивая ремень. — Началась игра...

Кораблик, одномачтовый, остроносый, выглядевший словно вчера смастеренным на верфи из темно-желтых досок, вооружения, конечно, не нес — к чему? Этакая уютная яхточка для плавания по спокойной реке. Они перешли на борт по короткому мостику с перилами из канатов, и Сварог, обернувшись к Тетке Чари, сказал:

— Командуйте. Адмирал из меня сами знаете! Никакой...

Тетка Чари подтянулась, в голосе у нее прорезались явные командные нотки:

— Паколет, поднять трап! Шег, к кабестану! Леверлин, Бони, к парусу!

Сама она проворно поднялась на крохотный капитанский мостик, вправо-влево крутанула штурвал, примериваясь, обернулась к Сварогу:

— Идите сюда, вы хоть и не адмирал, но как-никак командир... По местам стоять, с якоря сниматься. Леверлин... ах ты ж, в дохлого осьминога! Чтобы было понятнее, тяни вон ту веревку, с красной кистью, а ты, Бони, с зеленой. Прости, Руагату, за эти «веревки», но что ж тут делать... По местам стоять, с якоря сниматься!

Шедарис, навалившись на горизонтальный рычаг кабестана, закрутил его без особых усилий. Вскоре под самым окованным медью клюзом повис трехлапый якорь. Легкий ветерок дул навстречу, и Тетка Чари тут же принялась командовать:

— Гик левее, сухопутная команда, да не ту веревку, а вот ту,крепи за кнехт, горе луковое! Послал бог командочку, хорошо еще, плыть недолго... Вот так крепи!

Она чуть переложила штурвал влево, и безмянный кораблик довольно ходко двинулся против течения, вдоль берега Итела. Пока еще по о б ы ч н о й реке, вдоль обычных берегов. Сварог старательно смотрел вправо, высматривая

границу Хелльстада. Тетка Чари временами отпускала ядренные морские ругательства, но сразу видно, порядка ради — двое у мачты управлялись, в общем, неплохо после недолгой тренировки. Сосны, тисы, из обрыва там и сям торчат желтоватые, почти касавшиеся воды корни...

Ага! Над головой упиралась прямо в обрыв заросшая травой канава, широкая, но неглубокая, оплывшая за тысячелетия. По эту сторону, как и во многих других местах, торчал покосившийся плоский каменный обелиск с полустершимися остатками то ли надписи, то ли магического рисунка-оберега — древнее пограничное укрепление, некогда возведенное по всем правилам неким давно-давно забытым королем.

Как обычно, тени от росших по обе стороны рва могучих сосен протянулись навстречу друг другу. Как обычно, Сварог ощутил неопишемое словами дыхание Хелльстада — его королевства. И все, чем он владел, как здешний король, все умение словно бы пронизало его насквозь, как дикий ветер.

Как они и договаривались с бароном, кораблику не было нужды забираться в Хелльстад слишком далеко. Уже через пару минут он увидел справа, впереди, лениво колыхавшийся на спокойной воде треугольный клетчатый вымпел, сине-красный, надежно прикрепленный к вбитым в скальный откос крючьям — что ж, барон исправно выполнил свою часть работы. Тетка Чари без его ценных указаний — сама знала, что это означает — командовала:

— Отдать якорь! Парус спустить!

«Палубная команда» справилась, в общем, неплохо. Кораблик встал на якорь, едва не касаясь форштевнем вымпела.

— Ну все, ребята, — сказал Сварог. — Пересадка...

Знакомое чувство: когда ничего нельзя изменить, и отступать ни в коем случае нельзя, и от тебя самого уже ровным счетом ничего не зависит...

Он смотрел влево, на быстрину, но перископ показался совсем не там, где он ожидал, — гораздо левее. Отсве-

чивающая фиолетовым линза, влажная труба, поднимающаяся на высоту человеческого роста — их теперешнего человеческого роста. Потом над водой медленно поднялась овальная рубка (там уже втянули перископ), с нее стекали струйки воды, а там и часть корпуса появилась на поверхности. Распахнулась боковая дверь, матрос с черными узорами на груди синего мундира, в черной плоской шапочке проворно сбросил трап с деревянными ступенями. Следом вышел барон Логе, встал в кормовой части рубки, у выдвинувшихся металлических перил. Их разделяло уардов пятнадцать. Короткая команда барона — и матросы проворно стали сбрасывать в воду какие-то серые комки, моментально развернувшиеся в надувные лодки, по двое сели за весла и умело погребли к кораблику.

И ничего нельзя изменить... Сварог распорядился:

— Трап за борт!

Секунду поколебавшись, он пришел к выводу, что здесь наверняка нужно соблюдать ту же самую субординацию: и первым спустился по трапу лицом вперед, следом далеко не с таким флотским шиком сошел Бони, и лодка пошла к субмарине, едва они присели на жесткие скамейки. Оглянулся: ага, «серебряные» без команды спускаются во вторую лодку.

На влажный борт субмарины он взобрался первым. Барон шагнул вперед, протягивая руку, и Сварог без колебаний обменялся с ним рукопожатием. Он заметил на плечах барона те же погоны, что у него самого, и на миг задумался, что же это должно означать: то ли барон действительно в таком звании, правда, на флотский лад, то ли специально выбрал этикие погоны, чтобы, так сказать, подчеркнуть равенство высоких договаривающихся сторон. Все за то, что он скорее разведчик, чем моряк... а впрочем, одно другому не мешает, не известно пока, как у них тут все устроено...

За их спинами захлопнулась дверца рубки. Барон, как подобает радушному хозяину, шел на полшага впереди, указывая дорогу легким движением руки. Они спустились

по неширокой лестнице с металлическими дырчатыми ступенями, повернули направо, прошли по невысокому переходу с овальным потолком — по стенам тянулись, в одиночку и пучками, какие-то трубы, кабели, под толком горели лампы в решетчатых колпаках. Ни один человек не попался навстречу, перевозившие их матросы куда-то исчезли... Наконец барон распахнул дверь каюты, украшенной каким-то непонятным символом, и они вошли. Каюта оказалась достаточно просторной, ни единой койки, только овальный стол посередине с дюжиной стульев вокруг. На нем лежал низкий кожаный чемодан, барон тут же открыл его и принялся раздавать перевязи с кортиками, пояснив:

— Моряк без кортика привлекает ненужное внимание — даже учитывая особое назначение нашей субмарины. Когда причалим, вы ничем не должны отличаться от прочих...

Логично, подумал Сварог, застегивая пояс. Субординация, судя по всему, соблюдалась и здесь: женщинам достались кортики в простых никелированных ножнах, трем «серебряным» — кортики с серебрением, Сварогу и Бони — золоченые, такие же, как тот, что висел на поясе у барона.

Подождав, пока все закончат, барон указал им на кресла и повернулся к Сварогу:

— Не будете ли вы так любезны побеседовать со мной наедине?

Ну, вот как тут откажешь? Сварог кивнул:

— Как вам будет угодно, барон...

На этот раз путь оказался гораздо короче: миновав две двери с теми же непонятными символами, барон распахнул третью, пропуская Сварога вперед. Вот это, сразу видно, была офицерская каюта: стены отделаны каким-то деревом, койка из того же дерева, заправленная безукоризнейшим образом — наверняка ординарец старается — резной шкафчик в углу, на стенах — две картины: какой-то красивый замок без крепостной стены, развесистый дуб на широкой поляне.

Над койкой — опять-таки написанный вручную портрет молодой красавицы, черноволосой, синеглазой, в открытом розовом платье, ожерелье из крупных рубинов, такие же серьги. Столик в углу, два довольно комфортных стула. На нем — поднос, уставленный бутылками и блюдечками с чем-то непривычным на вид.

— Прошу вас, — сказал барон, выждав, пока усядется Сварог. — Я подумал, что с т а р ш и м следует сразу же поговорить наедине. Не беспокойтесь о ваших людях, им уже подали угощение, — он взялся за высокую прозрачную бутылку с чем-то золотистым. — Немного вина? У нас хорошие виноградники.

Сварог принял от него высокий хрустальный бокал без малейшего промедления. Судя по первым пробам — естественно, незаметным для окружающих — хелльстадская магия исправно работала и здесь. Не было в вине ни яда, ни снотворного. Конечно, самое время вспомнить про «вредный вред» и «безвредный вред» — но стоило ли огород городить, в первую же минуту подсыпать в бокал некую гадость, выламывавшуюся из обычных магических законов? Сто раз могли бы убить, если бы хотели, не стоит пуганой вороной шараться от каждого куста...

— У вас наверняка уже возникли какие-то вопросы? — вежливо осведомился барон, отпив из своего бокала половину.

— Да, пожалуй, — сказал Сварог, отхлебнув примерно столько же. Вино и в самом деле оказалось отличное. — Из чистого любопытства... Та форма, в которую нас нарядили... Женщинам почему-то достались погоны без знаков различия и черное житье, как я подметил, свойственное скорее солдатам... Это что-то означает?

— Сложившийся у нас старинный уклад! — тонко усмехнулся барон. — Я знаю, что одна из них королева, но вековые традиции... Видите ли, женщины у нас находятся в несколько... подчиненном положении. Кое-какие традиции давно перестали соблюдаться, но не исчезли окончательно. Сегодня женщин можно встретить и в научных

лабораториях, и в промышленности, даже, как видите, в вооруженных силах... Вот только выше рядовых им никогда не подняться. Пусть даже они и занимают... относительно высокие посты. Я заботился в первую очередь о строжайшей конспирации. Появись кто-то из ваших дам в офицерских каютах, это вызвало бы такой же шок, как если бы мы с вами разгуливали в женских юбках. Кстати, по той же причине я не стал надевать на вас мундир гран-адмирала, который вы безусловно заслуживаете по своему положению наверху. Адмиралов, как вы понимаете, очень и очень мало, вы привлекли бы ненужное внимание моряков... Кстати, и мои погоны — он с легкой улыбкой коснулся пальцем плеча — на три ступени ниже, чем мне положены в реальности, — он сказал едва ли не доверительно: — Беда том, что не только у нас есть соглядатаи. Некоторые, взять хотя бы короля и его старшего сына, ведут свою игру.

— Без особой надежды на успех, я полагаю? — спросил Сварог.

— Без малейшей, — ответил барон быстро. — Но тем не менее с присутствием соглядатаев нужно считаться...

— Понятно, — сказал Сварог.

Ну вот, находит подтверждение то, о чем он уже думал согласно кое-каким косвенным данным: противоборствующие силы здесь безусловно есть. Вот только как их найти, и окажутся ли они полезны? Уж если дэнго долгими столетиями остаются у власти...

Он спросил небрежно:

— Я надеюсь, о нашем... визите не пронюхал никто из тех, кому не следует?

— Можете быть в этом совершенно уверены, — серьезно сказал барон. — Мы приняли все мыслимые меры предосторожности. Из посторонних я позволил себе уведомить одного-единственного человека — принца Каугена, младшего сына короля. Помните, я вам о нем рассказывал?

— Конечно, — сказал Сварог. — Тот, на которого вы... то есть дэнго, сделали ставку.

— Он самый. Уж он-то ни за что не проговорится. Потому что мы дали ему понять, на кого делаем ставку. И его это как нельзя более устраивает. Обычным путем, — улыбка барона была то ли дипломатической, то ли змеиной, — ему пришлось бы дожидаться трона долгие годы. Король в полном расцвете сил, старший принц молод и крепок, как был... Собственно, при о б ы ч н ы х условиях вообще нет гарантии, что он когда-либо получит престол. Но так сложилось, что именно он нас полностью устраивает...

— И когда же я смогу встретиться с дэнго?

— Завтра, — сказал барон, как о чем-то заранее решенном. — Нужно же, согласитесь, проявить в первую очередь традиции гостеприимства. Люди вроде нас с вами никогда не бросаются за стол переговоров, едва смыв с себя дорожную пыль, это, в конце концов, против этикета... К тому же вы, быть может, захотите после завтрака осмотреть столицу? А то и кусочек страны? Вряд ли мы вам так уж неинтересны...

— Наоборот, — сказал Сварог. — А не будет ли большой дерзостью с моей стороны отпустить кое-кого из моих людей осмотреть то, что именно их интересует? Граф Леверлин, скажем, книжник и поэт, ему очень интересно было бы осмотреть ваши библиотеки. Разумеется, те, что не касаются ваших секретов — я вовсе не намерен в них проникать. Король Арира очень заинтересовался вашим сельским хозяйством. И наконец, дамы... — он многозначительно улыбнулся собеседнику, — какими бы дельными и толковыми помощницами они ни были, это в первую очередь дамы...

— Я понимаю, — кивнул барон. — Новые, неизвестные моды, украшения...

— Да, в первую очередь, — Сварог чуть пожал плечами, словно сокрушался: «Ох уж эти дамы...»

— Ну, разумеется, все это будет совсем несложно устроить, — кивнул барон. — Может быть, у вас будут какие-то особые пожелания. — Он смотрел ясным взглядом сутенера, готового предложить какой угодно товар.

— Там будет видно, — сказал Сварог ему в тон.

— Отлично. Я постараюсь что-нибудь придумать, — барон убрал с лица фривольную улыбку. — А сейчас я хотел бы, не откладывая, поговорить о к р а й н е серьезных вещах, с принцем Каугеном вы встретитесь нынче же вечером — малый прием в узком кругу... а вот что касается дэнго... Я играю с вами предельно честно, лорд Сварог. Есть вещи, о которых вы просто обязаны знать — и с учетом этой информации строить стратегию. Дело в том, — он вздохнул, — дело в том, что среди дэнго, как это ни прискорбно, нет единства. Четверо, в том числе и я, решительно стоят за выход на поверхность. Двое колеблются, но их с огромной долей вероятности удастся перетянуть на свою сторону. Есть обстоятельства... и предложения, от которых невозможно отказаться. А вот остальные двое... С ними хуже всего. Старичье, — сказал он с ненаигранной, кажется, злобой. — Оплот консерватизма. Стойкое следование вековым традициям и все такое прочее. Они попросту боятся таких новшеств. Им и здесь уютно.

— А решение обязательно должны принимать все восемь единогласно? — спросил Сварог.

— В том-то и беда, — задумчиво ответил барон. — В том-то и беда. Традиции... Повторяю, я играю честно и потому просто обязан вас предупредить о такой расстановке сил.

— Значит, моя миссия может и сорваться? — спросил Сварог, подпустив в голос тревоги.

— Я сделаю все, чтобы этого не допустить, — глядя ему в глаза, сказал барон. — И мой род, и другие слишком много вложили в эту идею, в это предприятие, чтобы однажды взять и отступить перед упрямством двух старых консерваторов, поэтому есть кое-какие наработки на этот счет. Мы о них непременно поговорим потом... после того, как вы сами с ними встретитесь и составите о них некоторое представление. Пока скажу одно: шансы на успех очень велики. Очень... Лишь бы мы с вами играли, как одна команда...

— Нужно постараться, — сказал Сварог. — Значит, среди дэнго нет главного?

— Вот именно. Силу имеет только единогласное решение. Когда-то эта система себя вполне оправдывала — пока мы не собрались выйти наверх. Теперь она служит скорее тормозом. Самое занятное, что консерваторы из дэнго в чем-то смыкаются с королем. Он тоже категорически против ухода наверх — потому что ему и здесь уютно.

Сварог небрежно спросил:

— А не означает ли это, что часть консерваторов и король могут выработать какие-то совместные действия?

— Вряд ли, — после короткого раздумья ответил барон. — Некоторые установления чересчур уж незыблемы. Дэнго контролируют короля, но никогда не смогут с ним объединиться, это было бы просто противоестественно. Против вековых традиций...

— Итак, главного нет... — задумчиво сказал Сварог. — Но должен же быть кто-то наиболее авторитетный, к чьему мнению прислушиваются больше, чем к другим?

— Безусловно, — кивнул барон. — В нашем случае — это герцог Витредж... вот только он, к сожалению, из «колеблющихся». А если учесть, что у него сильные позиции в армии... Правда, он не из «противников», а это уже лучше.

— Вот вам и мотив для убеждения, — сказал Сварог. — Что престижнее: контролировать армию Токеранга или армию новой, гораздо более большой и могучей страны?

Барон рассмеялся:

— Иногда кажется, что вы читаете мои мысли... Я собирался попробовать именно этот мотив в качестве главного... хотя есть и другие.

При всех своих отличиях от в е р х н и х, честолюбия они не лишены, подумал Сварог. А это хорошо. Это просто прекрасно. Честолюбие — один из самых надежных крючков, на которые ловят человека...

— Это чисто предварительный разговор, — сказал барон. — Перед визитом к дэнго я постараюсь снабдить вас еще кое-какой информацией — о расстановке сил, о некоторых тонкостях.

Интересно, подумал Сварог, а т о б о й что движет? Вот лично тобой? Судя по косвенным данным, барон если и не

руководит внешней разведкой, то уж, безусловно, персона в ней немаловажная. Хочет сесть на место начальника? Получить больше влияния на будущего короля-марионетку, чем остальные? Черт, ведь не спросишь же прямо... Одно ясно уже теперь: к некоторым своим собратьям по этому их тайному совету барон относится без всякого почтения, очень уж неподдельная злость читалась на его лице, когда он упомянуло о «замшелых консерваторах». Ну, понятно — извечный конфликт поколений. Вот только как его обратить себе на пользу?

— Теперь позвольте мне задать вопрос, который вам может показаться нескромным, — сказал барон. — Мы оба прекрасно понимаем, что не можем полностью и всецело доверять друг другу — большая политика не терпит сантиментов. Как я себя обезопасил оба раза во время визитов к герцогине Браг и к вам, вы уже знаете. Интересно, а как обезопасили себя вы? Я и мысли не допускаю, что вы об этом не подумали. Мы прилежно собрали информацию о вас, насколько удалось, и просто обязаны были придумать какие-то меры безопасности... Или вы не хотите отвечать?

— Ну, отчего же, — сказал Сварог, улыбаясь ясно, светло, задумчиво (еще одна из арсенала освоенных им королевских улыбок). ² Меры тщательно разработаны. На тех, наверно, — он неопределенно показал на потолок, — я полагаться не могу. То, что я делаю, здесь и там очень многим не понравилось бы... Вы ведь, наверное, догадываетесь, что я сейчас представляю не императрицу, а исключительно свою собственную персону?

— Догадываюсь, — усмехнулся барон. — Не зря с вами нет ни одного человека с в е р х у? — только обитатели Земли, преданные лично вам. В таком случае позвольте задать вовсе уж нескромный вопрос: не намереваетесь ли вы в дополнение ко всем прежним успехам занять трон Империи?

Сварог улыбнулся еще шире и душевнее:

— Вы полагаете такое намерение чем-то предосудительным?

— О, что вы... — тонко улыбнулся барон. — Я бы сказал, вполне понятное решение. Умный и волевой человек не склонен довольствоваться с к р о м н ы м и успехами, если увидит шанс получить значительно больше... Среди нас кое-кто высказывал такую точку зрения уже давно — и никто не увидел в том ничего предосудительного. Наоборот, это лишь укрепляет к вам доверие. Позволяет лучше понять, з а ч е м мы вам. И верить, что мы еще долго будем вам нужны. В качестве противовеса... известным силам. Так что же? Вы так и не расскажете, ч т о придумали, чтобы обезопасить себя?

— Ну отчего же, — сказал Сварог, лучезарно улыбаясь. — Я разработал подробную диспозицию и отдал точные приказы. Если я не вернусь через пять дней, сюда ворвется армия Хелльстада, — он небрежно добавил. — ... Мы давно уже обнаружили ваш туннель. И тогда... Тогда Токеранг просто перестанет существовать. Между прочим, я не сделаю то, о чем говорю... Это лишнее доказательство того, что я не питаю к вам никакой вражды. В противном случае здесь все давно уже пылало бы от горизонта до горизонта. Точно так же и вы имели массу возможностей убить меня там, наверху, не заманивая в гости. Надеюсь, я вас не настроил против себя такими откровениями? Поверьте, я в состоянии сделать то, о чем говорю...

— Ну что вы, лорд Сварог, — сказал барон. — Какая тут может быть враждебность или обиды? Вполне разумные меры предосторожности... Значит, Фаларен был не так прост, как считали некоторые... оптимисты (по его лицу вновь промелькнула тень неприязни, даже злости). А я ведь собрал кое-какую информацию, позволяющую судить, что армия в Хелльстаде есть, и серьезная...

Он не врал, определил Сварог. И ухмыльнулся про себя: похоже, у парня давняя и серьезная нелюбовь с теми самыми замшелыми консерваторами — история старая, как мир, ничего нового или удивительного. И надо как-то постараться сыграть именно на э т о м...

Он спросил небрежно:

— Я полагаю, пяти дней нам хватит, чтобы решить все дела?

— Безусловно, — ответил барон.

Ответил моментально, практически не раздумывая, ничего не прикидывая про себя. То ли он так уверен в себе, то ли действуют некие потаенные, неизвестные Сварогу механизмы. Черт, до чего же мало информации об этой шайке... Хелльстадская магия здесь действует отлично, нетрудно было бы подсмотреть и подслушать разговор этого типа с ближайшими сообщниками, но для этого надо знать точное место, где они собираются. У него должна быть группа особо доверенных лиц, без этого в столь серьезных играх просто невозможно. Но где? Не обшаривать же всю Клорену мысленным взором, дом за домом, комнату за комнатой? Нереально... А вот о б ш а р и т ь Заречье, тот район, где у них наверняка и складированы ядерные боеголовки, — задача гораздо более реальная... Порядок хранения, система охраны...

— И наконец, Король... — сказал Сварог. — Он не в состоянии нам помешать? Или хотя бы узнать о моем прибытии?

— Вот э т а сторона дела вас не должна волновать совершенно, — сказал барон, наполняя бокалы. — Конечно, еще не все его соглядатаи нами выявлены, но после истории с ракетой мы утроили бдительность, — его губы покривились в злой улыбке. — В конце концов, время работает на нас...

Уж не пристукнуть ли они собрались своего венценосца? — подумал Сварог. А заодно и его старшего сыночка, немало крови из них выпившего? Ну, даже если и так, кого это волнует? Плевать, что будет с человеком, взявшим привычку посылать с т о л ь экстравагантные свадебные подарки...

— Пойдемте? — предложил барон, глянув на часы. — Мы уже через несколько минут войдем в гавань.

Сподвижники Сварога, узрев его живым и невредимым, явно вздохнули про себя с затаенным облегчением.

Впрочем, за время его отсутствия напитки и закуски они не обошли вниманием.

И снова в сопровождении предупредительно державшегося на полшага впереди барона они зашагали по узким переходам, дырчатым лестницам, поднимаясь все выше и выше. Ага, вот и рубка. На пирс перекинут широкий основательный трап. А вокруг...

Нужно признать, окружающее впечатляло. В огромном длинном зале с ярко светившими на сводчатом потолке гроздьями ламп, бульбообразными носами к пирсу, борт к борту пришвартованы подводные лодки, на первый взгляд — не менее трех десятков, причем кое-где «стойла» пустуют. Сволочи, конечно, но трудолюбивые — сколько труда во все это угрохано... повсюду — деловитая суeta автопогрузчиков со штабелями ящиков, грузовиков, въезжавших в двери многочисленных складов, выстроенных вдоль всей исполинской пещеры.

Они стояли небольшой кучкой у трапа, никто не обращал на них ни малейшего внимания — каждый занят своим делом. Наконец подъехал, остановился прямо напротив трапа большой автобус, казавшийся сплошным слитком черного металла — не видно ни салона, ни водителя в кабине.

— Прошу, дамы и господа, — гостеприимным жестом показал барон на дверь.

Сварог поднялся первым. Ага, вот какие стеклышки они у себя тут завели... Угольно-черные снаружи стены автобуса изнутри совершенно прозрачны. Вошедший последним барон нажал кнопку, закрыв дверь, сказал весело:

— Прошу вас пересесть на левую сторону, сможете любоваться незаурядным зрелищем...

В автобусе насчитывалось не менее десятка рядов мягких кресел, по два с каждой стороны, так что слева разместились вполне комфортно. Правда, пока что зрелище представляло вполне заурядное: длинный ряд субмарин (кое-где отсеки пустуют), суeta грузовиков, погрузчиков, небольших самоходных кранов, моряков. Стоит отметить, что ни разу не видно было, чтобы какую-нибудь подлодку

разгружали — везде только погрузка. Ну, явно наверх идет непрерывный поток грузов — и вряд ли они мирные. Элементарная логика — в преддверии перехода наверх сначала перебросить все, связанное с оружием и какой-нибудь шпионской аппаратурой, а уж потом заняться мирным багажом... Слева — пока что ничего любопытного. А вот справа...

Автобус ехал довольно медленно — очень уж много разнообразной техники тут суеилось, приходилось то объезжать, то уступать дорогу. Так что Сварог, украдкой кося вправо, прекрасно все рассмотрел: в скале — высокие двустворчатые ворота, крашенные в бледно-голубой цвет, и на обеих створках примечательный знак: в аллом овале равнобедренный треугольник вершиной вниз, в вертикальную черно-белую полосу. Учтем. Похоже, версия подтверждается. Он до сих пор мало что знал о Токе-ранге, исключая географию и архитектуру. Но одно уже ясно: знак этот здесь обозначает радиацию. Им были отмечены и входы в реакторные отделения трофейных подлодок, и ядерные ракеты, в том числе и та, что прилетела в качестве свадебного подарка...

Высокий и широкий сводчатый туннель, отлично освещенный длинным двойным рядом молочно-белых светильников, больших полушарий. У въезда блокпост: по обе стороны бетонные гнезда с тяжелыми пулеметами и чем-то вроде легких орудий (все устроено так, чтобы защищаться от внешнего вторжения). Не менее десятка автоматчиков размеренно прохаживаются вдоль стен — и еще четверо с какими-то большими черными тубусами: гранатометы? огнеметы?

Уардов через пятьдесят — блокпост-близнец, а там и еще один.

Никто не попытался заступить дорогу, проверить документы, автобуса для охраны словно бы и не существовало. Ну, кто их знает, может, они особенное внимание уделяют въезжающим. Или есть приказ именно этот автобус пропускать беспрепятственно.

Движение левостороннее: как наверху, как было на Таларе до Шторма. Так... Туннель кончается. Последний

блокпост, самый крепкий: пушечные и пулеметные гнезда оборудованы в три этажа и усилены парой шестиколесных броневииков. Снова автобус пропустили беспрепятственно, а вот всякую въезжающую машину, будь то слоноподобный крытый грузовик или что-то вроде легкового вездехода, тормозят, водитель подает какую-то бляху на цепочке, и охрана тщательно ее изучает, прежде чем дать отмашку. Все, автобус под открытым небом. Сероватая хмарь, вечно затягивающая весь потолок громадной пещеры, почти над самой крышей машины. Ага... Слева — уже знакомый объект, прилежно заснятый Золотыми Шмелями: тщательно выровненная каменная площадка размерами примерно в пол-югера, то бишь половину квадратной лиги, вся покрыта большими белыми кругами с номером внутри, короткими широкими стрелами с какими-то символами, разноцветными зигзагами. В свое время, когда Сварог обсуждал с небольшим количеством доверенных лиц увиденное, пришли к выводу: это, с огромной долей вероятности, взлетно-посадочная площадка, но, судя по многим факторам, предназначенная исключительно для вертолетов. Логично. В условиях Токеранга нет смысла иметь грузовые самолеты, достаточно машин — а вот какие-то особо ценные грузы сподручнее доставить как раз вертолетами. У них тут чертовски много вертолетов: и вооруженных, с давно знакомой эмблемой крылатого меча, и несомненных грузовых. Интересно, что большие вертолетные ангары имеются в восьми самых крупных поместьях из восемнадцати. Еще в десяти тоже есть, но гораздо более скромные, на пару вертушек, не больше — а вот у «восьмерки», судя по размерам, могут вместить пару дюжин. Похоже, полеты на вертолетах — такая же привилегия местной знати, как наверху — балкон у дома. Восемь огромных ангаров в восьми самых крупных поместьях. Восемь членов дэнго. Совпадение или нет?

Автобус тронулся. Попутных машин что-то не наблюдалось, а вот навстречу шел чуть ли не поток. Ух ты!

Действительно, зрелище незаурядное. Слева — вид Токеранга с птичьего полета: кудрявые кукольные леса, то-

енькие ниточки дорог, обработанные поля, справа виднеется большой дворянский замок посреди маленького городка, а чуть левее, у горизонта, аккуратные ряды городских кварталов, в виде то квадратов, то трапеций. Судя по размерам, это именно Клорена, здешняя столица. Высота, конечно, не такая, чтобы охватить взглядом весь Токе-ранг, но все же вид открывается на десятки лиг. И все, что видишь, быстро вырастает в размерах, становится ближе: отлогий спуск, проложенный вдоль каменной стены пещеры, длиной лиг пять, автобус довольно быстро приближается к «плоскости». Все. Подъем кончился, внизу нечто вроде многолепестковой развилки, автобус поворачивает влево, развилка осталась позади, движемся, очень похоже, в сторону Клорены...

Ну да, впереди показались окраинные кварталы, только что виденные с высоты — но автобус на очередной развилке сворачивает влево, на двухрядку, протянувшуюся посреди негустого леса. Впереди торопливо взмывает вверх полосатый, желто-черный шлагбаум. Небольшой домик, несколько автоматчиков рядом, большая вывеска на двух опорах: «Запретная зона!» Автобус тем не менее пропустили в эту неизвестно что скрывающую зону, не останавливая, не требуя никаких благ. Примерно через лигу — еще один шлагбаум, столь же предупредительно взвившийся вверх. Та же вывеска. И рядом щит: «Стоять! Стреляют без предупреждения!»

Куда это их тащит чертов барон?

Словно прочитав его мысли, барон сказал:

— Мы решили, что не стоит поселять вас в Клорене. Здесь, в пригородной резиденции, будет удобнее со многих точек зрения...

Звучит убедительно, но кто его знает... Ладно, остается с философским фатализмом ждать дальнейшего развития событий, на каковые пока что нет возможности влиять...

Дорога плавно поворачивала вправо (лес чуточку погустел), упиралась в высокие ворота, уже раздвигавшиеся. С той стороны — будка у ворот, несколько автоматчиков опять-таки в военно-морской форме (как и те, кто дежу-

рил у двух шлагбаумов). Похоже, гости с самого начала оказались под плотной опекой здешнего ВМФ — а он, хотя и по вполне понятным причинам состоит исключительно из подлодок, несомненно, являет собою структуру крайне влиятельную...

Аккуратные рощицы, ряд уличных фонарей, мощные дорожки. Довольно аскетический облик военного объекта. Там и сям прохаживаются часовые, кое-кто с собаками на поводке. Ну да, так и есть: какая-то военная база...

Несколько довольно больших, но невысоких (максимум в три этажа) зданий — у Сварога, некогда профессионального военного, сразу вызвавших определенные ассоциации. Смешно, но словно бы встретил нечто родное: классический военный объект, пусть чужой... да что там, враждебный. Серые коробки наподобие бункеров, знакомого уныло-казенного облика. Ни единого окна. Правда, там и сям — вертикальные и горизонтальные полосы, угольно-черные, словно бы из того же материала, что и кузов автобуса — снова штучки со стеклами односторонней прозрачности? Похоже...

Автобус остановился у неширокой и невысокой лестницы столь же аскетически-военного вида, ведущей к одностворчатой двери меж широких и высоких, во весь фасад, угольно-черных полос.

— Прошу, господа и дамы, — сказал барон с видом радушного хозяина. — Мы прибыли...

Двое часовых у двери вытянулись в струнку. Барон любезно распахнул перед гостями все того же казенного вида дверь с незатейливой ручкой в форме полукруга, кажется, медной. За ней — абсолютно пустая комната этак в десяток квадратных уардов.

Барон распахнул и ее:

— Прошу вас...

Они вошли — и оказались в совершенно другом мире. Вся военно-казенная аскеза осталась за порогом. Обширный вестибюль с красивым мозаичным полом, высокие колонны из чего-то похожего на малахит, большие затейливые люстры, вверх уходит широкая лестница (роскош-

ный узорчатый ковер, резные перила из какого-то явно недешевого дерева, небольшие изящные светильники из сине-красного стекла — на каждой ступеньке, с двух сторон, у перил). Справа от лестницы — шеренга склонившихся в предупредительном поклоне несомненных ливрейных лакеев. Другой мир, на военный объект похожий не больше, чем золоченая дворянская карета — на мужицкую повозку.

— Я думаю, вам здесь понравится, — с легкой улыбкой сказал барон. — Резиденция не из худших здесь.

— Да, у вас попадаютсЯ довольно интересные военные объекты... — сказал Сварог ему в тон.

— Внешняя роскошь, по моему глубокому убеждению — дурной тон, — усмехнулся барон. — Еще оттого, что вызывает зависть у тех, кто не может ее достичь. И из этой неутоленной зависти порой возникают... коллизии. Пойдемте?

Он первым ступил на лестницу, подождал, когда Сварог с ним поравняется (семерка лакеев бесшумно двинулась следом), сказал, прежде чем Сварог успел открыть рот:

— Я отвел вам апартаменты, расположенные по соседству друг с другом. Полагаю, это отвечает вашим желаниям?

— Да, конечно, — сказал Сварог. — Благодарю вас.

Он позволил себе чуть расслабиться, напряжение схлынуло.

Двое вытянувшихся часовых. Еще одна дверь, копия входной. Пока что их принимали по высшему классу — впрочем, тюремные решетки могут быть и золотыми, что в данном случае, несомненно, имеет место быть. Здесь, в этой ничуть не аляповатой, с т и л ь н о й роскоши они изолированы от внешнего мира не менее надежно, чем если бы оказались в запертом на три замка глубоком подвале... Что пнем по сове, что сову об пень...

Второй этаж. Теперь ясно, что здание двухэтажное, лестница закончилась. Слева — прозрачная стена с видом на парк, справа — далеко друг от друга расположенные

двери (двустворчатые, в резьбе и позолоте), числом не менее десятка.

— Других гостей здесь сейчас нет, — сказал барон. — Вы будете на этаже совершенно одни. Кстати, вон та, последняя дверь ведет в каминный зал, крайне удобный для дружеских посиделок. Ваши апартаменты... господин граф, — он улыбнулся Сварогу. — Конспирации ради не стоит вас именовать ни милордом, ни королем, не так ли?

— Вы правы, — сказал Сварог.

— Ну вот... А «граф Гэйр» звучит совершенно нейтрально...

Сварог вошел в сопровождении бесшумного лакея, и последующие минут десять тот показывал ему апартаменты, подробно объясняя значение некоторых устройств. Вестибюль, гостиная, кабинет, спальня, ванная и прочие удобства... Кнопки для вызова слуг, устройства, с помощью которых можно из любой комнаты связаться с обитателями других «номеров» (и первое, и второе можно сделать даже из помещеньца для «прочих удобств»). В конце концов осведомился, соизволит ли господин граф минут через десять, когда немного освоится, принять господина барона. Сварог, конечно, ответил, что соизволит.

Оставшись один посреди роскошной гостиной, он, не колеблясь, прошел к показавшемуся самым удобным креслу, сел. Рядом, на столике, стоял предмет, как две капли воды напоминавший массивную хрустальную пепельницу. Сварог и так на девяносто девять процентов был уверен, что магия ларов здесь работать не будет, но чисто ради эксперимента быстренько провел пару опытов. Ну да, и сигарета во рту не возникла, и огонек на кончике пальца не зажегся. Все правильно: здесь Хелльстад, пусть и подземный.

Он достал золотой с камнями портсигар, вынул толстую сигарету (светло-желтый табак в коричневой бумаге, фильтр золотого цвета), прикурил от обычной зажигалки. Все это было прихвачено из Вентордерана. Не пришлось ставить перед своими мастерами-роботами никаких за-

дач на сей счет: давным-давно оказалось, что покойный Фаларен был заядлым курильщиком, так что все необходимое имелось в богатейшем ассортименте. Ну, а когда портсигар опустеет, достаточно произнести несложное заклинание, чтобы он наполнился вновь (предварительно решив, который из дюжины сортов табака выбрать, кстати, добрая половина из них исчезла на Таларе после Шторма и сохранилась лишь у Фаларена). Это уже будет хелльстадская магия, которая и здесь обязана распрекрасно работать.

Что нетрудно проверить в секунду...

Он привычно перескочил мысленным взором в соседние апартаменты. И увидел Леверлина — тот, заложив руки за спину, стоял у высокого окна и смотрел вниз с весьма недобрым выражением лица. Работает. Сварог вернул взгляд назад. Работает. Часть Хелльстада, пусть подземная. Значит, работать будет и все остальное, вот только с подарком Грельфи пока что совершеннейшая неизвестность, но и его нетрудно проверить, хотя бы на том же лакее. Если получится, если сработает, никто ничего не поймет и не узнает: собственной магии здесь нет, как и было установлено во время предварительных исследований...

Когда у входа раздалось мелодичное «дилинь-дилинь-дилинь», подробно проинструктированный лакеем Сварог нисколько не растерялся. Подошел к двери, коснулся узкой золотистой клавиши слева.

Дверь стала прозрачной (внутри, конечно), и за ней обнаружился барон Лог Дерег. Спокойно убрав прозрачность, Сварог повернул прозаическую дверную ручку (позолоченную, правда), впустил гостя, уже на правах хозяина указал на кресло и спросил:

— Выпьете что-нибудь? Мне уже показали здешний роскошный бар...

— Благодарю, что-то не хочется... Ну, разве что бокал вина. Как знаток, я вам рекомендую «Грауселле», вон та бутылка. У вас, наверну, этого сорта винограда больше нет...

И удобно расположился в кресле. Нетрудно было определить, что многое в нем изменилось: осанка, движения, походка, даже манера речи. Наверху он всегда был напряжен, как струна, напоминал то ли идущего по незнакомым местам волка, то ли сапера на минном поле. А сейчас словно бы расслабился. Ничего удивительного, он был д о м а, где ко всему прочему числился среди тайных правителей Токеранга. А вот Сварог... Они с бароном в чем-то поменялись местами — теперь, в свою очередь, Сварог напоминал того самого волка или сапера. Все логично. Как пелось в той древней песенке — а вот они, условия, а вот она, среда...

— Я прекрасно помню, куда именно хотят отправиться ваши спутники и спутницы, что именно осмотреть, — сказал барон любезно-деловитым тоном. — Все это нетрудно устроить немедленно — машины, сопровождающие... Я говорил с ними — никто не собирается отдыхать, все хотят ехать. Вы им разрешаете так поступить?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я так и передам... А какие пожелания будут лично у вас?

— Вот лично я хочу одного: завалиться в постель и как следует выспаться, — сказал Сварог. — Всем остальным было проще, они-то выспались прекрасно. А вот мне перед поездкой пришлось двое суток практически без сна и отдыха заниматься кучей дел. Нужно было и поставить все так, чтобы за время моего отсутствия дела в земных королевствах шли без сучка, без задоринки, и наверху кое-зачем проследить. Спать хочется чертовски, — он вежливо добавил: — Конечно, если у вас какие-то другие планы...

— Ну что вы! — энергично поднял ладонь барон. — Гостям всегда в первую очередь предлагают отдохнуть, — он посмотрел на часы. — Сейчас еще далеко до полудня... К вечеру, думаю, вы проснетесь?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Часов пяти-шести мне вполне хватит...

— Прекрасно. Свяжитесь со мной, когда проснетесь. Я еду в город, но к вечеру вернусь. Просто нажмите на се-

лекторе клавишу под одиннадцатым номером. Если вы не возражаете, я хотел бы нынче же вечером познакомить вас с принцем Каугеном, чтобы вы к нему заранее присмотрелись и составили о нем впечатление... Вы не против?

— Наоборот, — сказал Сварог. — Интересно будет познакомиться. Нам придется куда-то ехать?

— Зачем? — чуть пожал плечами барон. — Это не просто гостиница, а, если можно так выразиться, закрытый загородный клуб для избранных. Несколько отличных ресторанов, больших и поменьше, другие возможности для развлечений и приятного отдыха... Принц здесь бывает часто, у него даже есть личные постоянные апартаменты. Сядем в одном из уютных небольших ресторанчиков... Люди посторонние там тоже будут — но не особенно много. Вряд ли стоило закрывать ресторан на время вашей встречи для завсегдатаев клуба, это вызвало бы ненужные размышления и рассуждения... Вы согласны?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Вот только... Все же — посторонние...

— Ну, «посторонние» — это, пожалуй, неточное определение, — усмехнулся барон. — Вернее будет сказать — люди, не посвященные в тайну вашей миссии. Во всех остальных отношениях это свои. В этом заведении попросту не бывает чужих. Исключительно свои, верные и надежные не по обязанности. Только члены Восьми Семейств, то есть родов, из которых происходят дэнго. Даже представители остальных Десяти Семейств сюда не попадают, хотя их роды не менее знатны. Так уж исторически сложилось, что у нас восемнадцать особо знатных родов — и масса прочего дворянства, от титулованного до обедневшего... впрочем, то и другое порой совмещается.

— Ну да, у меня в королевствах такое тоже случается, — с большим знанием вопроса сказал Сварог. — Послушайте... А этим вашим членам Десяти Семейств, случайно, не обидно, что они не могут сюда попасть?

— Безусловно, — не без цинизма усмехнулся барон. — Скажу даже больше: им еще очень обидно, что страной, по сути, управляют только Восемь, хотя Десять не менее знатны и родовиты...

— А это не приводит к... коллизиям? — с искренним любопытством спросил Сварог.

— Порой. Но всегда к л е г к и м, — сказал барон и с видом крайнего простодушия развел руками. — Никто не виноват, что исторически сложилась существующая система правления. Мы — большие консерваторы и не любим ничего менять... Особенно в столь важном и серьезном деле, как система правления. Вам, как королю, это должно быть близко и понятно, вы ведь, насколько я знаю, тоже не стремитесь к серьезным переменам в системе правления?

— Да, безусловно, — сказал Сварог.

И подумал: пример, пожалуй что, неудачный. У м е н я — да и до меня — никогда не случилось, чтобы власть прочно захватывали какие-то отдельные роды, отесняя всех прочих, не уступающих знатностью. Бывали попытки там и сям, и в древние времена, и в относительно близкие, но длилось это всегда недолго и заканчивалось печально для узурпаторов, пытавшихся «монополизировать» короля... Здесь есть какая-то загадка. Дэнго ухитрились продержаться в нынешнем своем положении три с лишним тысячи лет, а это странно. Это предельно странно. Нигде так не бывало. И ситуацию невозможно, никак невозможно удержать под контролем исключительно посредством разветвленной агентуры и террора тайной полиции. Три с лишним тысячи лет... Странно и нереально. Но ведь он не врет насчет трех с лишним тысяч лет! Значит, есть что-то еще. Должно быть. И в эту тайну следует проникнуть... или и это уже неважно? Сколько им всем осталось той жизни...

— Все дело в том, что это к л у б, — безмятежно продолжал барон. — Строгая система баллотировки, два этапа, тайное голосование... В свое время по известным причинам был забаллотирован даже не член Десяти Семейств —

наш старый ненавистник принц Хаутил. Его это, конечно, чертовски взбесило, но что поделать — старинный клуб, старинные традиции и правила...

— Послушайте-ка, — сказал Сварог с любопытством. — Но ведь и они могут создавать подобные клубы, не допуская туда уже вас. Или такое у вас запрещено?

— Ну, отчего же, — сказал барон. — Некоторые дворянские вольности и привилегии незыблемы. Давным-давно создают... клубы-противовесы, если можно так выразиться. И не допускают туда наших. Но существенная разница в том, что у нас там есть своя агентура, а они никого пока что не смогли к нам внедрить. Такие вещи вы должны знать, учитывая наше будущее тесное партнерство...

Очаровательный оборот речи, подумал Сварог. Можно и сделать вывод: есть тайны, которыми они никогда, ни за что не станут делиться, несмотря на все «будущее тесное партнерство». Быть может, сюда же относится и секрет того, каким образом им удалось продержаться у власти столько лет... А он должен быть!

Он обратил внимание, что барон с неподдельным любопытством уставился на столик, где рядом с бокалом Сварога стоял Золотой Воробей — неподвижный, выглядевший сейчас изящной безделушкой прекрасной ювелирной работы, мёртвым куском золота. На всякий случай Сварог его прихватил вместе с пистолетом из арсенала «Рагнарока». Если оценивать в привычных категориях, то Золотой Воробей — не столь уж и серьезное оружие: посильнее пистолета, но слабее бластера. Зато у него есть другое несомненное достоинство: пистолет и здесь легко опознается как оружие, у них хватает своих. А Золотой Воробей обнаружит себя как лучемет, пусть и не особенно мощный, не раньше, чем получит мысленный приказ Сварога. Всякие ситуации смогут сложиться...

— Нечто вроде талисмана, — сказал Сварог, старательно изобразив на лице некоторое смущение. — Давным-давно мне его подарила одна дама... У ее рода в гербе — шесть золотых воробьев на лазурном фоне, считается издавна, что такая птичка приносит удачу и бережет от

опасностей даже того, кто не принадлежит к роду. Если только подарена от чистого сердца. У вас нет подобных традиций, наверное?

— Касательно всевозможных талисманов? — поняливо подхватил барон. — Как раз наоборот, есть. Многое можно порассказать, но я это отложу на будущее — вам ведь нужно выспаться...

...Оставшись один, Сварог и не подумал отправиться в спальню. Вообще-то он и в самом деле провел почти бессонную ночь (одну, а не две, как соврал барону), но нельзя сказать, чтобы из-за этого чувствовал себя разбитым. Если прикинуть... Еще удастся и поспать до вечера пару часов, а пока следует заняться насущными делами. И прежде всего...

Он сосредоточился, мысленно произнес нужные заклинания из наследства Фаларена — и комната преобразилась. Все исчезло: мебель, драпировки, обои и ковры, теперь гостиная представляла собой — в глазах одного только Сварога — нечто вроде совершенно пустого продолговатого ящика молочного цвета. И в четырех местах светились ярко-алые огоньки: три в форме шарика, четвертый — в виде короткого цилиндра.

Сварог ухмыльнулся и вернул гостиной прежний вид. Вот так. Любезные хозяева простерли свое гостеприимство настолько, что всадили сюда целых три микрофона и видеокамеру...

Переходя из комнаты в комнату, якобы неторопливо осматривая свое роскошное временное пристанище, он быстро определил: везде (даже в том помещении, куда короли ходят исключительно пешком) — от одного до трех микрофонов и непременно видеокамера. Причем в спальне она направлена прямехонько на постель.

Вот как раз последнее обстоятельство и позволяло предположить, что «глаза и уши» здесь были и раньше, а не вмонтированы перед его визитом. Безусловно, тому же барону чертовски интересно знать, о чем Сварог беседует со сподвижниками — на его месте Сварог тоже натолкал бы микрофонов куда только возможно. Но вот к чему

видеокамеры? Особенно эта, в спальне? В классических традициях ремесла собрать постельный компромат... на него? Вздор... Вернее будет предположить: камеры сюда сунули, чтобы прочнее держать на крючке как раз своих. Как учит житейский (он же — королевский) опыт, даже своих порой следует как можно крепче и надежнее держать на крючке... Практичности ради.

Сделанное открытие нисколько не встревожило — с какой стати, если он мог в любой момент наглухо заблокировать всю ту машинерию, оставив Токеретов глухими и слепыми? Поймут, в чем дело? Ну и наплевать. Не могут не знать, что король Хелльстада обладает определенной магией, так что не удивятся, хоть их это и безусловно раздражает.

Вполне возможно, за ним наблюдают и сейчас. Из чистого любопытства: а ну-ка, что станет делать, оставшись в одиночестве, лорд Сварог? Если так и обстоит, блокировать глаза и уши пока что не стоит, чтобы не раскрывать иных своих возможностей раньше времени. Он сказал, что хочет выпасться? Вот и ладушки...

Пройдя в спальню, он разделся и улегся в широченную постель, где вместе с ним вполне комфортно могло бы разместиться с полдюжины плясуний из его Королевского балета: тончайшие простыни, мягчайшие одеяла — да уж, покои для самого что ни на есть бомонда... Вытянулся, прикрыл глаза. Любой наблюдатель мог бы поклясться, что поднадзорный спит. Ну, ничего подобного, конечно: Сварог проверял одну из догадок, особенно укрепившуюся в сознании, когда он увидел на базе подводных лодок, на створках ворот знак радиации. Коли уж лодки вооружены ядерными ракетами, гораздо практичнее не возить их всякий раз с завода, а держать некоторый запас там же, на базе. В покинутом им мире военные всех стран так и поступали. Во всех родах войск так и обстояло.

Прежний военный опыт не подвел и здесь, все так и обстояло: за теми воротами и в самом деле оказалось хранилище ракет и взрывателей к ним. Сварог мысленным взором бродил по нему часа полтора: для осмотра

самого хранилища хватило пары минут, а все остальное время следовало уделить вдумчивому изучению системы охраны.

Подробное изучение таковой отнюдь не обрадовало, а наоборот... Тройной пояс охраны, по обе стороны ворот всякий раз — шесть пулеметных гнезд, одни оборудованы на земле, другие — по стенам. Да вдобавок по парочке автоматических пушек и каких-то агрегатов, больше всего напоминавших огнеметы. И пешие патрули, ходившие по коридорам, и кодовые замки, и телекамеры наблюдения... Пришлось признать: сейчас ему хранилище не взять.

В прошлой жизни, в офицерском бытии его неплохо выучили, в том числе и штурмовать такие вот объекты внезапным ударом — но, ежу понятно, не в одиночку, а со столь же грамотно подготовленной группой. Которую никак не могла бы сейчас заменить Странная Компания. В э т и х условиях верных, храбрых сподвижников попросту перебили бы, как котят — и Мару в том числе, ну, разве что ее-то прикончили бы самой последней — пули и огонь для нее точно так же смертельны... А оставшись в одиночестве, Сварог ничего не добился бы: трезво рассуждая, Странная Компания сложит головы уже на первом поясе охраны. Во-первых, без Паколета он не смог бы справиться с кодовыми замками, во-вторых, не смог бы в одиночку перещелкать всю охрану и вывезти оттуда ракету. Таков печальный итог, в который уж раз повторил он про себя фразу одного из своих любимых писателей.

Не было ни подавленности, ни ощущения поражения. Он с самого начала подозревал, что дело будет обстоять примерно так: военное дело у Токеретов развито неплохо, глупо и смешно полагать, что они стали бы хранить ядерные заряды в покосившемся сарайчике, охранявшемся бы одним-единственным первогодком с ржавой винтовкой устаревшего образца. Ни о каком поражении речи быть не может: просто-напросто предпринятая им разведка дала определенные результаты, вполне предсказуемые.

И только...

В конце концов, времени у него впереди было достаточно. Нет никакой нужды орать — хватай мешки, вокзал отходит! Запасной вариант был, в принципе, начерно продуман заранее: в следующий раз исхитриться вернуться сюда с дюжиной «птенцов Гаудина», вооруженных должным образом, — и шансы на успех возрастут многократно: уж дюжина-то этих детишек расковыряет хранилище, как медведь — консервную банку. Это в том случае, если все же не найдется какого-то другого варианта, не менее результативного, чем ядерная боеголовка...

Так что нет причин для тоски. Еще побарахтаемся...

Глава IX

«ВЫ ПОЕДЕТЕ НА БАЛ?»

Он самую чуточку — ровно в той мере, какой требовала ситуация, — беспокоился о разъехавшихся в разные стороны сподвижниках: очень уж удобный момент, чтобы перехватать их поодиночке, а там добраться и до Сварога...

Нет, обошлось. Все они вернулись примерно в назначенное Сварогом время. И Сварог собрал всех в каминной — оказавшейся и в самом деле большой, комфортной, красивой, как все здесь. Микрофоны и видеокамеру он, конечно, загасил первым делом, что не должно было вызвать у противника ни малейших подозрений: ну конечно, отправленная на разведку группа докладывает командиру о своих наблюдениях, дело, можно сказать, житейское с точки зрения шпионажа...

Паколета, Шедариса и Бони, помотавшихся по окрестностям со столь любопытным видом, словно они в жизни не видели сделанных Золотыми Шмелями записей, Сварог не стал заслушивать вообще: они ничего не могли добавить к тому, что засняли Шмели. Главная задача этой троицы в том и состояла, чтобы запудрить мозги Токеретам, уверить их, будто Сварог ничегошеньки не знает о Токеранге, иначе не посылал бы своих орлов оглядеться там и сям...

Рапорты Мары и Тетки Чари оказались кратенькими. Сварога мало интересовали здешние магазины женской высокой моды, обе сподвижницы ездили в столицу с одной-единственной целью — если удастся, подметить что-то мало-мальски интересное. Таковым оказалось одно-единственное наблюдение, отмеченное обеими. Во всех шести самых дорогих магазинах столицы, по которым их провез сопровождающий, выявился один и тот же нюанс: женщины (неважно, дворянки из самых знатных родов или особы рангом пониже) никогда не появлялись, так сказать, самостоятельно, их всегда сопровождал мужчина: муж, друг или слуга. И женщины никогда не расплачивались за покупки сами, за них это всегда делали мужчины. По большому счету, эта информация для целей и задач Сварога виделась совершенно бесполезной: ну вот таковы здешние обычаи, именно так дамы из бомонда делают покупки, и что? Мы не этнографы, в конце концов...

В общем, заранее было ясно, что самым интересным станет де доклад Леверлина, несколько часов просидевшего в трех самых больших библиотеках столицы. Так оно и оказалось.

— Ситуация примечательная, — с расстановкой говорил Леверлин, порой скуп^о прихлебывая из своего бокала. — Богатейший подбор научной и технической литературы. Художественной нет вообще ни в каком виде, ни прозы, ни поэзии. После разговоров с библиотекарями у меня осталось впечатление: они попросту не п о н и м а ю т, что такое проза и поэзия. Подбор книг по геральдике, разнообразным этикетам и устройству здешнего общества, сословному делению и прочему — опять-таки богатейший. Музыка... Вот музыка есть. Однако... Я не композитор не музыковед, так себе, чуточку тренькаю на виолоне, но в Ремиденуме был факультативный курс... Короче говоря, вся музыка, которую я прослушал, примитивная донельзя: три аккорда на дагарасе, что-то вроде того. Библиотекари опять-таки форменным образом не понимают, какая еще музыка может быть, уверяют: она

вся такая. Что еще? Богатый подбор всевозможных руководств по охотничьему делу — книги предназначены исключительно для дворян, и то не для всех: леса здешние не так уж и велики, так что охотятся главным образом королевская фамилия и люди из Восемнадцати Семейств — но для последних право принять участие в охоте вовсе не право, а нешуточная привилегия, предоставляемая лично королем... Даваемая не постоянно, а всякий раз как бы заново. Ну, это понятно: если здешнее дворянство примется охотиться так, как принято наверху, дичи очень быстро не останется вообще... Что еще... Много литературы по торговым операциям и банковскому делу. Исторические хроники, что старинных времен, что более близких — скупые и примитивнейшие и касаются главным образом королевской фамилии: в такой-то день такого-то месяца такого-то года его величество изволил кататься верхом. Или изволил охотиться на вепря. Или изволил посетить Большой Фейерверк. Не похоже, чтобы у них здесь было то, что можно назвать историей. Если и случалось нечто шумное, вроде больших крестьянских мятежей, дворянских междоусобных войн или переворотов со сменой династии — об этом нигде ни словечка. Вот такая картина предстает. Науку и технику они развивают, открытия и изобретения делают, торговцы торгуют, банкиры банкирствуют — но ни прозы, ни поэзии нет; музыка самая простенькая. Возможно, это как раз и проистекает из-за отсутствия у них души. Вот и все, пожалуй...

Безусловно, это был самый обстоятельный доклад из всех. Ни о чем подобном прежде не было известно — Шмели в библиотеки (как и вообще в дома) не залетали, книги не изучали. Однако главной цели Сварога все это опять-таки ничем помочь не могло...

Чтобы не расхолаживать команду, он сказал:

— Неплохо поработали, молодцы. А сейчас очередной, не особенно и длинный приказ по гарнизону: все расходятся по комнатам и расфуфыриваются для неофициального вечернего приема с участием одного из принцев. На каковой мы все приглашены. Никаких торжеств, про-

сто, я так понял, обычные вечерние здешние посиделки, разве что с участием нас. — Он глянул на Бони, потом на Паколета с Леверлином, ухмыльнулся: — Барон любезно просветил меня, что легкость нравов здесь, можно сказать, на высоте. И тому, кто захочет развлечься по полной программе, предоставляются к тому все возможности — без малейшего риска нарваться на дуэль. Барон в случае чего проконсультирует.

Бони встретил эту новость с самым живейшим интересом, да и Паколет не остался равнодушным. Только у Леверлина на лице осталось то же выражение, с каким он недавно стоял у окна и смотрел на деревья внизу: отголосок холодной, рассудочной ярости...

Когда они расходились из каминной, Сварог придержал Леверлина за локоть, тихо, понятно спросил:

— Что, стрелять хочется?

— Во всех и каждого, — сквозь зубы ответил Леверлин с той же рассудочной, отрешенной яростью.

— Главное, чтобы это не отражалось на лице, — серьезно сказал Сварог. — Мы тут с миссией не просто доброй воли, а будущей сердечной дружбы...

— Не беспокойся, командир. — так же серьезно ответил самый давний, самый первый из встреченных Сварогом сподвижников. — Всё понимаю, не мальчик. Я им буду улыбаться тепло и мило, куртуазно плести комплименты дамам... Все, что потребуется. Буду воплощением приязни... пока не настанет время для с а м о й сердечной дружбы...

«А ведь, пожалуй, он ее в самом деле любил по-настоящему, — подумал Сварог. — Сколько лет прошло, а ярость ничуть не потускнела... как и у меня, впрочем. Конечно, Делию я не любил. Я просто-напросто никогда им ее не прощу В принципе, то же самое...»

...Гардероб в его апартаментах оказался набит битком разнообразными цивильными нарядами — судя по атласам-бархатам, шелкам, кружевам и золотому шитью, все на уровне Восемнадцати Семейств. Фасоны, конечно, незнакомые, непривычные — но не более чем силванские

дворянские наряды. Так что Сварог, обозрев себя в высоком зеркале, подумал, что ничуть не походит на чучело: всего-навсего незнакомая мода, и не более того. Поправил на шее золотую цепочку с овальным медальоном, украшенным местным эквивалентом графской короны. Снова ничего странного: наверху дворяне носят перстни с соответствующими титулу, если он есть, коронами, а здесь — медальоны, вот и вся разница.

Как там объяснял барон? Два перстня с самоцветами на правую руку, один — на левую. Вполне себе комифо, ничего от выскочки, как говорится, скромненько и со вкусом. Пистолет, конечно, с собой брать не стоит, да и Золотого Воробья тоже, пусть себе и дальше сидит на столике, усердно притворяясь безобидной статуэткой-талисманом. А пистолет, наплечную кобуру и запасную обойму мы открыто положим на столик у постели, только для пущей надежности сделаем все это хозяйство невидимым. Уже точно известно, что лакеи без конкретного приказа постояльца в его апартаментах не убираются, не появляются вообще...

Еще раз критически обозрев себя и убедившись, что с нарядом все в порядке, он вышел в коридор, прошел к соседней двери и коснулся вычурной резной чашечки — кнопки звонка.

Мара сразу же ему открыла. М-да... Нравы тут у них...

— Ну что ты так уставился, словно монах из Святой Земли? — пожалла обнаженными плечами боевая подружка. — Это я не сама придумала, мне объяснили, что сейчас это самый модный вечерний наряд для благородных дворянок... Вон, журналы мод валяются.

— Да я что? Я ничего, — сказал Сварог, входя и притворяя за собой дверь. — Просто не ожидал от них такой уж раскованности...

Положительно, наверху портовые шлюхи в своих до предела откровенных нарядах выглядели гораздо приличнее. Кущее золотисто-рыжее платье Мары (несмотря ни на что, удивительным образом сочетавшееся с ее

волосами) и платьем-то назвать было трудно. Впереди не просто глубокий вырез: две полоски ткани, соединенных на шее золотой цепочкой, открывают для всеобщего обозрения половину груди и пупок, сзади спина обнажена даже чуть пониже талии, все это — в обтяжку, подол чисто символический. Сварог задумчиво сказал:

— А знаешь что? По-моему, совершенно голой ты бы выглядела гораздо приличней...

— А пожалуй что, — блеснула Мара великолепными зубами. — Но согласишься, мне идет? — и она крутнулась волчком.

— Идет, — проворчал Сварог. — Тебе все идет... Трусики-то хоть под этим есть?

— Ну, разумеется, — сказала Мара.

И с непринужденностью давней подруги продемонстрировала узенькую розовую кружевную полосочку, которую трусиками можно было назвать исключительно из вежливости. «Ну что же, — философски подумал Сварог, — далеко не впервые, и не только на этой планете, великосветские дамы откровенностью вечерних нарядов превосходили портовых шлюх... Сварог присмотрелся. — И колье у нее на шее, и серьги, и браслеты, и перстни — все исключительно с сапфирами, подобранными оттенком прямо-таки под цвет глаз».

Мара, кажется, прочла его мысли, как со старыми подругами частенько случается, даже если они и не наделены магическими способностями:

— Ага, это не совпадение. Такая тут мода: платье — под цвет волос, камни в украшениях — под цвет глаз. Между прочим, с чисто женской точки зрения — недурная затея. Там, у нас, наверху, до этого не додумались. Вот вернусь, введу эту моду у себя на Сегуре. Думается мне, и на Харуме дамы быстро подхватят...

— Самое смешное — и впрямь, я так полагаю, быстро подхватят, — фыркнул Сварог. — Что-что, а это вы умеете...

— Но, согласишься, мне идет? — повторила она, безмятежно улыбаясь.

— Говорил же, идет, — проворчал Сварог. — Вот только фасон этот не вздумай наверху вводить, будущая законодательница мод...

— Не буду, не буду. Но чует моя душа, дамы и его подхватили бы...

— Не сомневаюсь, — буркнул Сварог. — Говорю ж, это вы умеете...

— Что ты так набычился?

— Да по-моему, что-то легкомысленно ты настроена...

— Ничего подобного, — сказала Мара. — Ты что, плохо меня знаешь? Как раз наоборот. Все мысли в первую очередь — о работе... Я сейчас — оружие. Убойнейшим образом действующее на мужчин. Скажешь, нет?

Она обворожительно улыбнулась, приняла грациозную позу, чуть выставив вперед правую ногу, послала Сварогу призывнейший взгляд.

— Ну, если с этой точки зрения... — сказал Сварог, — тогда, пожалуй что, и впрямь...

— То-то, — лукаво улыбнулась боевая подруга. — Если я в этом наряде возьмусь чуточку флиртовать с принцем, а то и с бароном, смотришь, и удастся выудить что-нибудь интересное. Это ты не можешь нежно прижаться грудью к тому же принцу и затуманенным взором смотреть ему в глаза, а у меня это получится самым естественным образом. Особенно если учесть, что он, как ты сам говорил, простак простаком. Но какие-то тайны должен знать, коли уж хороводится с дэнго...

На миг Сварог ощутил легкое беспокойство, вспомнив кое-что, происшедшее несколько лет назад в Равене, когда их крайне заинтересовала чернокнижная библиотека герцога Сенгала. Сказал торопливо:

— Оружие оружием, но ты там не особенно увлекайся...

— Ох, милый... — картинно вздохнула она, на миг подняв глаза к потолку. — Ну, когда я тебе наконец втолкую, что увлечена одним тобой — беззаветно и на всю оставшуюся жизнь? А все прочее... Исключительно в интересах дела.

— Вот и не особенно увлекайся в интересах дела... оружие убойнейшее.

— Есть, командир! — она лихо отдала честь на ронерский манер (что позволяло обойтись без головного убора). — Принято к сведению! Да не смотри ты на меня, словно полковник на капрала, пропившего казенную пушку. Никакого легкомыслия в голове у меня и близко нет, просто-напросто старательно готовлюсь к бою. Всякий к нему готовится на свой манер, в зависимости от обстоятельств, сам знаешь...

— Ладно, верю, — сказал он задумчиво. — В таком случае вот тебе последние инструкции, я всех уже предупредил, ты одна осталась... Барон, чтобы надежно замотивировать для непосвященных пребывание в этом райском уголке черт знает кого, то есть нас, никому неизвестных, придумал неплохую, по-моему, версию. Мы все семеро — военные моряки, дворяне из захудалых. Только что блестяще выполнили наверху крайне важную и предельно секретную миссию, за что повышены, обласканы начальством и в довершение будем представлены принцу. По-моему, убедительно и жизненно. Все-таки светлая у мерзавца голова, несмотря на полнейшее отсутствие души... Уяснила? Версия эта, говорил барон, уже пошла гулять среди приглашенных, так что будь вдвойне загадочной и таинственной...

— Да запросто, — заверила боевая подруга. — Если что...

У двери мелодично мяукнуло «дилинь-дилинь-дилинь». Уже привычно нажав соответствующую клавишу, Сварог увидел в коридоре барона, тоже в роскошном цивильном, с медальоном на шее. Овернулся к Маре:

— Ну, все, пошла работа...

И открыл дверь, заранее изобразив на лице самую дружелюбную улыбку. Барон светски раскланялся:

— Господин граф, госпожа графиня... Гости уже собираются.

Сварог вышел в коридор, пропустив вперед Мару. Все остальные двери уже распахнуты, возле них — почтитель-

но склонившиеся лакеи, выходят сподвижники, держатся совершенно естественно, никак не похоже, чтобы кто-то чувствовал себя неуверенно в незнакомом наряде... так, Леверлин слово сдержал: лицо у него сейчас доброжелательное, исполненное легкого любопытства ко всему окружающему, предвкушения приятного вечера... а вот Шег Шедарис, простая душа, не в силах скрыть легкого раздражения, когда косится на свою спутницу, наряженную столь же символически-легкомысленно, как и Мара... ну да, он всегда был ревнив, как черт, к низким вырезам и коротким платьям относится столь же пуритански, как Интагар, — а тут такое... что касается упомянутой спутницы, все обстоит, похоже, как раз наоборот, ей здешняя мода по вкусу, на лице знакомое выражение, с каким она иногда говаривает: «Эх, это бы да во времена моей молодости...» Благородные гости двинулись вслед за бароном почему-то повернувшим не к лестнице, а к торцовой глухой стене справа, возле которой торчал очередной лакей. У Сварога неведомо почему всплыла в памяти приговорка, сопровождавшая одну из игр раннего детства: «Вы поедете на бал?» Игра была исключительно девчачья, мальчишки к ней не присматривались и не прислушивались, они пребывали еще в том нежном возрасте, когда девчонок полагается сторониться, глядя свысока, — так что в уши лишь чисто случайно залетала парочка реплик, в чем эта игра заключалась, Сварог так и не узнал, да и наверняка уже не узнает...

Ага, вот оно в чем дело. Лакей коснулся мозаичной стены — и открылась довольно высокая и широкая потайная дверь, за которой виднелся изгиб устланной роскошным ковром лестницы, плавно уходившей куда-то вниз. Ну что ж, такие лестницы в темницы и подвальные пыточные не ведут...

Лестница оказалась не особенно и длинной. Кончалась высоким аркообразным проемом, за которым открылся сводчатый зал: десятка два столиков, сделанных из распиленных пополам бочек с большими вырезами для удобства ног. Сварог, естественно, ни малейшего представле-

ния не имел, какой была здешняя старина, но все равно осталось стойкое впечатление, что все вокруг как раз старательно стилизовано под нее самую: грубоватая кирпичная кладка стен, массивные жесткие кресла, словно приращенные из дешевого портового кабака, подставки для гроздьев красно-сине-желтых шарообразных фонариков как две капли воды похожи на грубо выкованные держалки для стенных факелов, ни единого ковра, пол застлан широкими досками столь же грубой работы, хорошо хоть, оструганными. Справа, в углу — камин, в котором горят толстенные обрубки цельных древесных стволов. Единственный диссонанс — несколько плоских экранов в разных углах ресторанчика, на них проплывают, сливаются, свиваются в затейливые переплетения разноцветные полосы. Ну да, телевидение у них хотя и существует, но используется в чисто прикладных целях — он помнил телекамеры слежения в хранилище. Все понятно: если нет ни прозы, ни поэзии, нет, соответственно, ни художественных фильмов, ни эстрадной песни. Попросту нечего показывать.

Так... Леверлин уверял, что не обнаружил ни малейшего следа живописи со скульптурой. Однако возле камина стояла изящно выполненная статуя обнаженной женщины из какого-то розового камня, а в двух местах висели большие картины: морской пейзаж при ясной погоде и красивый замок посреди живописного леса. Либо искусство все же существует, но доступно очень узкому кругу (как привилегия королевской охоты), либо все это раздобыто наверху для услаждения взора избранного общества...

Играла негромкая музыка, мелодия и в самом деле весьма незатейливая, но приятная для слуха. Что-то похожее на пару виолонов, скрипку и временами позвякивавший бубен. Гостей обоего пола не так уж и много, человек десять. Сварог отметил, что их компания вовсе не стала объектом всеобщего внимания — ну да, воспитанные люди, сливки сливок, не станут скопом пялиться на незнакомцев, будто деревенщина какая. Что ж, так оно и лучше...

Почтительный седовласый хмырь, осанистый, с золотой цепью на шее — то ли метрдотель, то ли мажордом, Аллах ведает, как он тут именуется — с проворством опытного дирижера как-то особенно ловко и быстро разместил гостей за столиками. Скорее всего, согласно порученной ранее инструкции Сварог с Марой и барон оказались за одним, Тетка Чари с хмурым кавалером за другим, Леверлин в одиночестве, Бони с Паколетом за четвертым. Последние тут же принялись с самым живым интересом (но и с соблюдением политеса, понятно) разглядывать девичью компанию за ближайшим столиком (три грации, одна краше другой), явно в хорошем темпе прикидывая мысленно моральную стойкость девиц и наличие таковой вообще.

Стол, как и остальные, оказался заранее уставлен яствами и питьями: золотые приборы, хрусталь, начищенное серебро... Приходилось признать, что барон их принимал по высшему разряду — что ж, и они не простые дипкурьеры, а, собственно, высокие полномочные посланники, пусть и нелегальные... Ох ты!

Сварог, конечно, сохранил полнейшее хладнокровие. В конце концов, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Просто-напросто зазвучала песня. Приятный, молодой женский голос с легкой хрипотцой в стиле Тарины Тареми (но это, конечно, не она), оркестр, полное впечатление, состоит из гораздо более сложных инструментов, чем прозаические скрипки-виолонны, вроде бы даже электронное звучание слышится. И слова, слова! Каким на земле быть не полагается, а здесь просто неоткуда взяться...

*Никого не пощадила эта осень,
даже солнце не в ту сторону упало.
Вот и листья разъезжаются, как гости,
после бала, после бала, после бала...
Эти двое в темно-красном взялись за руки напрасно:
ветер дунет посильней — и все пропало...*

Притворяясь, что прилежно цедит из высокого бокала золотистое вино, Сварог мимолетно переглянул-

ся с Марой, и она понятливо опустила на миг ресницы. Интересно, очень интересно. Это уже не укладывается в версию, будто искусство здесь все-таки есть, пусть и для узкого круга. Ключевое слово тут — «осень». Здесь, как и наверху, попросту не бывает смены времен года — иначе следует признать, что песня сочинена еще до Шторма. Наверху всякие упоминания о временах года, особенно снеге и выюге, прямо запрещены так давно, что выпали из употребления, сохранившись разве что в крестьянских песнях Каталаунского хребта, где изначально позволяли себе легкие вольности ввиду отдаленности от начальства и сыскарей.

А вот в летающих замках подобные песни до сих пор в ходу — да и музыкальные инструменты подозрительно знакомы. Вывод незамысловатый и наверняка верный: кто-то — да барона хотя бы взять — припер эту музыку не просто сверху, не просто... Такую запись можно раздобыть только у ларов — ну, или в крайнем случае у кого-нибудь из дворян на земле, самым тесным образом связанных с ларами. Хотя это и запрещено, иные благородные лары и лариссы дарят любовницам и любовникам, а то и старым собутыльникам (пример с принцем Элваром) некоторые милые пустячки наподобие музыкальных записей, «вечных» зажигалок, имперской косметики. И прочие мелкие сувениры. Соответствующие службы империи обычно на это смотрят сквозь пальцы, если только соблюдается должная конфиденциальность, что Сварог знал по личному опыту: к нему в восьмой департамент поступала порой информация о подобных подарочках, и ее по давней неписаной традиции полагалось класть под сукно...

Вот это уже серьезно. Лишнее доказательство того, что кто-то у Токеретов (уж не тот ли, что сидит напротив?) завязал тесные связи либо с высокопоставленным земным дворянством, либо... Либо, наберемся смелости выдвинуть и такую версию, ухитрился как-то проникнуть за облака. Черт бы побрал эту Хартию Вольностей; которую давно пора изрядно подредактировать и безжалостно сократить...

— Ага, вот и его высочество, — сказал барон без малейшего волнения, прямо-таки равнодушно. — Вставать не нужно, встреча насквозь неофициальная, потаенная...

У их столика остановился рослый и плечистый молодой человек, одетый чуть роскошнее всех остальных, поднял руку, сверкнувшую доброй полудюжиной самоцветных перстней (явная дурновкусица по здешним меркам, ага):

— Прошу не вставать, господа и дамы, я здесь запросто, не будем разводить церемоний, да и для дела (он ухарски подмигнул) оно полезнее. Лучше я сам сяду, с вашего позволения. Ага, мушкамбер? Вовсе прекрасно.

— Я хорошо помню ваши вкусы, ваше высочество, — с легким поклоном ответил барон.

— Благодарю, благодарю. Вот попомните мои слова: если все пройдет гладко, сделаю я вас каким-нибудь коронным министром — сколько можно ходить в полковниках и вульгарно заниматься примитивным шпионажем? — и он подмигнул столь же многозначительно.

На лице барона явственно отобразилось легкое страдание:

— Ваше высочество...

— Молчу, молчу! — безмятежно сказал принц. — Ну конечно, конспирация и все такое... Помню, но вечно забываю... Ну не годится моя голова для всех этих сложностей, что уж там, не стыжусь признаться... Мушкамбер, я вижу, десятилетней выдержки? Прекрасно!

Он наполнил до краев пузатый, приличных размеров бокал напитком светло-коричневого цвета и, жмурясь от удовольствия выцедил до дна, словно минеральную водичку. «Силен, бродяга, — не без уважения подумал Сварог. В хорошем стиле принца Элвара». Сам он уже успел отпробовать мушкамбер: в самом деле, недурной напиток, особенно выдержанный, аналог земного келимаса, этот сорт, переводя на мерки покинутого мира, крепостью градусов в сорок восемь — а вьюнош с ним разделался, как с компотиком, и непохоже, чтобы захмелел... Чувствуется большая практика и хорошая школа. Тут же наполнив бо-

кал вновь, но отхлебнув один, не столь уж устрашающий глоток, принц Кауген с детским любопытством уставился на Сварога:

— Значит, вы и есть тот самый, легендарный... — он замолчал, сконфуженно улыбнулся, когда барон легонько кашлянул. — Молчу, молчу! В общем, очень рад познакомиться. Надеюсь, все у нас с вами пройдет прекрасно, барон уверяет, что так и будет... — он откровенно уставился на Мару. — Милейшая графиня, там, наверху, все столь же очаровательны, как вы?

— Всекие встречаются... — ответила Мара невозмутимо. И послала принцу такой взгляд вкупе с обворожительной улыбкой, что на лице принца появилась широченная глуповатая ухмылка.

Глядя на него, Сварог прилагал большие усилия, чтобы не ухмыляться самому. Действительность даже превосходила краткую характеристику, данную принцу бароном. Его высочество Кауген, за лигу видно, был прост, как две копейки. Простак из простаков. Весь какой-то нескладный, движения чуточку неуклюжие, неимоверно простецкое лицо с носом картошкой, прическа растрепана, соломенного цвета волосы так и торчат во все стороны, роскошный наряд сидит откровенно неуклюже, как на короле седло — а уж принца-то должны обшивать лучшие мастера, понаторевшие в искусстве кроем и пошивом скрадывать любые недостатки фигуры и осанки высокородного клиента... Ну что же, дэнго можно понять: этого следует, не мешкая и не раздумывая, делать марионеткой на троне, уж он-то не взбрыкнет и коварных замыслов питать не станет, в отличие от старшего братца. Литта, хотя и марионетка, все же чертовски умна, но этот... Наряди его в простое мужицкое платье из домотканины, дай в руки вилы — и никто, даже самый проникательный, не отличит от деревенского вахлака...

Сварог все же ухмыльнулся — про себя. Припомнил старый анекдот, рассказанный, кажется, принцем Элваром. Некий король не самой крохотной державы в окружении блестящего кортежа едет мимо обычного крестьянского

поля, на котором ковыряется с мотыгой обычный мужик самого затрапезного вида. Оказавшись совсем близко, и свита, и сам король с легким обалдением обнаруживают, что мужик этот похож на его величество как две капли воды — ну вылитый! Если поменяться одеждой, ни за что не отличить! Его величество, решив тонко пошутить, придерживает коня и спрашивает согнувшегося в почтительном поклоне землероба:

— Любезный, твоя матушка, часом, при моем дворце не служила в свое время?

Мужик простодушно отвечает:

— Матушка-то нет, а вот батюшка когда-то десять лет у вашего величества конюхом прослужил...

Разделавшись со вторым бокалом (и лишь легонько раскрасневшись после сего свершения), принц энергично сказал:

— Скучно что-то сидеть, хоть и мушкамбер отличный... Не потанцевать ли нам, господа и дамы? Обожаю танцы! Барон, вы бы не могли устроить что-нибудь такое... полиричнее и помедленнее? Что-нибудь из уважения к нашей очаровательной гостье... — он встал и неуклюже протянул руку Маре: — Вы позволите, графиня?

Мара, улыбаясь, встала. Барон сделал какой-то знак неизвестно кому — и под каменным сводом зазвучала натуральнейшая фарагуда. Никаких сомнений, прихваченная на Харуме, и довольно давно: несколько пар, вставши из-за столиков в разных углах зальчика, очень уж привычно исполнили первые фигуры медленного танца. Надо признать, и у принца получалось неплохо — каким бы простаком ни был, а танцор, сразу видно, хороший. Сварог востепенел — барон обращался к нему:

— А вы не хотите потанцевать, граф?

— Чуть погода, — сказал Сварог.

— Как пожелаете, — тоном радушного хозяина сказал барон. — Если все же решите, я рекомендовал бы обратить внимание на девушку в зеленом платье, вон ту, золотоволосую, — с тонкой улыбкой он добавил: — Отличная партнерша... во многих смыслах.

Сварог присмотрелся с соблюдением светских приличий. Та самая из девичьей троицы за недалним столиком, разве что оставшаяся сейчас в одиночестве — ее соседок увели танцевать Бони с Паколетом. Действительно... Роскошные золотые волосы красивыми прядями струятся чуть ли не до пояса, платье подобрано им в тон, а украшения сплошь с изумрудами, идеально гармонизировавшими с цветом больших, отчего-то чуточку печальных глаз. Вообще, вид у нее был чуточку грустный.

— Кто-то из Восьми Семейств, я так понимаю? — светски поинтересовался Сварог.

— Берите выше, — ответил барон словно бы даже с некоторой небрежностью. — Принцесса Гайния, младшая сестра принцев.

— Принцесса? — искренне удивился Сварог. — Вы никогда не говорили, что есть еще и принцесса...

— Совершенно упустил из виду... — словно бы с легким смущением ответил барон. — Это все наши старинные традиции и уклад... Я ее совершенно не принимал в расчет, как любой на моем месте, поскольку никакого значения она, собственно, не имеет... Видите ли, граф, у нас мужское общество. Женщины, какое бы положение они ни занимали... ну, никак нельзя сказать, что бесправны вовсе, однако крайне ограничены в правах, гораздо больше, чем у вас, наверху. Ни малейшего права на какую бы то ни было самостоятельную деятельность. Если король умирает, не оставив совершеннолетнего наследника или не оставив его вовсе, королева не имеет права оставаться на троне и править, она обязана удалиться в отдаленное — конечно, отнюдь не убогое — имение и доживать там. То же касается вдов любого другого сословия, от высшего дворянства до захудалого крестьянства. Всегда подыскивается ближайший родственник мужского пола, который и берет на себя управление наследством, будь то королевский трон или жалкая овчарня. Принцесс по старинной традиции всегда выдают замуж за кого-нибудь из Восемнадцати Семейств, а то и дворянина пониже, как уж

сложится. Не буду хвастать, но у меня в роду — три принцессы трех разных династий...

Сварог усмехнулся:

— Если подумать... При таких традициях отыщется куча народу, имеющего пусть зыбкие, но все же права на престол...

— Совершенно верно, — кивнул барон. — Если прикинуть... уже семействах в пятидесяти, — его улыбка стала жестче. — Ко всему прочему, это еще, признаюсь вам по секрету, неплохой метод покрепче держать в узде правящую династию. Человек делается гораздо покладистее, когда помнит, что имеется с полсотни людей, которые в любой момент совершенно законным образом — ну, или почти законным — могут заменить его на троне...

— И тем не менее нынешний король, да и старший принц, порой взбрыкивают, а?

— Случалось, и не раз, — серьезно ответил барон. — Но с этим всегда находили способ управляться, а уж тем более в сложившейся ситуации... И все же, какое впечатление на вас произвело принцесса?

— Очаровательное создание, — искренне сказал Сварог.

Ага, вот чем объясняется издали заметная легонькая грусть во всем ее облике — уже уяснила свое незавидное место в этой жизни. Значит, вот какие порядочки они у себя завели. Как это еще до паранджи не додумались...

— Но ведь в военном флоте женщины служат? — спросил он. — И в науке и технике работают, вы сами как-то обмолвились...

— Ну, что поделать, — пожал плечами барон. — И от женщин в этих областях есть серьезная польза. Другое дело, что во флоте женщина никогда не поднимется выше сержанта, а в науке и технике останется на самой низкой должности... какой бы в реальности важный пост они ни занимали и сколь серьезными проектами ни руководили бы. Старинные традиции, не нам их менять... Вас это, случаем, не коробит?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Никогда не чувствовал себя борцом за права женщин... У всех свои традиции.

И подумал: а ведь традиции эти должны в печенках сидеть у баб, особенно умных, деловых, носящих погоны, занятых в науке или какой-то области техники. Будь настрой на д о л г у ю игру, эти противоречия непременно следовало бы использовать на полную — но не стоит размазывать долгие игры... Он оглядел залычик — стараясь, чтобы со стороны это выглядело не более чем ленивым любопытством. Светильники пригасили, стоял полумрак — но он без труда рассмотрел в дальнем углу Мару с принцем. Полная и законченная идиллия, вперехлест через клюз... Фарагуда звучит уже, кажется, в третий раз, Мара безмятежно колышется в объятиях принца, никак не реагируя на то, что его ладони покоятся не на талии, а гораздо ниже, смотрит ему в глаза с самой обворожительной улыбкой, что-то то ли отвечает, то ли спрашивает — там у них идет самый оживленный разговор. Ладно, одернул он себя, нечего психовать, ничего страшного: уж из э т о г о она в два счета вытряхнет все тайны, какие только у вахлака найдутся. Работа, и не более того. Вот только грабли слишком нагло расположил, скот... И прижимает слишком нахально — что правила фарагуды, впрочем позволяют... Ага, вон и Леверлин танцует с какой-то черноволосой красоткой — само олицетворение галантности и вежливости, улыбается, на ушко что-то веселое шепчет: тоже работает человек, и неплохо. Вот и будем брать с него пример, оставаться хладнокровным...

— Вы позволите пригласить вас? Вы ведь должны хорошо уметь это танцевать, это ваш танец...

Спохватившись, он поднял голову. У столика стояла принцесса Гайния, выглядевшая словно бы чуточку робко. Барон изображал лицом самое доброжелательное поощрение. Недолго думая Сварог встал — ничего не поделаешь, коли уж ситуация требует будем крутиться в вихре светских удовольствий... Интересно, показалось ему, или нет, что барон только что сделал ей некий знак, еще когда она сидела за столиком? Может и не показалось... Бедная девочка, помыкают ею, как куклой, ага...

А вот этого не надо, резко одернул он себя, в рамках приличий прижимая к себе девушку в ритме бесконечной фарагуды. Не стоит видеть хоть в ком-то из них живых, настоящих людей, они не люди — куклы, порождение кошмарного сна, которому жизни осталось всего ничего... Ты об одном должен помнить: Морская площадь, дымная полосу над толпой, глухой хлопок взрыва... Один за другим тонут корабли уходящей от Батшевы эскадры, корабль адмирала Амонда, не сбавляя хода, следует своим курсом прямо по чернеющим в воде головам... Мертвецы с синими раздутыми лицами, вповалку лежащие на пирсах и в крепостном дворе Батшевы...

— Вам не нравится у нас? — тихо спросила Гайния, снизу вверх глядя ему в глаза с тем же робким любопытством.

— Почему вы так решили?

— У вас лицо... какое-то грустное.

— Просто изрядно устал, ваше высочество, — сказал он как мог беззаботнее. — Было столько дел...

— Да, я понимаю... — видно было, что она колеблется. Но все же в конце концов прижалась теснее, прошептала на ухо: — А скоро э т о будет?

— Что?

— Мы скоро сможем уйти наверх?

— Совсем скоро, — сказал Сварог.

И жестко добавил про себя: вот только не наверх, а, учитывая вашу сущность — в никуда...

И тем не менее... Сейчас он, как ни старался, не мог вызвать в себе должную злость. Обстановка не способствовала. Вроде бы самая обыкновенная девушка в объятиях — очаровательная, хрупкая, послушно подчинявшаяся его движениям... И эти огромные зеленые глазищи, любопытные и печальные... Ну давай, давай, сердито посоветовал он себе. Размякай душой окончательно. Настолько, что откажешься от всех планов — только потому, что с тобой танцует красивая кукла без души... Нет уж, братец, поздно отступать, да и нельзя...

— А это правда очень красиво — закат и рассвет? — с нешуточным любопытством спросила принцесса.

— Честно говоря, как-то давно уже не выпадало времени любоваться закатами или рассветами, — сказал Сварог чистую правду.

— Ну да, вы должны настолько привыкнуть, что и внимания не обращаете на эту красоту...

Она лепетала что-то еще, но Сварог уже не слушал. Смотрел через ее плечо в дальний конец зальчика, хуже всего освещенный. И прямо-таки скрипнул зубами.

Там, в углу, темнел слабо освещенный сводчатый проход — и в него как раз уходили Мара с принцем — в обнимку, тесно в прижавшись друг к другу, рука вахлака лежала уже не пониже талии, а пониже куцего подола, слышался беззаботный смех Мары, уверенный басок принца — и они окончательно скрылись с глаз. Взрослому человеку в такой ситуации нет нужды ломать голову, чем все должно закончиться, а? Паршивка рыжая. Решила работать по полной. Как тогда, в Равене. И назавтра ведь — опять-таки, как тогда в Равене — будет совершенно искренне изумляться его злости, снова заявит, что это работа и не более того, милый, дорогой, любимый, единственный... И, самое печальное, будет искренне убеждена в своей правоте.

И что теперь прикажете делать? Бросаться вслед, хватать за локоть, уводить? Нельзя, нельзя, это как раз тот случай, когда следует засунуть подальше оскорбленное самолюбие и прочие чувства, думать только о деле... Дорога королей, а? Ну да, она самая, черти бы ее побрали...

Фарагуда смолкла, в зальчике стало гораздо светлее. Танцевавшие возвращались за столики. Проводив принцессу к ее месту, Сварог притворился, будто не замечает явственно читавшегося в ее глазах желания продолжить разговор, вернулся за столик к барону. Весь кипел внутри, но старался ни за что этого не показать. Налил себе мушкетера вполне пристойную дозу и выпил вполне культурно, не то что принц Элвар или принц Кауген Хотелось стрелять, но какой в этом смысл? Остается, стиснув зубы и четко печатая шаг, шагать и шагать по бесконечной дороге королей, самой жестокой дороге на свете... Ведь что

самое поганое? Да то, что к ревливой злости явственно примешивается сейчас холодная, насквозь деловая мысль: а что, если ей и в самом деле удастся вытянуть из простака какие-то полезные тайны?

— И каковы ваши впечатления от принцессы? — с легонькой ноткой фривольности поинтересовался барон.

— Очаровательна, — кратко ответил Сварог.

— Не хотите ли продолжить знакомство? — с той же фривольностью поинтересовался барон. — Поверьте, здесь не будет никаких сложностей. Я хочу, чтобы вы, почетный гость, отдохнули и развлеклись насколько возможно, прежде чем настанет черед серьезных дел...

— Благодарю вас, — сказал Сварог. — Быть может, точку попозже. У меня уже замечательный отдых — расслабиться, сидеть и попивать ваш великолепный муш-камбер...

— Что же, не буду навязчив... Вот кстати! Как вам его высочество принц Кауген?

— Болван редкостный, — сказал Сварог. — Но, я полагаю, вам именно такой сейчас и необходим?

— Ну, конечно же, — усмехнулся барон. — Уж э т о т ни малейшего беспокойства не доставит. Великолепный образчик идиота... Вот Хаутил — э т о х и щ н и к, умный, добавлю, хищник, и оттого вдвойне опасен. А э т о т преспокойно может сидеть на троне лет пятьдесят... Вы что-то нахмурились?

— Я просто подумал... — сказал Сварог. — Болван-то он удобный, но с другой стороны... Он же не сможет удержать при себе ни одной серьезной тайны, разболтает все...

— Помилуйте! — поднял брови барон, в его голосе явственно прозвучала легкая брезгливость. — Ну подумайте сами: кто бы стал делиться с этим болваном какими-то ни было серьезными тайнами Он всего-навсего знает, что готовится, и какая роль ему отведена. А уж э т и м он ни с кем делиться не станет, он законченный простак, но не полный идиот, да и инстинкт самосохранения сработает... Так что не беспокойтесь на этот счет...

Он говорил чистейшую правду, Сварог это, как всегда, определил без труда. Но лучше от этого не стало, наоборот. Наверняка он искренне пытался успокоить Сварога, но на деле лишь рассердил. Сварог злился из-за того, что Мара ушла с э т и м — а теперь еще добавилось злости оттого, что, как совершенно точно выяснилось, она на это пошла ради пустышки. Самой следовало бы раньше подумать, дура: ну кто будет посвящать э т о г о в секреты, требующие такого именно способа их выведать?

Его теперь злило абсолютно все: и радушное гостеприимство барона, старавшегося подложить ему принцессу не ради каких-то коварных интриг, а по принципу «все для кунака»; злили бравые сподвижники, отплясывавшие с красотками; злили незнакомые усатые рожи за ближайшими столиками, бросавшие на него любопытные взгляды, когда им казалось, что Сварог этого не замечает. Украденная наверху музыка, роскошь вокруг — все злило. Означало ли это, что он не отдался полностью Дороге Королей, и в душе еще осталось что-то человеческое? Скорее всего... Хотя, кто его знает... В конце концов, никто и ничто ему не мешало все же догнать быстрым шагом уходящую парочку, разыграть ревнивца, вернуть ее за столик? Плевать, что это принц, Сварог для барона ценнее сотни этаких вот принцев, он моментально все уладил бы. Но Сварог — давай уж честно признаемся самому себе, ваше величество? — предпочел внушить себе, а будто ничего не может поделать. Так что все же — Дорогу Королей (эти слова теперь, пожалуй, мысленно придется писать с большой буквы).

Он чуточку презирав себя — и это тоже злило...

Барон осторожно спросил:

— Все в порядке? У вас вдруг стало какое-то с о с б е н н о е лицо, и выражение его меня отчего-то тревожит....

Сварог вдруг с ходу, толчком придумал отличный способ убраться отсюда, не вызвав ни малейших подозрений.

— Как вам сказать... — произнес он тихо, доверительно, — самую чуточку нездоровится...

— Нужен врач? — с нешуточной озабоченностью спросил барон.

— Нет, — сказал Сварог. — Врач здесь не поможет. Ладно, вы со мной откровенны, насколько возможно в данной ситуации, я это ценю и, в свою очередь, не стану кое-что скрывать... Вы о нас, верхних, довольно много знаете, так что, я уверен, поймете. Я ведь располагаю определенной магией, вам это должно быть известно...

— Речь идет о магии ларов? — уже скорее с любопытством спросил барон (судя по лицу, у него заработали профессиональные рефлексy).

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Другой как-то не обучен... Может, вы знаете еще, что в Хелльстаде магия ларов не действует? Перестает действовать?

— Знаю.

— Вы хороший разведчик, — усмехнулся Сварог.

— Стараюсь, — в тон ему усмехнулся барон. — Служба такая...

— Короче говоря, когда магия лара перестает действовать, испытываешь нечто схожее с недомоганием, — сказал Сварог доверительно. — Какие бы аналогии подыскать... Вялость, тоска, депрессия... В свое время, когда я обосновался в Хелльстаде, это трепало несколько дней. Потом прошло, привык, должно быть, адаптировался. Не ожидал, что снова... Видимо, все дело в том, что здесь не просто Хелльстад — еще и земные недра... В общем, я бы пошел полежать. Пара бокалов на ночь, и станет полегче. А сейчас, простите уж, настолько скверно на душе...

Барон покивал с самым сочувствующим видом — но где-то в глубине глаз все же читалось совершенно иное чувство: вполне, понятная радость разведчика, внезапно без малейших усилий получившего информацию, которую считал ценной.

— Проводить вас, граф? — спросил он предупредительно.

— Нет, что вы, — сказал Сварог. — Не настолько уж все скверно, просто тоска... Покажите только, как от-

крывается здешняя потайная дверь. Мои люди пусть и дальше развлекаются как хотят. Им легче, они-то не лары...

Барон встал первым, проводил его наверх, коснулся какого-то позолоченного завитка на затейливой лепнине, и распахнулась потайная дверь. Сказал задумчиво, словно бы самому себе:

— Тоска излечивается не только бокалами... Желаю вам побыстрее... выздороветь.

Оказавшись в своих апартаментах, Сварог собрал и швырнул на спинку кресла роскошный камзол, плюхнулся в другое. Налил себе до краев бокал мушкамбера (какого-то другого сорта, не светло-коричневого, а темно-янтарного цвета), опростал одним духом. Злость не проходила. И, если можно так выразиться, вприпрыжку пустил мысленный взор по окрестностям ресторанчика — где, конечно же, обнаружилась добрая дюжина роскошных апартаментов. В одних свет не горел, и никого там не было, в других наличествовали увлеченные друг другом парочки — но той, что он искал, все не было. Смешно, но у него теплилось наивное, он сам прекрасно понимал, желание: а вдруг все обойдется? И Мара с присущим ей умением сведет интимную встречу к простой болтовне, а там и ускользнет под благовидным предлогом?

Держи карман шире... Дорога Королей не шутит, дорогой мой, и жалости не знает... Роскошная спальня, огромная овальная постель, белая, на ней обнаженная Мара в объятиях столь же не обремененного одеждой принца, процесс в разгаре...

Побыстрее убравшись оттуда, Сварог налил себе еще. Хотелось, чтобы вокруг грохотало и ревело, чтобы трещало пламя и все живое разбегалось, чтобы...

Дилинь-дилинь-дилинь!

Кого еще черт принес? Пройдя к двери энергичной злобной походкой голодного хищника, Сварог нажал клавишу. За дверью стояла очаровательная принцесса Гайния, по-прежнему выглядевшая чуточку печальной.

А почему бы и нет? — сердито подумал Сварог. — Если вы так, то мы можем и этак, тоже, знаете ли, скучать не будем...

И открыл дверь. Принцесса вскинула на него зеленые глазищи, тихо сказала с ненаигранной вроде бы с робостью:

— Я решилась прийти...

Врала, конечно. То-то барон на прощанье обронил, что тоска излечивается не только бокалами. Но, в конце концов, какая разница?

— Прошу вас, — он посторонился. Не без легкого цинизма подумал, что принцессу как-то даже и не положено с порога тащить в спальню, необходим минимум светского обращения. — Садитесь. Что выпьете?

Она указала взглядом на высокую бутылку красного вина. Сварог со всем политесом наполнил бокал. Красавица неспешно, но целеустремленно осушила его до половины. Сидела, сдвинув колени, будто первоклассница — не то что там, в ресторанчике, где преспокойно закидывала ногу на ногу. Как ни пытался Сварог вызвать в душе злость и к н е й, плохо получалось. Стояло неловкое молчание, самому ему ни о чем не хотелось говорить, а принцесса помалкивала — скромница, чтоб ее, невинное создание, ага... Что-то плохо верится.

Наконец она подняла глаза, произнесла с таким видом, словно долго не решалась заговорить:

— Некоторые у нас говорят... Как вы считаете, мы сможем обрести душу, оказавшись... там у вас, наверху?

Сварог в этом сомневался, и крепко. Не верилось как-то. Душа человеку дается при рождении, и никак иначе — уж это-то он из разговоров с братьями-монахами и отцом Груком накрепко уяснил. И тем не менее... И тем не менее он поймал себя на том, что искренне жалеет эту в прямом смысле слова бездушную куклу, ничем на вид не отличающуюся от обычного человека. Мысль эту, конечно, следовало прогнать подальше: пожалеешь одну, начнешь жалеть других а там и всех — ну, почти всех...

Все же он сказал, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более убедительно:

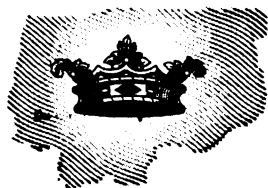
— Некоторые у нас считают, что именно так и будет обстоять. В глазах у нее мелькнула неприкрытая радость:

— Правда? Вот хорошо... Жутковато бывает, когда знаешь, что п о т о м не будет ничего...

Ладно, сказал он себе, представь, что тебе все это снится. Одного из персонажей твоего сна можно и пожалеть, это ровным счетом ни на что не влияет... Позволяет остаться спокойным и хладнокровным, четко печатающим шаг по Дороге Королей. Сон, и все тут, мало ли какими реалистичными выглядят иные сны...

Принцесса отставила бокал и встала. Опустила глаза. Все сон, еще раз напомнил себе Сварог, медленно поднялся, подошел к ней и положил руки на плечи, притянул. Она подчинилась, шепнула на ухо:

— Пойдемте в спальню...

СЮРПРИЗЫ ЧЕРЕДОЙ

Вопреки легкому беспокойству, ночная гостья никаких особенных беспокойств не доставила, так что и лицедействовать не пришлось. После всего она (чего Сварог терпеть не мог) она не стала плести никаких романтических бредней и не пыталась у него ничего выведать. Так что пришлось согласиться: барон ее подослал не в качестве агентессы, а просто-напросто принимал гостя по полной программе. Правда, одно время она, хоть и достаточно робко, принялась задавать вопросы о в е р х н е м мире: но именно такие, какие могут быть продиктованы именно любопытством. Сварогу не особенно и хотелось читать ей подробные лекции о внешнем мире, и он отделался — не моргнув глазом, ответил: слишком долго было бы рассказывать о том и об этом, ты сама все равно скоро многое увидишь, милая... Она особенно не настаивала: оказалась не то что особенно робкой, но, конечно же, давно уяснила положение женщины в этом мире, и свое собственное тоже. Так что сон оборвался на рассвете — с провожением до двери, поцелуем в щеку и заверением, что все будет хорошо.

Оставшись один, он подошел к окну. Наступал серый, мутноватый рассвет, окружающий мир выглядел как-то мрачновато, даже охранник с собакой, лениво проходив-

ший по дорожке поодаль, выглядел так, словно отбывал досадную повинность (то же самое выражение удивительным образом читалось и на морде собаки). Вновь вернулась злость на все, учиненное вчера Марой — но какая-то уже устоявшаяся, скорее зудящая, чем болезненная. Он подумал — точнее, вспомнил, — с к о л ь к о девиц оприходовал со времен знакомства с Марой. И она ни разу не высказывала ни малейших претензий, наоборот, иных сама отправляла в королевскую спальню. Не умела ревновать, и все тут. Так что справедливости ради следовало и ему один-единственный раз стиснуть зубы и потерпеть — тем более что все происходило в интересах дела, как тогда, в Равене...

Он пробежался по апартаментам Мары — и нигде ее не обнаружил. Спать что-то не хотелось (может, и впрямь некая адаптация к Токерангу пришедшего сверху человека), развалился на роскошной постели и отправил мысленный взор туда, куда и раньше хотел заглянуть, но не нашел времени: в один из исполинских ангаров базы подводных лодок.

Странный оказался какой-то ангар. Начать с того, что туда вел отдельный туннель — никак не сообщавшийся с тем помещением, где расположились боевые субмарины, — но охранявшийся, пожалуй, даже крепче, чем первый. В отличие от базы боевых подлодок, где добрая треть эллингов оставалась незанятой, здесь стояли на швартовах все тридцать две лодки — и каждая не менее чем на треть длиннее боевой. И что самое интересное, все они до одной, такое впечатление, были не боевыми. Конечно, были и спаренные носовые орудия, и торпедные аппараты, но у каждой позади овальной рубки имелся один-единственный грузовой люк, наподобие того, что был и у него на Рагнароке. Голову прозакладывать можно, лодки все до одной грузовые. Причем возле н и х, в том потаенном ангаре не было ни малейшей суеты: ни грузовиков, ни погрузчиков, ни матросов. Разве что там и сям идеально расхаживали часовые, и было их гораздо больше, чем в отсеке боевых. Попробовал заглянуть внутрь одной — умение не подве-

ло и здесь. Посмотрел вторую, третью. Действительно, в корме не видно к боевым частям — только обширные грузовые трюмы, а в некоторых еще, в носовых отсеках — еще и самые настоящие салоны, с креслами, чересчур удобными для простых моряков... Интересно, на что это такое он наткнулся? О б ы ч н ы е грузы, он давно убедился, как раз и перевозили на боевых подлодках, вовсе не снабженных подобными удобствами для путешественников (хотя роскошные кают-компании для офицеров, конечно же, и там имелись). Или это кто-то из дэнго порой выбирается на экскурсии наверх, с большим комфортом, как истинным владельцам страны и полагается?

Он встрепенулся, когда часть сознания, оставленная словно бы на страже, подала сигнал. Торопливо оделся, вышел в коридор и, не колеблясь, нажал клавишу звонка в апартаменты Мары, когда увидел, что она, в роскошном белоснежном халате до пят, вышла из ванной с самым безмятежным видом, села в кресло, налила себе золотистого вина.

Мара открыла сразу же, с безмятежной улыбкой, как будто ничего вчера и не произошло, впустила его, кивнула на свободное кресло:

— Выпьешь что-нибудь? Сердишься, конечно? Не забыл, что я тогда тебе говорила в Равене? Ты у меня один, а если временами, очень редко, что-то и случается, то исключительно для пользы дела... Ну, не смотри ты на меня так, я же никогда не ревновала ко всем твоим девкам и не намерена этого делать впредь. Мало ли как в жизни оборачивается... Ты бы без меня, скоро сам признаешь, блуждал бы в потемках неизвестно сколько времени... Поблагодарил бы лучше.

— Благодарю, — сказал Сварог не без язвительности. — Интересно только, за что? Какие такие секреты можно вызнать у этого простака, которого никто не принимает всерьез? Даже те, кто его намерен использовать по полной?

— Ты ему дал удивительно точную характеристику, — сказала Мара, глядя на него поверх бокала с загадочной легкой улыбкой, в которой что-то не замечалось ни тени

раскаяния, ни разочарования. — Впрочем, в точности как и остальные здесь, включая всемогущих и вездесущих дэнго. Ах, как он вас всех купил простачок с соломой в волосах, в том числе и тебя тоже, не говоря уж о бароне... В общем, все эти вынужденные постельные кувырки того стоили. Знаешь, то, что тебя так злит — да, злит не на шутку, по глазам вижу — заняло относительно мало времени. В основном мы говорили о крайне серьезных делах... — она помотала головой с тем же сыгранным выражением. — Знаешь, он меня порой даже чуточку восхищает, не как мужчина, конечно, не бери в голову. Как человек, ухитрившийся долгие годы носить маску безобидного, туповатого, никому не опасного дурачка.

— Маску? — вырвалось у Сварога.

— Вот именно, — кивнула Мара с ангельской улыбкой. — Это и есть г л а в н ы й заговорщик здесь, человек, твердо намеренный не просто свергнуть дэнго — уничтожить всех до одного. Едва прознал о проекте «Нормальный размер», приступил к делу. Только, в отличие от старшего брата, вовлекавшего в заговор прямо-таки рядами и колоннами, а потому терпевшего поражение за поражением, людей подбирал с большим разбором. Потому сих пор и не разоблачен, мало того, выбран на роль удобной марионетки. Десятка полтора человек, в основном на ключевых постах. Классический «спящий заговор», тебе напомнить, что это такое?

— Не стоит, — мрачно сказал Сварог.

Интагар его в свою время хорошо учил — и начальники других тайных служб внесли свою лепту...

«Спящий заговор» — кошмар любой тайной полиции. И успеха достигает сплошь и рядом гораздо чаще, чем обыкновенный. Узкий круг людей, которые собираются в случае очень уж крайней необходимости, когда в позиции нужно изменить что-то важное. Обычно такой заговор не растет ни шири, ни глубь, что до предела затрудняет п о д в о д к нему агентов. Его члены не просиживают по уединенным подвалам и прочим романтическим местечкам, не устраивают шумных собраний с прокля-

тями тирану, не размахивают длинными сверкающими кинжалами, не оставляют планов на бумаге. Они просто-напросто ставят перед собой конкретную цель, идут к ней потаенно и неотвратно, как термиты, — и однажды в самый неожиданный момент наносят удар, как правило, достигающий цели. Конечно, и т а к и е заговоры порой удастся разоблачить — но раз в десять реже, чем обычные. В чем за последние двести лет убедились на своем печальном опыте не менее десятка коронованных особ и временщиков фаворитов, сидевших, казалось бы, прочнее некуда...

— Что, плохо верится? — деловито спросила Мара. — Мне тоже сначала верилось плохо, но это очень быстро прошло, когда речь зашла о деталях и подробностях. Очень уж разительный контраст между внешним обликом и острейшим, коварным умом... Все продумано. Между прочим, даже одежда на нем сидит так нескладно оттого, что старый верный портной давненько ее шьет с легонькими изъятиями — последний штрих к завершению образа недалекого простака... Чего он хочет от жизни, тебе, надеюсь, уже понятно?

— Да где ж тут не понять... — сказал Сварог. — Хочет, выйдя наверх, стать единоличным королем. Без всяких надзирателей, опекунов и прочих кукловодов. Считает, что тебе не в пример выгоднее иметь дело с одним-единственным вассалом, чем с кучей амбициозных магнатов... По-моему, тут он прав, а?

— Абсолютно, — сказал Сварог с жестким лицом. — Дэngo — это вещь в себе, контролировать одного-единственного вассала не в пример легче...

— В общем, раньше у него были какие-то другие планы. Он не стал о них подробно рассказывать, лишь заметил мимоходом, что теперь они устарели. Теперь — это когда явились мы. И сейчас он хочет, чтобы мы перебили дэнго к чертовой матери, нам это сделать, согласись, не в пример легче, чем кому бы то ни было другому. Ну, а остальное он берет на себя — сделать так, чтобы роды дэнго навсегда лишились возможности мстить и ничем

уже не смогли воспрепятствовать. Чтобы от дэнго и след простыл.

— Так-так-так... — усмехнулся Сварог, — если я правильно понимаю, это будет что-то вроде Чедоварской резни? Когда под нож пошли все — и всеильный вроде бы фаворит, и его обсевшая высокие посты родня и, наконец, те, кто слишком много теряли со сменой фаворита?

— У меня тоже создалось такое впечатление, — безнадёжно сказала Мара. — А ещё создалось впечатление, что для этого якобы простак с острым, как бритва, умом, переступить через труп — все равно что переступить через бревно. Не обинуясь количеством трупов. Он не вдавался в детали. Он просто улыбнулся и небрежно обронил: «В конце концов, их будет не так уж слишком много». И улыбочка при этом была такая, что холодок по коже... Что скажешь?

— Что нам гораздо выгоднее иметь дело с одним-единственным честолюбцем, — сказал Сварог. — А не с советом из восьми, которые ещё и могут не прийти к одному мнению и за которыми стоят немаленькие роды. Хотя... и за ним наверняка кто-то стоит...

— Уж это безусловно, — сказала Мара. — Наверняка те самые обделенные властью Десять Семейств — но пройдет слишком много времени, прежде чем они хотя бы отдаленно сравняются властью с дэнго — да и невозможно это по чисто техническим причинам.

— То есть?

Мара прищурилась:

— Тебе не приходило в голову, как это дэнго удалось так долго и надёжно удерживать власть?

— Давненько голову ломал, — признался Сварог.

— Я тоже, — сказала Мара. — Такого просто не должно быть, никакая группа лиц, пусть влиятельных, запустивших щупальца куда только возможно, не смогла бы удержаться так долго. Так вот, он, видимо, решив поставить все на карту, мне этот секрет выдал. Понимаешь ли, существует так называемая Машина Последнего Дня. Техническое устройство, способное начисто уничтожить Токеранг.

Чтобы пустить ее в ход, нужно одновременно вставить восемь ключей... сам догадаешься, кто их постоянно носит на шее? Собственно говоря, это не такой уж страшный секрет, его знает практически все дворянство и многие из престолярды: что дэнго, вставив каждый свой ключ, способны уничтожить Токеранг. Весь. До основания. Он даже подробности рассказал ... Когда-то, столетия назад, это был мощный ядерный заряд, заложенный неизвестно где. Но потом появился кто-то особенно умный, с большим знанием человеческой психологии. Видишь ли, ядерный заряд — это некая абстрактная опасность, с течением времени переставшая пугать всерьез. И они переделали Машину. На участке Итела, проходящем над Токерангом, заложены на дне заряды самой обычной взрывчатки. Восемь таларских лиг в длину, шириной от восьмисот до девятисот ударов — в зависимости от ширины реки. Работы начались примерно сто двадцать лет назад и продолжались не менее сорока. Они построили уйму подводных аппаратов, усилия и жертвы были громадны — но у них тут не считаются с усилиями и жертвами, одна постройка базы подводных лодок чего стоит... Пояс смерти, как его еще называют, постоянно проверяется, подновляется, содержится в идеальном порядке, за это отвечает немаленькая контора, возглавляемая, нетрудно догадаться, дэнго. Одним словом, достаточно поворота восьми ключей — и в «потолке» образуется провал. По расчетам, чтобы полностью затопить Токеранг, понадобятся неполные сутки... Одновременно с помощью каких-то устройств начисто уничтожатся все научные и технические Лаборатории Заречья — в пыль, в щебенку. Глушатся ядерные реакторы. От научных достижений Токеранга не остается ни детали. Принц об этом не говорил, но я подозреваю, что задумано было все не только для устрашения страны. На случай возможного вторжения, отбить которое у них не хватит сил.

— Ну да, похоже на правду, — проворчал Сварог. — С их милой привычкой взрывать ангары для подводных лодок... Где эта чертова машина упрятана?

— Вот этого принц не знает, — пожала плечами Мара. — У меня, увы, нет твоего умения моментально отличать ложь от правды. Но есть сильные подозрения, что все же знает, сукин кот. Не зря он просто хочет, чтобы мы перебили дэнго — он хочет получить еще и ключи. В знак военной и нерушимой дружбы — принц говорил, что нам-то ключи ни к чему, а ему будет легче управлять страной, если станет известно, что ключи перешли к нему...

— Подожди-ка, — сказал Сварог, — но ведь Машину, в конце концов, не так уж трудно вычислить. Я слышал краем уха, что дэнго всякий раз собираются в разных местах, в условиях строжайшей конспирации, да и машина не стоит на виду, но все равно, при долгих и неустанных усилиях...

— Я пробовала кое-что прикинуть на скорую руку... — сказала Мара. — Вряд ли машина скрыта в каком-то особо глухом и потайном подземелье — им самим это затруднит туда доступ при непредвиденных обстоятельствах. И вряд ли они сами собираются в каких-то глубоких подвалах — по тем же причинам. Какая-то военная база, не обязательно расположенная под землей... Или роскошный великосветский притон вроде вот этого. Чье-то поместье, да что там, совершенно безобидное здание вроде Канцелярии ^{уличного} движения — с потайными входами и потайными комнатами... Они, мерзавцы, страшно предусмотрительны. Опять-таки многим известно, что Машина Последнего Дня будет работать исключительно тогда, когда в скважины одновременно будут вставлены восемь ключей. Если ее попытаются взломать каким-то образом, тут же и произойдет взрыв, так уж она устроена...

Есть еще какие-то секреты на ниве безопасности, но принц клянется, что их не знает, никто не знает, кроме дэнго...

«Или Паколета, способного открыть без ключей любой замок, подумал Сварог. В конце концов, и с виманой справился, а уж там техника была на порядок выше. Ну что же, кто сказал, что вода хуже ревущего пламени?»

— Что ты усмехаешься? — спросила Мара.

— Да просто подумал... — сказал Сварог. — Если этот хитрец в маске простачка желает править единолично, это как-то не предусматривает наличия в живых ни его папеньки, ни старшего брата...

— Пожалуй, он и через них переступит, — кивнула Мара. — Нужно видеть его лицо, когда он позволяет себе сбросить ненадолго маску. Другой человек.

— И к какому же итогу вы пришли?

— Он хочет встретиться с тобой, — сказала Мара. — Он же прекрасно понимает, что именно ты все решаешь. Вот вы и будете — две высокие договаривающиеся стороны. Кстати, удобный случай подвернется послезавтра. На послезавтра назначена Большая королевская охота, барон говорил, и мы на нее приглашены. Ну, а уж на охоте, в пылу погони, двум всадникам легко оторваться от любой свиты и обговорить дела... Что ты нахмурился?

— Как бы твой принц не оказался даже хитрее, чем он есть, — сказал Сварог. — Откуда мы знаем, что он стремится наверх? Исключительно с его слов. Может, он по-прежнему хочет править именно з д е с ь. Мы приканчиваем дэнго, отдаем ему ключи — после чего получаем клинок в спину — а он остается на троне...

— Но ведь в этом случае твоя Золотая орда...

— А откуда он об этом знает? — пожал плечами Сварог. — И почему не может решить, что это блеф? Ладно, я с ним встречусь. А там посмотрим, насколько он говорит правду и о чем умалчивает. Я просто просчитываю разнообразные варианты, как привык... Между прочим, здесь снова начинаются юридические крючкотворства, примечания мелким шрифтом и все такое прочее, касающееся магии столь же напрямую, как банковских контрактов. Я говорил с Грельфи перед отплытием. С а м он будет уверять, что не намерен причинять нам ни малейшего зла — но где-нибудь в коридоре с парой дюжин гвардейцев засядет вернейший лейтенант, получивший приказ перебить всех до одного, кто первым по коридору пройдет. Ага, и так можно обойти, если ты не знала...

— И все равно, — сказала Мара. — Придется рисковать...

— А иначе зачем мы сюда появились? — хмыкнул Сварог. — Будем рисковать, впервые, что ли? Машина Последнего Дня... Это интересно. Крайне.

— Что же, я хорошо поработала? — спросила Мара.

— Хорошо, что у ж там... — проворчал Сварог, поневоле глядя в сторону. — Значит, говоришь, Большая королевская охота... Не глупо.

Дилинь-дилинь-дилинь!

Сварог не спеша подошел к двери, сделал ее прозрачной и увидел в коридоре Леверлина. Торопливо повернул ручку. Войдя, граф с порога окинул прихожую многозначительным взглядом.

— Все в порядке, — сказал Сварог.

У него уже вошло в привычку, едва войдя в свои апартаменты или к кому-то из сподвижников, моментально глушить все «глаза и уши» — вдобавок и те крохотные микрофончики, что оказались укрыты в рукавах и воротниках всех без исключения мужских камзолов и женских платьев, начиная с военно-морской формы — ну что ж, барон был предусмотрительным профессионалом, и с этим следовало считаться... .

Леверлин присел за столик, налил себе вина. Сказал без выражения:

— Есть интересные новости.

— Вот совпадение, — сказал Сварог. — А уж у нас-то... Вот что. Пусть сначала рассказывает тот, у кого новости короче.

— Тогда, наверное, я, — сказал Леверлин. — Всех новостей у меня — одна записка.

Он запустил пальцы поглубже под алый обшлаг камзола, достал небольшой квадратик бумаги, аккуратно сложенный в несколько раз, подал Сварогу. Пояснил:

— Ну, коли уж ты мне велел держаться в образе... Пришлось весь вечер ухаживать за одной очаровательной белокурой стервой — танцы до последнего, спальня... Меж-

ду прочим, учитывал все последующее, мне показалось, что это не я ее выбрал, а она меня...

— Женщины это умеют, — кивнул Сварог. — И что было дальше?

— А дальше, когда мы отправились в спальню, она сунула мне эту записочку за обшлаг. И тихим шепотом предупредила: «Отдадите лорду Сварогу». Добавила, что это крайне важно и секретно. И больше до утра не произошло ничего... необыкновенного.

— Интересно, — сказал Сварог. — Вот уж никогда бы не подумал, что здесь найдется дама, вздумавшая бы отправлять мне записочки...

Может быть, принцесса? — подумал он. — Мало ли что ей пришло в голову...

Проще всего было развернуть загадочное послание, что он и сделал. Небольшой листок мягкой бумаги исписан бисерным почерком. Пробежав его глазами, Сварог пожал плечами и негромко прочел вслух: «Милорд! Две незнакомых вам, но безусловно расположенных к вам дамы хотели бы поговорить по крайне важному делу. Насколько нам известно, время завтрашнего дня до полудня у вас свободно. Ваше желание поехать осмотреть город ни у кого подозрений не вызовет. Ждем в одиннадцать часов пополудни у Зоологического музея. Синий автомобиль с гербом на дверцах. Ваш водитель — человек надежный».

Ниже тонюсенькими штришками, был изображен вышеупомянутый герб — довольно простой, а значит, из самых древних, как с гербами и бывает.

— Да уж, интрига запутывается, — сказал Сварог. — Особенно если учесть, что здесь не положение женщин им прямо запрещает впутываться в какие бы то ни было интриги... А у этих, изволите ли видеть, и мужчина в сообщниках... У кого-нибудь найдутся соображения?

Судя по лицам сподвижников, у них не было и тени соображений. У Сварога, впрочем, тоже.

— Ловушка? — предположила Мара.

— А смысл? — пожал плечами Сварог. — Убить меня трудновато...

— Но при определенных условиях это и женщина может сделать, — уточнила Мара.

— Не спорю, — сказал Сварог. — Ну что же, постараюсь держаться подальше, так, чтобы не достали кинжалом — а никаким другим способом меня не взять... Зоологический музей, насколько я помню — пристойное заведение в центре города... Вот, кстати. Когда вы оба разъезжали по городу, слежки за собой не засекли?

— Ни тени подобного, — уверенно сказала Мара. — Ни на улицах, ни в магазинах.

— На улицах я тоже не заметил, — сказал Леверлин. — И в библиотеке за мной никто не топал.

— Ну, тогда будет логично предположить, что слежки не будет и за мной... — сказал Сварог... — Я поеду один. Кошка, что ты встрепелась? Не надо простирасть заботу обо мне до такой уж степени. Да и нашему любезному барону это может показаться подозрительным. Интересно... — повторил он. — Кто-то еще знает о нашей миссии, знает, кто я такой, и это, что добавляет странностей, женщины... Леверлин, как выглядела эта твоя белокурая прелестница?

Леверлин пожал плечами:

— Как классическая великосветская шлюха. С графским медальоном, одетая, как все они здесь...

— Никакая не зацепка, — сказал Сварог. — И ни о чем еще не говорит, а? Разве что... Есть одна интересная деталь. Я сам до сих пор представления не имел, что время с завтрашнего утра до полудня у меня свободно — а вот они это прекрасно знают. Любопытно, что они знают еще, чего я не знаю? В общем, нужно ехать, и никаких. Посмотрим...

Дилинь-дилинь-дилинь!

Сварог и этот раз оказался первым у двери. Увидев в коридоре раззолоченного лакея, подумал с любопытством: неужели будут еще сюрпризы? Нет, непохоже что-то: профессионально бесстрастный благообразный тип в золотых позументах и самоцветных пуговицах низко поклонился:

— Господин граф, господин барон Лог Дерег просит оказать ему честь и позавтракать с ним в Зеленой Гостиной...

— С удовольствием, — сказал Сварог и вспомнил кое-какие сборники этикетов. — Мне следует переодеться?

— О нет, господин граф, здесь этикет не соблюдается особенно уж строго... разрешите проводить вас, господин граф?

— Пойдемте, — сказал Сварог.

Вполне возможно, это означало, что беззаботное безделье наконец кончилось — чему он был только рад.

Неторопливо шагая следом за раззолоченным лакеем, он все еще чувствовал, как где-то глубоко внутри король борется с человеком — но как-то уже крайне вяло, скорее по инерции. Человек по-прежнему злился на Мару — а вот король мог быть доволен: не устрой она эту затею, они неизвестно когда получили бы столько важной и секретной информации, что принц Кауген — не простак-марионетка, а умный и коварный интриган, заговорщик номер один в Токеранге. Что существует эта их Машина Последнего Дня, и восемь членов дэнго могут привести ее в ход восемью ключами. Приходилось теперь на ходу менять планы — ну, ничего особенно сложного или печального: хороший командир должен это уметь...

Зеленая Гостиная и в самом деле была выдержана в изумрудно-малахитовых тонах — и, судя по ее небольшим размерам, служила местом совещаний для крайне узкого круга лиц: всего-то четыре кресла у низкого столика. Значит, дэнго собираются все же не здесь... Ничего от б у д у а р а, ничего, что свидетельствовало бы о том, что здесь встречаются с женщинами — мебель откровенно д е л о в о г о вида, секретер в углу больше всего напоминает канцелярский шкаф, рядом с ним стол, на котором, сразу видно, удобно раскладывать бумаги и карты...

Барон встал ему навстречу, спросил, полное впечатление, с искренней заботой:

— Как вы себя чувствуете?

— Нельзя сказать, что прекрасно, — сказал Сварог. — Но, в общем, настроение бодрое и деловое. Отпустило, одним словом. Ну, это всегда ненадолго...

И вслед за радушным жестом барона, присел к богато накрытому столу. Есть не особенно и хотелось, поэтому он просто налил себе вина. Впрочем, барон тоже не выказывал желания предаться чревоугодию: не прикасаясь к неизвестным роскошным яствам, тоже налил себе полбокала.

— Ну что же, нет смысла ходить вокруг да около, — сказал он решительно. — Через два часа вам назначена встреча с дэнго. В полном составе, разумеется. Конечно, это касается и ваших спутников. И потому я хотел бы с вами предварительно поговорить... Во-первых, взвешивайте каждое слово, особенно когда станете беседовать с герцогом Витреджем. Он — самый умный человек там... — барон легонько улыбнулся. — И, как это частенько с умными людьми случается — себе на уме... Не забывайте к тому же, что он — из колеблющихся, окончательного решения еще не принял. Во-вторых, поговорите предварительно с вашими дамами. Попросите их участвовать в переговорах... скажем, без лишней активности. Ну, вы же понимаете — наши старинные традиции, роль и положение женщин в нашем обществе...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Не держать язык за зубами вовсе, но вести себя, словно новоиспеченный лейтенант в компании заслуженных полковников...

— Примерно так. Впрочем, им и не придется особенно разговаривать... да и вообще, вероятнее всего, беседа будет вестись лишь между герцогом и вами. Кстати, я тоже буду достаточно пассивен, не удивляйтесь, — он вновь улыбнулся этой своей тонкой коварной улыбочкой. — Я — самый молодой член совета, мне положено проявлять скромность и особенно не высовываться, играть, скорее, роль консультанта...

Нет, Сварогу не показалось — в его голосе таилась та самая злость, с которой он поминал «замшелых консерваторов». Ну что же, не впервые в истории двух планет:

закосневшие фельдмаршалы и молодые честолюбивые лейтенанты, считающие, что у них получится гораздо лучше... Должен, обязательно должен быть еще один важный мотив: барон чувствует что-то вроде уязвленного честолюбия. На что имеет некоторые основания. В конце концов, именно он делает главную работу наверху, рискуя жизнью, — а сановные старики, сколь бы большого ума ни были, отдавая лишь ценные указания и приказы. А молодчик несомненно честолюбив. Как бы на этом сыграть?

— Будет что-то вроде обсуждения? — спросил он.

— Не сегодня, — ответил барон. — Сегодня герцог намерен лишь предъявить вам наши... предложения, чтобы вы их вдумчиво рассмотрели. Времени у вас будет достаточно. Завтра после обеда — королевская охота, ну, а послезавтра мы все соберемся с утра, выслушаем ваше мнение, вот здесь могут возникнуть обсуждения и дискуссии. Ну, а потом дэнго примут окончательное решение. Не думая, что это затянется на сутки, — он усмехнулся. — Они все прекрасно помнят, какие меры предосторожности вы приняли, да и я о них не имею права забывать...

— Вы считаете эти меры чрезмерными, — небрежно спросил Сварог.

— Ну что вы, — спокойно сказал барон, — и никто не считает — в большой политике никогда нельзя доверять в с е ц е л о. Вполне разумная предосторожность... Мы бы действовали точно так же, придумав что-то в таком же роде...

«А может, уже придумали, — подумал Сварог. — Ничего, дай только срок, красавчик, и я тебя выпотрошу до самых пяток». Сегодняшний ночной эксперимент с принцессой показал, что старуха Грельфи была совершенно права, орден бы ей повесить, но к наградом старая колдунья относится наплевательски, ворча: «В мои годы не хватало еще орденами себя обвешивать...» Интересно, а барон знает, где упрятана Машина Последнего Дня? По своему положению не может не знать. Быть может, не тратить время на дипломатические экивоки, а пришло-

рить события резко? Вот прямо сейчас? Нет, не стоит пороть горячку, время еще есть, и не вся информация собрана... И непредвиденные случайности возможны... Так что будем действовать спокойно и хладнокровно — как сам всегда учил своих орлов...

— Ну, а потом, когда все будет решено, займемся чисто техническими подробностями, — сказал барон. — Переселение, обустройство... масса деталей, которые нужно проработать вдумчиво и сообща. Решено, что теперь мы, в свою очередь, отправим к вам представительную делегацию.

— Рад буду принять, — сказал Сварог. — Послушайте, барон... Есть вероятность, что решение будет отрицательным?

— Мы вам так нужны? — с хорошо рассчитанной небрежностью осведомился барон.

Сварог ответил ему в тон:

— Откровенность за откровенность, любезный барон... Никак нельзя сказать, что вы не нужны мне вообще... но нельзя и сказать, что вы мне крайне необходимы, что без вас из моих планов ничего не получится. Однако скрывать не стоит, вы для меня — серьезное подспорье... и еще долго будете оставаться таковым. Планы у меня разработаны долгие, на годы и годы.

Барон усмехнулся:

— По-моему, мы с вами сработаемся... простите за такую вольность в выражениях... ваше небесное величество...

— Ну, не торопите события, — сказал Сварог, подпустив в тон легкую долю цинизма. — Я чуточку суверен... Вот кстати... На завтрашнее утро у нас намечены какие-то официальные мероприятия?

— Нет, — сказал барон. — Королевская охота начнется после полудня, а дэнго, как я говорил, на следующее совещание приглашают вас только послезавтра. У вас есть желание еще как-то развлечься?

— Не знаю, развлечение ли это... — сказал Сварог. — Мне бы попросту хотелось пару часов покататься по го-

роду, посмотреть Клорену. Чисто человеческое любопытство.

— Никаких сложностей, — тут же ответил барон. — Назначьте время и у главного подъезда вас будет ждать машина. У вас есть какие-то конкретные пожелания?

— Да нет, пожалуй, — сказал Сварог. — Попросту поколесить по городу, когда мы спускались от базы, мне показалось издали, что он довольно красив.

— Безусловно, — сказал барон. — Найдется водитель, который хорошо знает городские достопримечательности и сможет быть хорошим экскурсоводом.

«Интересно, это тот самый, о котором упоминали в записке неизвестные дамы? — подумал Сварог. — Если нет — ни черта не получится. В любом случае нужно будет проверить завтра машину на предмет микрофонов...»

— Вы так и не ответили, барон, — сказал он, подумав. — Коли уж разговор у нас крайне откровенный... Есть ли вероятность, что решение будет отрицательным?

— Я сделаю все, чтобы этого не допустить, — немедленно ответил барон, и лицо у него стало таким, с каким, прищурив глаз, смотрят на дичь поверх мушкетного ствола.

Сварог подумал: интересно, насколько далеко простираются твои наполеоновские планы? Самому тебе чертовски хочется наверх, это уже ясно. Переворот? Но принц говорил Маре — дэнго давным-давно просчитали все мыслимые и немыслимые варианты, по которым кто-то один попытался бы захватить власть, — и разработали все мыслимые и немыслимые меры, чтобы этого не допустить. Как и сам Сварог сделал бы на их месте. Как опять-таки признавался принц, за все это время случалась лишь пара попыток, когда кто-то один пытался взять власть — и всякий раз это для него кончалось печально.

Вот только двух вещей они, похоже, все же не предусмотрели: что некий принц окажется не простаком, а коварным заговорщиком, что придет человек, у которого на уме вовсе не взятие власти — совершенно наоборот... Все их предосторожности были рассчитаны исключительно на с в о и х, выскочек из сплоченных рядов... Здесь просто

обязана работать определенная инерция мышления — и сработает она на нас...

...Последующие события напоминали классический шпионский боевик. Вся компания в сопровождении барона уселась в тот самый наглухо затонированный автобус, что привез их с базы (все, включая барона, вновь были в морской форме). На сей раз он направился не к главным воротам, а куда-то в объезд, по территории, оказавшейся гораздо более обширной, чем Сварогу представилось поначалу: еще несколько таких же домов, как тот, в котором их поселили, другие здания, отнюдь не убогие, но на фоне остальных выглядевшие домами для прислуги и всевозможными подсобными помещениями (какими они, несомненно, и были), вертолетная площадка с полудюжиной винтокрылов, сразу видно, чисто пассажирских: еще какие-то постройки непонятного назначения. И повсюду над подъездом или крыльцом, даже в самом по здешним меркам убогом домишке — неизвестная корона, та самая, что Сварог уже видел на медальоне принца Каугена. Перехватив его удивленный взгляд, барон усмехнулся:

— Собственно говоря, это одна из загородных резиденций принца. О чем всем известно. И часть ее отведена под роскошный клуб для членов Восьми Семейств. О чем опять-таки многим известно. Ну, а то, что порой здесь проводятся крайне важные совещания, известно уже немногим. Психология чистой воды. Принц Кауген — последний в Токеранге, которого можно заподозрить в том, что у него во дворце порой происходят и с е р ь е з н ы е встречи, серьезные разговоры... Принц Кауген — это олицетворение простоты, пустых развлечений, назовем вещи своими именами, туповатый прожигатель жизни, даже на фоне отнюдь не блещущей интеллектом придворной толпы смотрится серенько...

«Вот на это он вас и купил, — не без веселости подумал Сварог. — И вы поймались...» Асфальтированная дорожка упиралась в высокие глухие ворота в заборе, протянувшимся вокруг отдаленного уголка поместья. Здесь уже не было никаких строений — только красиво разбитый парк

с мозаичными дорожками, фонтанами и статуями. Там, перед воротами, стоял еще один автобус — точная копия того, на котором они ехали. Они остановились уардах в ста за ним. Справа от ворот красовалась красивая будочка, ничуть не похожая на уродливый блокпост, и возле нее прохаживались двое с автоматами, в красивой форме, похожей, скорее, на гвардейскую. Один из них обернулся к будочке, ворота медленно разъехались, передний автобус выехал, повернул куда-то, и ворота сразу же захлопнулись.

— Необходимые предосторожности, — сказал барон спокойно.

Еще через пару минут настала их очередь, ворота распахнулись, и выскочивший из них автобус свернул налево. Вокруг тянулись обширные зеленые лужайки, и только далеко за ними начиналось редколесье. Сварог оценил ландшафт по достоинству — и наблюдателю невозможно приблизиться, достаточное расстояние, и группу для штурма дворца незаметно не накопить.

Автобус проехал с лигу, потом свернул направо и относительно медленно, без лишних выражений принялся петлять — надо полагать, где-то по городской окраине, меж невысоких бедноватых зданий, каких-то высоких длинных заборов и чахлах рощиц. Пока не оказался перед воротами, украшенными по обеим створкам знакомым гербом подводных сил (и ни единой надписи). Ворота распахнулись моментально. Снаружи охраны не было, а вот внутри обнаружился КПП, и с двух сторон дорожки стояли вооруженные моряки. Оказалось, это еще не конечная цель путешествия. Автобус подвез их к зданию казенного вида с табличкой «Склад № 11», и барон предложил:

— Пойдемте. Здесь нужно будет переодеться и сменить машины... Предосторожности, увы...

Сварог ничего удивительного в этом не видел: дело житейское — дэнго не застрахованы от лихого налета диверсантов, при той-то горячей любви, которую к ним здесь питают... Их развели по двум разным комнатам, для муж-

чин и для женщин, откуда они — в том числе и барон — вышли уже одетые дворянами средней руки. Но потом повели не прежней дорогой, и они оказались в подземном гараже, где расселись по двум роскошным легковым машинам с какими-то дворянскими гербами на дверцах и затемненными стеклами. Поднявшись по отлогому подземному пандусу, машины выехали, такое впечатление, довольно от здания, в какой-то более благоустроенной части города, и дома там были выше, и особняки среди них попадались чаще, и светофоры. И все же уличное движение не показалось Сварогу особенно уж оживленным — как его и засняли в свое время Золотые Шмели...

Петляния эти затянулись надолго. Барон все это время сохранял полное спокойствие, не оглядывался назад — но в ухе у него красовался маленький шарик на блестящем кольцевом проводе. Вероятнее всего, у их кортежа была какая-то подстраховка, ради выявления возможной слежки.

Очередная ограда — на сей раз не глухой угрюмый забор казенного вида, а высокая, ажурная, с красивыми перекадинами в форме древесных листьев, завитушек и ромбов. И встретил их не очередной мрачный автоматчик, а привратник в ливрее — правда, Сварог тут же подметил, оттопыренной на левом боку совершенно недвусмысленно. Они подъехали к небольшому особнячку с мраморным крыльцом, где по обе стороны подножия сидели два каких-то геральдических зверя.

— Ну, вот и все, господа и дамы, — сказал барон почти весело. — Прибыли. Прощу вас.

И вестибюль выглядел самым обыкновенным, вот только с четырех сторон стояли ливрейные лакеи, что-то уж здоровенные и широкоплечие для простых слуг (и у каждого чуть топырилась не одна пола ливреи, а обе...) Барон уверенно шел на полшага впереди (кое-где в коридоре попадались такие же амбалистые лакеи). Свернув налево, распахнул перед ними аркообразную дверь в синезеленой росписи орнаментами. Никакой мебели, только мягкие диваны вдоль стен.

— Подождите пару минут, пожалуйста, — сказал Лог Дерег, вынимая из уха свой шарик. — Все благополучно, мне докладывают, что нас никто не проследил. Сейчас вас примут. — И скрылся в невысокой дверце справа...

Сварог ощутил легкое охотничье волнение. Оружие он, конечно, оставил во дворце принца и велел сделать то же самое остальным: слишком мало информации для того, чтобы что-то предпринимать с ходу...

Садиться так и не пришлось: в самом деле, не прошло и двух минут, как из той же самой дверцы вышел уже не барон, а лакей распахнул ее, склонился в поклоне:

— Вас просят...

Вошли в заранее оговоренном порядке, со Сварогом во главе. Небольшая комната, стены и сводчатый потолок из полированного дерева без всяких архитектурных излишеств, темного дерева овальный стол — из-за которого им навстречу неторопливо, можно даже сказать, величаво поднялись восемь человек в зеленых балахонах наподобие мантий, расшитых черными и белыми узорами. Барон Лог Дерег помещался на правом фланге, можно сказать, с краешку. Сварог мгновенно оценил ситуацию: ага: те, кто помоложе, сидят по краям, а в центре помещаются, мать их за ногу, патриархи. Самых пожилых и благообразных здесь четверо, и Сварог решил не ломать голову: тот, кто заговорит первым, наверняка и окажется главным. Вряд ли они тут применяют метод «страшного бородача».

Ага! Один из седовласых чуть наклонил голову:

— Лорд Сварог, рад приветствовать вас, ваших спутников... и спутниц. Прошу садиться. — И указал Сварогу на кресло против себя.

Ну, вот и обозначился глава местного Политбюро. Ничего не скажешь, внушительен.

— Меня зовут герцог Витредж, и мне выпала честь председательствовать на нынешнем совете, — сказал седовласый. — Барона Лог Дереха вы уже знаете, хочу представить остальных...

Он медленно называл имена (и каждый поименованный наклонял, голову). Сварогу все эти имена были ни к

чему, но он старательно их запоминал. Потом столь же церемонно представил сподвижников: сначала Бони, как короля, затем Леверлина (в качестве советника по особым делам), затем остальных — женщин, как требовал здешний этикет, последними.

— Если вы не возражаете, лорд Сварог, сразу перейдем к делу, — сказал герцог. — Намерения и побуждения друг друга нам уже в общих чертах известны, но давайте, как и положено на дипломатических переговорах, озвучим их обстоятельно и подробно. Равно как и многое другое. Итак... Вы — король Сварог Барг, желающий стать Императором Четырех Миров. Я не спрашиваю вас о деталях и подробностях: мы о вас кое-что знаем. Столь дельный человек, как вы, наверняка уже имеет надежный план действий... (Сварог сделал соответствующее лицо). Такова ваша главная цель. Н а ш а же главная цель — уйти наверх, приобрести нормальные размеры, обустроить себе нормальное королевство и обитать наверху... — он тонко улыбнулся. — В качестве ваших верных подданных и весьма небесполезных союзников. Я думаю, эта формулировка устраивает обе стороны и не требует развернутых толкований и обсуждений? (Сварог дипломатично склонил голову). Прекрасно. Тогда, быть может, некоторые детали? Обсуждение, конечно, не окончательное, но кое-то нужно обговорить уже сейчас... Ваши побуждения мне, смею думать, понятны: получить верных, сильных союзников, которых вы могли бы использовать при... необходимости. Я правильно изложил?

— Совершенно, герцог, — сказал Сварог.

— Полагаю, в таком случае и вам было бы небезынтересно ознакомиться с нашими... просьбами?

— Безусловно, — сказал Сварог, добавив про себя: то есть с требованиями, ага...

Из лежавшей рядом с ним небольшой стопки бумаг герцог достал одну и плавным движением придвинул ее к Сварогу. Пояснил: — Это территория земного Токеранга, какой мы хотели бы ее видеть.

Сварог присмотрелся с непроницаемым лицом, земли меж Секвеной и Сентерой (чьи устья для пущей убедительности соединены красной пунктирной линией. Она же проведена по берегам рек). Неплохой аппетит: почти весь Хорен, по кусочку Демура и Коора, но главное — на территорию Токеранга целиком попадают Ритейские горы. И это вряд ли случайность: там — богатейшие на Харуме урановые залежи. Таларские рудознатцы о них не знают — ну кто на Таларе добывает уран? — об этом известно только ларам. Нет, вряд ли случайность. Губа у них не дура: отличное подспорье для развития ядерной энергетики, да мало ли где еще они могут использовать уран и сопутствующие редкоземы... Просидевши там лет двести, можно создать державу, с которой и Империи пришлось бы считаться, а уж Харуму...

Герцог мягко спросил:

— Надеюсь, наши требования не кажутся вам чрезмерными? И не мешают вашим собственным планам по освоению Трех Королевств?

Сварог изобразил на лице короткую задумчивость, потом глянул в глаза собеседнику:

— Никоим образом, мне представляется. Там слишком много свободных земель и слишком мало людей, десятки лет пройдут, прежде чем будет освоена хотя бы половина. Вот только... Мне хотелось бы сохранить за своими кораблями право прохода по Сентере и Секване.

— Мы и не намерены на таковое право посягать, — заверил герцог. — Реки — всего-навсего границы... У нас не так уж много предложений по будущему обустройству на Харуме. Точнее, всего два. Одно мы только что обговорили. Нам бы хотелось еще получить место под две базы подводных лодок: на Сегуре и островах Бару.

И снова Сварог сделал вид, что ненадолго погрузился в деловые размышления.

Никаких загадок: с этих двух баз ракетные подводные лодки могут держать под обстрелом оба полушария. А вот про острова Девайкир этот хитрец ни словечком не упомянул. Но коли уж именно около них несколько раз

замечены эскадры субмарин нормального размера, очень похоже, и база нормального размера там уже втихомолку создана — должны же эти лодки где-то базироваться, это азбука. А может, и не только на Девайкир...

— Что касается островов Бару, сразу могу сказать, что не вижу никаких препятствий, — сказал он. — Это — мои земли. А вот Сегур — владения королевы Мары, быть может, стоит поинтересоваться ее мнением?

На лице его собеседника изобразилось даже не негодование, а едва ли не детское недоумение: ну конечно, впервые в жизни ему приходилось на равных вступать в переговоры с ж е н щ и н о й. Впрочем, герцог тут же принял самый невозмутимый вид и крайне вежливо осведомился у Мары:

— Как вы полагаете, ваше величество?

Изобразив то же короткое раздумье, Мара ответила:

— Не вижу никаких препятствий.

— Вот, собственно, и все наши предложения, — сказал герцог. — Теперь осталось еще упомянуть об одном крайне деликатном вопросе. Именно потому, что мы, я вижу, играем в открытую. Барон Лог Дерег, как ему по должности и положено, доложил о некоторых разговорах с вами перед вашим прибытием сюда. В том числе и о неких... — он чуть заметно улыбнулся, — мерах предосторожности, которые вы приняли перед визитом сюда. О, не подумайте, что это у нас вызывает какие-то отрицательные эмоции. Наоборот, это понятно и объяснимо: первая встреча с совершенно незнакомым партнером, к тому же, увы, между нами в прошлом состоялись... некоторые трения, которые, я надеюсь, в прошлом безвозвратно и останутся. Вполне разумно и логично, так и должен поступать хороший политик. Мы все понимаем... а потому очень надеемся, что вы поймете нас. Мы тоже, признаюсь, заранее приняли свои меры предосторожности. Потому что, не стыжусь в этом признаться — никогда не стыдно признавать очевидные истины — в наших отношениях мы еще какое-то время будем оставаться слабой стороной. Во время переселения и обустройства на новом месте мы самое

малое в течение года будем перед вами совершенно беззащитны, полностью в вашей воле. Теперь, когда ситуация изменилась, когда мы знаем ваши цели, когда ясно, в чем наша взаимная выгода, мы не ожидаем от вас никаких... враждебных действий. Но, с другой стороны, как уже говорилось, хороший политик никогда не доверяет партнеру всецело и всегда принимает некие меры предосторожности ... как это сделали вы. Поэтому, смею думать, вы с пониманием отнесетесь к тому, что и мы решили подстраховаться...

Сварог лихорадочно соображал. Год на обустройство. Всего г о д. Столь малый срок можно объяснить одним-единственным обстоятельством: у них и точно есть синтезаторы материи. Без них не то что за год — за десять лет не управишься...

— И как же вы подстраховались, если не секрет? — спросил он.

— О, никаких секретов, — улыбнулся герцог. — Вы ведь не держали в тайне свои меры предосторожности, поэтому я обязан ответить такой же откровенностью. Мы позволили себе разместить в дюжине крупных таларских городов... достаточно мощные взрывные устройства, способные причинить этим городам весьма значительный ущерб. Разумеется, мы их намерены использовать в одном-единственном случае: если во время переселения и строительства нового Токеранга подвергнемся серьезной агрессии. Когда оснований для беспокойства больше не будет, все эти устройства мы демонтируем, непременно в присутствии ваших людей. Вас не разозлило такое откровение?

Этот благообразный прохвост только что солгал дважды. Когда сказал, что устройств только дюжина (значит, их больше) и когда пообещал демонтировать все. Какую-то часть они намерены оставить в прежних тайниках, хитрованы...

Сварог улыбнулся широко, честно, открыто:

— Не сказал бы, что это мне нравится, но речь идет исключительно об эмоциях. Как король и политик, я вас прекрасно понимаю: в сложившихся условиях подстра-

ховка необходима была с обеих сторон... Считайте, что мы и в этом вопросе нашли общий язык.

«Нужно будет поговорить с Яной, — подумал он. — Не исключено, что с помощью Древнего Ветра она обнаружит все устройства так, как обнаружила все до единого обиталища Хитрых Мастеров. Будем яростно верить, что у нее получится...»

— Я очень рад, что мы пришли к полному пониманию, — склонил голову герцог, и Сварог повторил кивок.

Герцог слегка развел руками:

— Собственно говоря, я сказал все, что хотел. Что ж, иногда самые сложные дела решаются очень быстро, если у сторон есть желание идти навстречу друг другу... в особенности если они понимают, что нужны и полезны друг другу. Быть может, у вас есть какие-то свои темы для обсуждения?

— Нет, — сказал Сварог. — К чему? Главное, собственно, сказано. Меня теперь интересует чисто техническая сторона дела. Как все будет происходить, в какие сроки... ну, вы понимаете.

— Понимаю, — кивнул герцог. — Если позволите, мы сделаем это темой нашей завтрашней встречи. Сначала, согласно нашим старинным правилам, мы в своем кругу обсудим нашу сегодняшнюю встречу, — он тонко улыбнулся, — я ведь не единоличный правитель и даже не какой-то официальный председатель либо иной г л а в а. В силу старых традиций у нас нет главы. Все вопросы решаются общим обсуждением и голосованием. Обширный и подробнейший план ухода наверх у нас уже разработан. Послезавтра я его вам вручу, чтобы вы его внимательно изучили там, наверху, у себя. А потом уже н а ш а делегация прибудет к вам для переговоров — возможно, вы пожелаете внести в план какие-то изменения, дополнения. Тогда и согласуем точно сроки. Вас устраивает такой вариант? Теперь, когда все карты открыты?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Рад буду вас принять в любой момент для долгого и обстоятельного обсуждения.

«Демократ, мать твою за ногу, — подумал он с веселой злостью. — Нет у них главы, видите ли. То-то все остальные как воды в рот набрали, сидели смирнехонько, как курочки на насесте. Нет, конечно, какое-то обсуждение и голосование безусловно будет, барон говорил, что у них до сих пор не пришли к единому мнению... но вот рулит, без сомнения, именно это вальжжный хитрец...»

На этот раз в подземном гараже их ожидали не два роскошных автомобиля, а три. Барон кивнул на один из них:

— Не возражаете, если мы поедem только вдвоем?

— Ничуть, — решительно сказал Сварог. И спросил, едва машина тронулась: — Ну что же, каковы ваши впечатления, и будут ли комментарии?

— Конечно, — чуть помолчав, кивнул барон. — Потому-то я и хотел остаться с вами наедине. По-моему, все прошло просто прекрасно, могу вас заверить.

Сварог небрежно сказал:

— Но вы ведь сами говорили, что именно герцог — один из двух колеблющихся. А ведь именно от него зависит очень и очень многое. Давайте уж будем откровенны до конца. Я как-никак король с некоторым опытом. Хотя герцог и говорил, что г л а в ы у вас нет, остались сильные подозрения, что — все же есть. И это именно он. Вы сами на нечто подобное недавно намекали...

— Безусловно, он, — ничуть не промедлив, ответил барон. — Неформальный глава есть всегда и везде. Однако... У меня создалось впечатление, что он изменил мнение о вас к лучшему. Я вовсе не хочу сказать, что до этого он относился к вам плохо. Просто-напросто мне кажется, что т е п е р ь вы его полностью устраиваете как деловой партнер, а это придает надежды...

Барон не врал. Впрочем, это означало лишь, что он верил в собственные слова...

ВОЛЧИЦЫ

У тротуара у главного входа поджидала светло-зеленая машина с гербом дворцового ведомства на дверцах — не шикарный лимузин, но и не старая развалина. Вполне подходящая, в меру неприметная машина. Барон, стоявший рядом на верхней ступеньке, сказал:

— Я думаю, вряд ли стоит посылать за вами охрану. О вашем присутствии здесь никто не знает, люди короля ни о чем не подозревают, это проверено...

— Ну конечно, — сказал Сварог. — К чему лишние хлопоты? Да и привлекать лишнее внимание ни к чему. К тому же, я так подозреваю, водитель человек надежный?

— Безусловно, — кивнул барон. — Вооружен, снабжен серьезными документами... А впрочем, у полиции совершенно не принято останавливать машины дворцового ведомства, да еще те, что принадлежат принцам... Желаю приятной поездки! Поделитесь потом впечатлениями?

— Обязательно.

Барон протянул ему синюю карточку с каким-то узором, величиной в половину почтовой открытки:

— Возможно, вам захочется что-то купить, какие-нибудь сувениры. Тут достаточно солидная сумма.

«Гостеприимство бьет фонтаном, — подумал Сварог, пряча карточку во внутренний карман камзола. — Ну что

же, я ему по-настоящему нужен. Вот только первым делом...»

Первым делом, усевшись рядом с шофером (смешно, но и здесь как в безвозвратно сгинувшем Советском Союзе, почетным считалось именно это место), он в два счета проверил и машину, и собственную одежду, и одежду шофера. С одеждой все было в порядке, а вот в машине обнаружился микрофон — каковой Сварог тут же и «заглушил». Насторожить барона он этим нисколько не боялся: в конце концов, они давно уже узнали, что Сварог частенько «глушил» замаскированные в отведенных им апартаментах микрофоны и видеокамеры...

Водитель, здоровенный светловолосый парень (выглядевший кем-то посерьезнее простого шофера), спокойно спросил, едва они выехали за ворота:

— Я слышал, ваша милость, вы намеревались прежде всего посетить Зоологический музей?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Мне говорили, интересная достопримечательность... Только провезите меня по центру, я хочу посмотреть и сам город.

Откровенно говоря, Клорена на него особенного впечатления не произвела: достаточно безликий и скучноватый город. Здания современной постройки соседствуют со старинными особняками, окруженными парками и высокими оградами. Встречаются вывески торговых домов (и официальных учреждений, конечно), но практически нет уличной рекламы. Разве что несколько ресторанов давали о себе знать не без изящества исполненными вывесками.

Непохоже, чтобы здесь кипела оживленная ночная жизнь, знать если и развлекалась, то в загородных дворцах наподобие резиденции принца (впрочем, об отсутствии насыщенной ночной жизни он узнал еще из съемок Золотых Шмелей). Чутьочку аскетически вид был у здешней столицы. Полицейских на перекрестках, кстати, довольно мало. Непохоже, чтобы здесь что-то н а з р е в а л о... Машин на улицах не так уж много, в основном украшенные гербами (не исключено, что машина здесь — в основном дворянская привилегия).

Вскоре машина, миновав большой парк, остановилась неподалеку от здания в виде темно-синей полусферы, где по обе стороны широкой лестницы стояли огромные статуи каких-то диких зверей самого неприятного облика. Когда машина остановилась на обширной стоянке, Сварог огляделся.

Никак не походило, что это ученое заведение пользуется в столице большой популярностью. На стоянке, где хватило бы места для доброй сотни машин, стояла только та, на которой они приехали. И не единой больше. Сварог вопросительно взглянул на спутника — коли уж того отрекомендовали человеком надежным, следует потребовать разъяснений.

Светловолосый чуть заметно пожал плечами:

— До одиннадцати пополудни еще три минуты. Графиня весьма пунктуальна...

Оставалось сидеть и от нечего делать тарашиться на зверей у входа, про которых непонятно даже, млекопитающие это или рептилии. Омерзительные твари, и все тут, а если они еще представлены в натуральную величину... брр!

Ровно в одиннадцать из аллеи показался синий автомобиль — как и машина Сварога, не роскошный, но и не таратайка. На дверцах у него красовался дворянский герб, опять-таки довольно простой. Машина неторопливо подъехала, ловко развернулась так, что они встали капот в капот.

Дверцы не шелохнулись, стекла не опустились. Водитель Сварога вежливо сказал:

— Пожалуйста, сядьте в машину к госпожа графине.

Ну что ж, правила игры тут устанавливал не он... Мигомлетно коснувшись пистолетной кобуры под камзолом, Сварог вылез, открыл дверцу синего автомобиля и вежливо раскланялся.

— Прошу вас, — сказала та из двух сидящих там дам, что выглядела постарше — лет сорока, красивая, черноволосая, в дворянском платье и при медальоне с графским гербом на шее. Вторая оказалась лет на десять помоложе,

одетая столь же небедно, но медальон у нее был серебряный, с какой-то непонятной эмблемой. Они обе чуть подвинулись, освобождая Сварогу место.

— С кем имею честь? — спросил он, как человек воспитанный.

— Я Альдиана Лон Атрэнг, — сказала графиня. — А это моя доверенная сподвижница, Эльментина Лорн. Значит, вы и есть знаменитый король Сварог... Быть может, не будем тянуть зря время и перейдем сразу к делу?

— Охотно, — сказал Сварог. — Тем более что я стораю от любопытства: у меня здесь очень мало знакомых, и столь неожиданное приглашение...

— Так вот, к делу, — сказала графиня решительным, почти мужеским тоном. — Нам все известно о вашей миссии, о ваших намерениях, о ваших переговорах с дэнго... Но суть не в этом. Мы представляем здесь тайное общество «Золотые волчицы».

— Интересно, — сказал Сварог. — Это что-то наподобие дэнго?

— Скорее уж наоборот, — сказала графиня. — Наше общество довольно давно создано для того, чтобы добиться равноправия женщин с мужчинами. Вы ведь наверняка уже немного наслышаны о здешних укладах?

— Наслышан, — сказал Сварог.

— И как вы к этому относитесь?

— Не скажу, чтобы эти уклады мне особенно нравились, — честно признался он. — У нас, наверху, многое обстоит совершенно иначе... можно сказать, абсолютно все.

— И это радует, — сказала графиня. — Откровенно говоря, с вашим появлением у нас появились серьезные надежды. Прежде, глядя правде в глаза, шансы были слишком малы, но теперь, когда Токерангу предстоит переселиться наверх, у нас есть шанс получить те же права, что и у земных женщин. Вы, должно быть, представляете, в каком унижительном положении женщины здесь находятся?

— Примерно, — сказал Сварог.

Ее красивые губы исказила горькая гримаса:

— Вот то-то, что «примерно»... Чисто теоретически. А вот практика... Дело даже не во второсортности, а во всем сопутствующем. Возьмите Эльментину, — она легким кивком указала на насупившуюся подругу. — По сути, именно она руководит ключевым отделом одного из... весьма серьезных институтов. Но обязана передавать все указания и распоряжения через секретаря-мужчину, достоинство которого только в том, что он — мужчина. В том числе и на самых серьезных совещаниях и семинарах обязана сидеть в заднем ряду в сереньком платье с бляшкой младшей лаборантки, что лишь на одну ступеньку выше простой уборщицы. Что до меня, я фактически команду одной из атомных субмарин. Но, как легко догадаться, хожу в форме с узеньким серебряным уголочком кром-ефрейтора, а представляет судно на всех уровнях очередное ничтожество мужского пола. И так обстоит везде — не говоря уж о дурацких укладах наследования, быта, всей жизни...

Понятно, сказал себе Сварог. На их месте я бы тоже тихонечко остервенел от такой вопиющей несправедливости бытия. Это даже хуже, чем безвылазно держать в какой-нибудь сакле под паранджой... Ничего удивительного, что однажды родилось тайное общество, настроенное, надо полагать, крайне решительно. Кто это и когда отказывал женщинам в уме и остроте мышления? Даже здесь это понимают и используют всю их труд и ум — не давая подняться выше ефрейторов. А ведь это крайне опасно: доводить до такого состояния женщин умных, образованных, наверняка держащих в руках немало ключевых постов. Однажды может и рвануть, что для хозяев жизни, то бишь мужчин, будет совершеннейшей неожиданностью. А впрочем, у них не должно остаться времени на любые внутренние дразги, на что угодно.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Такие несправедливости следует исправлять — тем более что наверху ничего подобного нет. Там все иначе.

— Мы знаем, — сказала графиня. — И, откровенно говоря завидуем. Вообще-то общество состоит не только из

одних женщин. Мужчин тоже хватает. — ее губы вновь тронула ироничная улыбка. — О, отнюдь не потому, что они столь уж благородные сторонники женского равноправия. Впрочем, есть и такие, они понимают, что ситуация во многом нелепа и, по большому счету, лишь вредит государству. Гораздо больше обделенных. Я имею в виду в первую очередь представителей Десяти Семейств и других сословий, которым не по нраву диктат дэнго. Можете поверить, общество довольно сильно...

— Если не секрет, — сказал Сварог, — как же вы собираетесь добиться своей цели? Переворот? По-моему, это не тот случай.

— Мы и сами это прекрасно понимаем, — кивнула графиня. — Речь идет не об обычной смене власти... О решительном изменении о вековых укладов. Поэтому очень долго мы находились в откровенном тупике. А вот с вашим появлением и будущим уходом наверх появились нешуточные надежды... Ведь новый Токеранг, как нам известно, будет вашим вассалом? Точнее, в первую очередь вассалом империи, как все прочие земные государства, но и вашим тоже? Ведь именно вы отдаете «в держание» свои земли?

— Да, разумеется, — сказал Сварог. — Вассалы «по праву держания».

— Вот видите. А составлять вассальный договор будете, конечно же, вы...

— После долгих консультаций с дэнго... — усмехнулся Сварог. — Заранее знаю, что переговоры будут долгими и нелегкими, эти господа будут торговаться не хуже заправских купцов ... Подозреваю, вы хотите, чтобы я встал в вассальный договор какие-то статьи об уравнивании женщин в правах.

— Не особенно прямые и откровенные, — тут же ответила графиня. — Мы прекрасно понимаем, что не следует торопить события — очень уж устоялись иные традиции. Некие з а ц е п к и, которые впоследствии можно будет развернуть надежно и необратимо. Поспешая медленно. У нас разработаны планы... Я хочу, чтобы вы поняли одно,

лорд Сварог: мы — не кучка фантазерок-заговорщиц. Общество достаточно большое, разветвленное, с нами сотрудничают несколько чисто мужских организаций, в основном из Десяти Семейств, давным-давно чувствующих себя обделенными. Есть сильнейшие подозрения, что за одним, по крайней мере, стоят король и старший принц, которые тоже ненавидят дэнго, — она усмехнулась: — Ну, принца Каугена можно не принимать в расчет, этот простяга не годится для мало-мальски серьезных дел (Сварог мысленно ухмыльнулся). А торговаться дэнго будут, безусловно, со всем пылом. Оказавшись наверху, они сохраняют массу сил и сообщников, но вот главного своего козыря лишатся. Видите ли? У них есть устройства, способные в считанные сутки уничтожить весь Токеранг...

— Я знаю, — сказал Сварог. — Машина Последнего Дня, да?

— Ах, вы уже знаете... — не походило, чтобы графиня особенно удивилась. — Лишний раз убеждаюсь, что вы человек крайне серьезный. Да, Машина.

— Можно вопрос из чистого любопытства? — спросил Сварог. — Как получилось, что они захватили такое?

На сей раз ответила Эльментина:

— Так уж исторически сложилось... В старые времена, когда стал развиваться научно-технический прогресс, именно ученые оказались на ключевых позициях. И очень быстро кто-то у них, чертовски умный и подлый, понял, как обеспечить себе власть на века. Заложить бомбу и держать фитиль в своих руках, причем особенно этого не скрывая. Сначала это в самом деле были ядерные устройства. Теперь — Машина...

— Но они все же рискуют уходить наверх... — сказал Сварог.

— Ну, во-первых, они полагают, что очень долго будут вам нужны и полезны, — графиня тонко улыбнулась. — До нас дошли сведения о кое-каких ваших планах на будущее... Во-вторых, они постарались обеспечить себе некоторые гарантии, точнее говоря, откровенный шантаж. Вам известно, что самое малое в двух дюжинах ваших са-

мых крупных и важных городов уже заложены мощные ядерные устройства и что-то еще, не менее страшное? Это не моя специальность, Эльментина в этом разбирается лучше...

— Сверхпроводники, верно? — сказал Сварог.

— Вот именно, — кивнула Эльментина. — Всем этим давно уже занимается барон Лог Дерег. Как глава разведки. Быть может, это самый опасный человек в Токеранге, но и он, при всем его уме и коварстве, остается в плену старых традиции. А меж тем за одним из его главных компьютеров, куда стекается вся серьезная информация, давно сидит девушка, нижний чин, как полагается, а потому и отношение к ней соответственное... И так обстоит во многих местах. Поэтому мы много знаем и о верхнем мире, и о вас, лорд Сварог. Раньше шансы на успех были, мы отдаем себе в том отчет, слабоваты, но теперь, с вашим появлением... И все равно, скажу откровенно: нет гарантии, что дэнго, увидев такую необходимость, не успеют включить Машину...

— Ну да, я уже сталкивался с этой вашей милой традицией, — сказал Сварог. — При необходимости подрывать себя с гордым и нестигаемым видом...

Графиня негромко рассмеялась:

— Лорд Сварог, это далеко не на всех распространяется. Это у нижестоящих дэнго давно ввели такие порядки, а сами они слишком любят жизнь... Если придется пустить машину в ход, для себя они давным-давно разработали план эвакуации всех Восьми Семейств. Вертолеты, специальная посадочная площадка, отряд подводных лодок, где поместятся все (Ах, вот оно что подумал Сварог, вспомнив и тот странный отсек грузовых субмарин, и посадочную площадку). Где-то на островах Девайкир разработано надежное убежище, где они со всей роскошью смогут прожить и без Токеранга...

— Вам известно, где стоит Машина? — спросил Сварог.

— Нет, — сказала графиня. И не врала. — Никто так и не доискался пока... Лорд Сварог... Ведь до сих пор нет полной гарантии, что дэнго согласятся выйти?

— Пожалуй, — подумав, кивнул Сварог.

Графиня смотрела на него без улыбки, с совершенно безмятежным лицом:

— Лорд Сварог, есть очень простой и надежный выход. Уничтожить дэнго. На следующей же встрече. Хотя бы для того, чтобы забрать ключи, без которых машина бессильна. Да, в каждом из Восьми Семейств хранится дубликат — но в случае смерти кого-то из членов дэнго, выбора нового или еще какой-нибудь неожиданности сейф с дубликатом может быть вскрыт только н е с к о л ь к и м и ключами оставшихся в живых... Никто попросту ничего не успеет сделать.

— Ага, — сказал Сварог. — И останутся Восемь Семейств, насколько я знаю ваши традиции, имеющих право на месть?

— Ну, это не столь уж и сложная проблема, — сказала графиня. Собственно, это и не проблема вовсе. По нашим традициям, право на месть имеет довольно ограниченный круг людей: дед, отец, братья родные и двоюродные (но исключительно по мужской линии), племянники, опять-таки строго по мужской линии, сыновья. Подобных в Восьми Семействах останется всего-то сто шесть... — она жестко усмехнулась. — Я же говорю, что немного наслышана о вас. И мне отчего-то думается, что вы не придете в ужас, если эту жалкую сотню с лишним человек постигнет безвременная кончина?

— Не думаю, что я пророню хотя бы слезинку, — жестко сказал Сварог.

— Вот видите. А дальше все было бы гораздо проще... — она чуточку поколебалась. — Развивая эту мысль, было бы неплохо для дела, случись что-нибудь с королем и старшим принцем. Из Каугена получится великолепный король, устраивающий и вас, и нас. Ваша задача — только дэнго. Остальное мы без труда взяли бы на себя. Вот тогда можно было бы спокойно выйти наружу и создать нормальное королевство, без этих восьми тиранов. Вряд ли кто-то всерьез будет препятствовать. Если дэнго окажутся мертвы, вряд ли кто-то будет защищать их всерьез —

мертвым тиранам верность обычно не хранят, потому что это бессмысленно: не будет больше ни благодарностей, ни наград, — она прищурилась чуть мечтательно. — Обычное земное королевство, в котором у женщин понемногу появятся все права...

«А вот это уже вилами на воде писано, — подумал Сварог. — Судя по ее словам, в заговоре участвуют немало разных сил, со своими побуждениями и мотивами. А между тем исторический опыт учит: когда такая коалиция достигает победы, очень быстро ее члены, ненадолго объединенные конкретной целью, начинают бороться всякий за свои интересы. Проще говоря, резать друг друга со всем усердием. Только этого мне еще не хватало на Таларе — гражданской войны в государстве, располагающем подводным флотом, боевой авиацией, ракетами и черт знает чем еще. А резня, и к Грельфи не ходи, может начаться очень быстро: как только они начнут обустраиваться на земле, у всякой группировки будут свои планы и соображения, как строить жизнь дальше, И заполыхает...»

— Необходимые силы и планы имеются, — сказала графиня. — Едва получив известие о смерти дэнго, мы в состоянии пустить их в ход. Пусть даже где-то мы просмотрели соглядатаев дэнго, им уже просто некому будет доносить. Как вам такой план, лорд Сварог? Вы видите свежим глазом какие-то изъяны?

— Никаких, — сказал он, не особенно и раздумывая. — Реально и жизненно. А главное, можно провести в жизнь уже завтра...

— У вас есть оружие? — деловито спросила она. — Если нет, я бы могла...

— Нет, спасибо, — сказал Сварог. — Всего хватает. В прошлый раз они были уверены в себе: ни металлодетекторов, ни стрелков за портьерами. Думаю, и завтра будет точно так же.

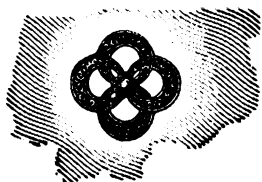
— Вот и прекрасно, — графиня подала ему небольшую карточку плотной белой бумаги с семью цифрами. — Как только все кончится, позвоните по этому номеру и скажите «Тишина». И все тут же придет в движение. Плохо

только, что никто не знает, где они на этот раз назначат вам встречу...

— Ничего, — сказал Сварог. — Бывали переделки и похуже, и — ничего, выбирались.

...Задумчиво глядя вслед отъезжающей машине двух крайне энергичных дам (из коих ни одна ни разу ему не соврала ни в большом, ни в малом), он подумал: на вид — тихий уголок, но какое здесь потаенное коловращение жизни...

...И КАВАЛЬКАДЫ В ЧАЩЕ

Если не считать некоторых отличий в одежде, здешняя большая королевская охота практически ничем не отличалась от тех, в которых Сварог участвовал наверху. Разве что нет ни единой дамы. Все остальное знакомо до скуки: кавалькады всадников в охотничьих нарядах, на разные лады трубят егеря, псари, ловчие хищных птиц, азартно лают и натягивают поводки собачьи своры...

Сварог держался в сторонке, согласно инструкциям барона: еще один никому неизвестными дворянчик, в виде милости за какую-то услугу приглашенный на королевскую охоту. Никто не обращал на него ни малейшего внимания, разве что иные косились заносчиво. Издали он видел короля с обоими принцами — ну что же, вид вполне королевский, осанист, гордая посадка головы, тяжелая непроницаемая физиономия. Принц Хаутил — красавчик, чем-то хищным в лице напоминавший герцога Орка. И наконец Кауген, и здесь ухитрившийся выглядеть растяпой, впервые в жизни взобравшемся на благородного охотничьего коня — не переигрывает, но держится в образе, стервец...

Все шло, как обычно — углубившись в чащобу, кавалькады очень быстро рассыпались в разные стороны: кто-то пустил гончих по следу оленя, кто-то поскакал вслед за

стаей собак посерьезнее, мощных кабанятников с обрезанными ушами и хвостами, в шипастых ошейниках и наполовину закрывавших тело кольчугах, кто-то умчался с соколами с колокольчиками на лапках. Наступил момент, когда никто толком ни за кем не может следить, каждый увлечен своей дичиной.

Вскоре Сварог — кому до него было дело? — остался в полном одиночестве там, где и условился с принцем — возле глубокого бочага, окруженного огромными заплесневевшими корягами. Звук труб и рожков, заполошный лай собак понемногу стихли; и конь, наконец, успокоился, перестал прядать ушами и рваться вслед за уносившейся охотой. Закинув его поводья на одну из коряг, Сварог посмотрел себе пенек посуше, уселся и закурил, на всякий случай расстегнув верхние пуговицы камзола так, чтобы моментально выхватить пистолет. Мало ли какая новая интрига могла обнаружиться — их тут, он успел убедиться, что опят на пне...

Слева, в лесу, послышался топот копыт — единственный конь шел рысью. Сварог спокойно ждал, держа руку поближе к оружию. Потом убрал: на поляне показался принц Кауген, неуклюже спешил, оглядевшись, привязал гнедого к той же коряге, что в качестве коновязи выбрал Сварог, подошел и коротко раскланялся. Сварог подвинулся, освобождая ему часть сухого широкого пенька. Принц уселся без всяких церемоний — все тот же простак на вид, чуть ли не с соломой в волосах и ясным, незамутненным взором недотепы. «Великий артист пропадает», — фыркнул про себя Сварог...

Принц произнес с безмятежным видом:

— Тысячу раз простите, но мне крайне важно прежде всего прояснить одно деликатное обстоятельство... Вы, часом, не питаете ко мне злобы за ту историю с королевой Сегура? Вы же сами видели, она ушла со мной по своей воле...

— Не питаю, — кратко ответил Сварог.

— Рад слышать. Я боялся, что это может осложнить наши деловые отношения... а время меж тем поджима-

ет... — он глянул на Сварога как-то незнакомо, цепко. — Вы готовы уже завтра перестрелять дэнго, или у вас свои планы?

Сварог с очаровательной улыбкой ответил:

— Да мне как-то, знаете, все равно. Ну, а Восемь Семейств? Обычай мести и все такое?

Принц жестко сказал:

— Можете быть уверены: о них позаботятся моментально, едва все... произойдет. Все подготовлено. И не только это.

«Интересно, — подумал Сварог. В точности повторение слов графини — и ведь он не врет... О двух акциях пойдет речь или об одной? Не исключено, что как раз доверенные лица принца и действуют среди Золотых Волчиц самого-то его графиня искренне считает никчемным простаком...»

— Давайте внесем полную ясность, — сказал принц. — Это у дэнго какие-то грандиозные планы на земле, пусть и не на самое близкое будущее. А я... Нет, я честолобив, но не хочу впутываться в достаточно сложный, как я понимаю, механизм земной жизни. Я хочу быть обычным земным королем, таким же, как прочие — императорские балы, охоты, стократ превосходящие размахом наши, все прочее... Собственно, мне не так уж и много нужно от жизни. Завоевательных порывов полностью лишен. Верите?

— При чем тут вера? — пожал плечами Сварог. — Я просто знаю, что вы мне сейчас не врете.

— Да, я слышал краем уха об этой вашей способности... кстати, очень полезная для королей способность. Ей, интресно, нельзя как-то научиться?

— Увы, нет, — с тенью злорадства сказал Сварог. — На это способны только лары.

— Жаль... — сказал принц. — Вам понадобится оружие?

— Нет, спасибо. Своего достаточно. Одно слегка беспокоит: представления не имею, где они намерены завтра назначить мне встречу. Придется работать в незнакомом

месте, а это всегда чуточку усложняет задачу...

— Ну почему же в незнакомом? — сказал принц где-то даже весело. — Встречу они вам назначат в том самом моем загородном дворце, где вы уже несколько дней имеете честь обитать. Как уже случалось несколько раз, — он заулыбался еще веселее: — Дворец растяпы и простака принца Каутена — последнее место, которое можно связать с заговорами и тайнами. Весь Токеранг знает, что там исключительно пьют, блудят и прожигают жизнь, как могут... Ну что, это облегчает дело?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Как насчет стрелков за портьерами и других мер предосторожности?

— Никаких, — уверенно сказал принц. — Они чуточку расслабились и считают, что у меня, болвана, совершенно безопасно, — он чуть посерьезнел. — Конечно, среди моих гвардейцев и лакеев могут оказаться их люди, даже наверняка, но вряд ли в особенно уж большом количестве. Да и я предпринял кое-какие меры — буду держать поближе тех, кому доверяю полностью. Я, конечно, не умею, подобно вам, отличать правду от лжи, но есть всякие проверки... В общем, когда все начнется, мои люди займут ту самую часть замка. А что до Восьми Семейств — как я уже говорил, все готово... — он словно расслабился на миг, произнес мечтательно: — Ключи от Машины Последнего Дня, все восемь... У кого они в висят на шее, тот и будет владыкой Токеранга. Вам, право, не понять, вы здесь пришелец...

— Может, если вы уж столько знаете, вам известно, где расположена Машина Последнего Дня?

— К сожалению, нет, — вздохнул принц.

Вр-рал, стервец! Прекрасно знал! Хочет придержать в рукаве, как лишнюю козырную розу, а? Очень похоже — наверх-то ему хочется искренне...

Принц улыбнулся:

— Но какое это имеет значение? Во-первых, легко пустить слух, что и она в моих руках, а во-вторых, без ключей она полностью бесполезна для кого-либо другого, пусть даже он точно знает, где она стоит... Ну, а когда разойдет-

ся слух, что я завладел машиной, будет легко избавиться от самых нежелательных персон... да и выход наверх пройдет как нельзя более гладко. Разумеется, нам еще многое нужно будет обговорить, но это потом...

— Есть у меня вопрос, то ли нескромный, то ли циничный, — сказал Сварог. — А как на этикие новшества посмотрят ваш уважаемый батюшка и старший брат?

— Деловой вопрос, — сказал принц, чуть подумав. — Вполне. Мне отчего-то кажется, что этикие новшества им крайне не понравятся. Но и на этот счет разработаны некоторые меры... о, не смотрите на меня так. Я не чудовище, чтобы проливать родную кровь. Просто-напросто давным-давно существуют и акты об отречении, и парочка уединенных замков, откуда очень трудно выйти. Вас не коробит такой образ мыслей?

— Ну что вы, — сказал Сварог ему в тон. — Давненько уж тружусь королем, ко всякому притерпелся...

— Прекрасно, — сказал принц чуть ли не растроганно, — я вижу мы без труда найдем впоследствии общий язык...

— Надеюсь, — сказал Сварог.

— Хотите полезный совет? — спросил принц. — Стреляйте непременно в голову. У них всегда надеты под мантиями кольчуги, защищающие даже от автоматной очереди в упор.

— Я учту, — серьезно сказал Сварог.

— И еще. Первым непременно стреляйте в Лог Дереха. Это и есть главный источник опасности. По крайней мере, для меня — точно, вы-то ему нужны... пока.

— А что с ним не так? — небрежно спросил Сварог.

Принц помолчал. Пожалуй, его лицо явственно омрачилось.

— Не очень-то приятно о таком говорить меж мужчинами... — сказал он наконец. — Ну, да после истории с королевой Сегура мы с вами оказались почти что в равном положении. Да, именно так... Только вы промаялись всего одну ночь, а мне приходится терпеть уже четыре месяца... Я человек легкомысленный, но у меня; вот уже

больше года есть постоянная подруга. Я ее не люблю по-настоящему... как и вы наверняка не любите королеву, но это, если можно так выразиться, словно бы часть меня. Вы ведь знаете, как это бывает? Вот видите. Очень неглупая девочка. И мечтает стать если не королевой, то принцессой. Ну, почему бы и нет? Очень уж я к ней привязался... Вот только четыре месяца назад на нее крепенько положил глаз Лог Дерег. И стал откровенно преследовать, — он отвел взгляд. — Вы знаете, я... Я прекрасно знаю, что у барона, несмотря на его железный характер, есть единственная слабость — красивые девушки. И с ними он порой бывает откровенен, как никогда. Маленькая слабость, свойственная и железным людям. Вот я и решил это использовать, — он глянул в глаза Сварогу с вызовом. — Думаю, не вам меня осуждать?

— И не собираюсь, — тихо сказал Сварог. Поскольку сам был не без греха — дорога королей...

— В общем, я откровенно поговорил с Иленой, — сказал принц. — Не особенно тяжелый был разговор, но все же неприятный. Для любого нормального мужчины на моем месте. Она умница, она все поняла... И с тех пор пару ночей в неделю проводит с ним. Мои мысли и ощущения вам должны быть понятны... — он поднял голову, глаза сузились. — Очень долго все было впустую. Но акkurat перед вашим прибытием у них состоялся интересный разговор. Он и до того не раз предлагал ей выйти за него замуж, видимо не на шутку размяк, те самые слабости железных людей... Кстати, особенно умной он ее не считает, она большей частью разыгрывает простушку под пару мне, и получается у нее неплохо... Когда она в очередной раз отказала, он кивнул с таким видом, словно ему все понятно: «Простой титул баронессы, даже вошедшей в одно из Восьми Семейств, тебя не устраивает, а? Рассчитываешь стать принцессой?» Она невинно похлопала глазками и ответила: почему бы и нет? Тогда он сказал совершенно хладнокровно: «А как бы ты посмотрела на то, чтобы стать королевой Токеранга? Земного Токеранга?» Она уставилась еще более наивно: вы хотите сделать

Каугена королем Токеранга? Барон ухмыльнулся так, что у нее, она потом жаловалась, мурашки пошли по коже: «При чем тут этот придурок? Я вовсе не о нем. Ты когда-нибудь слышала, что престол доставался не по праву наследования, а по твердости руки и решимости?» Тут только она сделала вид, что до нее стало туго-туго доходить, и спросила: неужели вы о себе, Альтерат? «А почему бы и нет? — сказал он спокойно. — В конце концов, наш род древностью не уступает этим, что сейчас на троне... Или подобное первый раз случилось?» И долго живописал ей все прелести земного королевского бытия. В конце концов, она прикинулась, что задумалась всерьез. Но потом очень робко спросила: а разве дэнго такое допустят? Он снова усмехнулся так, что Илене стало зябко, и преспокойно сказал: «В конце концов, дэнго — не более чем люди, а люди смертны...» Прямо-таки волчья, она говорит, была улыбочка. Ну, она повела себя правильно: стала лепетать, что все это очень привлекательно, но страшно связываться со всемогущими дэнго. «А уж об э т о м, милая, тебе беспокоиться как раз не следует, — сказал он, улыбаясь уже не жутко, а где-то даже беспечно. — Это я беру на себя — и могу поклясться гербом, что все пройдет прекрасно. Будет такая ситуация...» Потом еще какое-то время расписывал ей блеск земных королевских дворов, императорские балы, где они смогут бывать... Полеты в небе, морские прогулки, прочие удовольствия, о которых она сейчас представления не имеет... В конце концов Илена сделала вид, что он ее уболтал, и только порой робко напоминала о всемогущих дэнго — а он уверял, что беспокоиться не о чем, все решено и готово. А уж наверху он сможет развернуться на славу, так, как она себе и представить не может...

«А что же будет с Каугеном? Со всем королевским семейством?» — спросила она. Он усмехнулся: «Тебя так волнует судьба этого дурачка, все достоинства которого заключается в короне наследного принца? Или судьба его папаши с братцем?» И напоследок самым милым голосом пообещал перерезать ей глотку, если она хоть

о кому-то проговорится, в первую очередь мне. На завтра она мне все рассказала, хоть ее при этом и трясло от страха.

— Интересные дела, — сказал Сварог медленно. — Вы знаете его гораздо лучше меня. Это, часом, не пустая бравада?

— Когда речь идет о бароне — вряд ли, — сказал принц. — Всем известно, что он честолюбив неимоверно. От него этого вполне можно ожидать — договорится с вами, что погибнут не восемь, а семь, разделаться с их семьями, с нашей фамилией.

И в глазах у него, где-то глубоко, мелькнул страх — что ж, он вполне мог подозревать, что Сварог с бароном уже договорились, и жить принцу осталось всего ничего... Зря.

Вот уж кто категорически не нужен был бы в случае чего Сварогу в качестве короля земного Токеранга — так это барон. Уж этот, получи он такую возможность, и в самом деле развернулся бы на славу...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Хорошо, что предупредили. Значит, завтра именно барон получит первую пулю. Давайте играть с открытыми картами, принц. Вы меня вполне устраиваете в качестве короля земного Токеранга, а вот барон — категорически нет. Ни к чему мне там, на Таларе, ярые дестолбцы... Слово короля.

Принц облегченно вздохнул, постаравшись сделать это незаметно. Сварог сказал:

— И еще одно обстоятельство...

Замолчал, повернул голову на запыленный стук копыт, приближавшийся со стороны, противоположной той, откуда они с принцем приехали. Трещали ветки — к ним галопом мчалось несколько всадников. Уже через пару секунд они показались на поляне — трое субъектов в мундирах, как уже знал Сварог, министерства двора. Слетев с седел, как мешки, совершенно не заботясь о лошадях, они наперегонки кинулись к сидящим. Оружия при них Сварог не заметил.

Принц чуточку побледнел — но передний, оскальзываясь во влажной траве, добежав до них, с размаху рухнул на колени:

— Ваше величество! Ваше величество!

Сварог чуточку опешил от удивления. Принц очень медленно словно с тяжелым мешком за плечами, поднялся с пенька и каким-то безжизненным голосом осведомился:

— Что случилось?

Теперь уже все трое стояли на коленях во влажной траве — бледные, лица перекошены от страха.

— Ужасное несчастье, ваше величество! — пролепетал один. — Злодейское покушение! Заговор! Ваш отец и брат только что убиты прилетевшими из чащобы стрелами. Отныне вы — король!

Покосившись на свежеиспеченного короля, видя безграничное изумление на его лице, Сварог подумал: нет, это не ты, при всем твоим таланте лицедейства т а к не сыграть. Здесь что-то другое: то ли Золотые Волчицы вступили в игру раньше, чем собирались (не дождавшись смерти дэнго!? плохо верится...), либо, что вероятнее, барон решил пришпорить события...

Поблизости, со всех сторон, ревели рога, и это уже напоминало не охотничьи сигналы, а боевые трубы.

Глава XIII

КЛЮЧИ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ

Ночь прошла совершенно спокойно — а, впрочем, до Клорены было достаточно далеко, чтобы слышать даже танковую пальбу. Вертолеты и самолеты не летали, вокруг загородного дворца принца так и не появились ни солдаты, ни бронетехника. Видимо, дэнго считали, что принц в полной безопасности. Проснувшись рано, Сварог потратил часа полтора, старательно о б ш а р и в а я дворец — и не узрел никаких особенных перемен. Разве что гвардейцы в нескольких местах стояли на караулах не поодиночке, как прежде, а по двое, да в двух больших гостиных их было собрано десятка по два, поголовно с автоматами и, судя по оттопыренным карманам, не забывшими и гранаты. Ну, никаких тайн тут не имелось: это принц сам их там разместил, чтобы разобрались с охраной дэнго, когда начнется к а р у с е л ь.

Вызвав очередного осанистого лакея из трех приставленных к нему персонально, Сварог велел сервировать завтрак в той самой каминной. Ему так никто и не сказал, на какое именно время дэнго решили назначить очередную встречу, так что время, надо полагать, было. А вот барон, никаких сомнений, должен был приехать гораздо раньше остальных со своим циничным предложением...

— Погодите хвататься за вилки, орлы, — сказал Сварог. — Разве что налейте по бокальчику. Итак, ребятки и девушки, р а б о т а е м мы сегодня... (судя по лицам, эта новость была встречена с большим энтузиазмом). А потому нужно в темпе обсудить кое-какие детали.

Собственно говоря, тщательнее всего обсудить нужно было одну-единственную деталь: грамотный отход. В подобных операциях это и есть самое главное. Совсем нетрудно устроить пальбу во всю ивановскую и положить кучу жмуриков, гораздо труднее после этого грамотно отойти, желательно без потерь...

С отходом все обстояло неплохо: Шедарис с Теткой Чари и Мара с Леверлином не один час болтались по окрестностям дворца, изображая влюбленные парочки. Таких, Сварог подметил, здесь хватало, и от скуки они забредали в самые неожиданные места, в том числе и к здешней вертолетной площадке, по докладу Шедариса, охранявшейся из рук вон плохо — так, прохаживалась по периметру парочка гвардейцев, сразу видно, изнывавших от скуки. Конечно, у них не было никаких причин для повышенной бдительности и тревоги: площадка отделена от забора парковыми аллеями шириной в добрых поллиги, внешняя охрана достаточно сильная, и вряд ли разгульные гости пытались когда-нибудь после неумеренных возлияний угонять вертолеты. На площадке — примерно штук пятнадцать винтокрылов, от небольших, таких стеклянных пузырей с хвостом до достаточно вместительных. Так что с этой стороны все в порядке — с вертолетом без труда справятся и Сварог, и Мара.

— Чертовски важный нюанс, — сказал Сварог, когда с обсуждением отхода было покончено. — Семерых можно решетить в капусту, а вот барон, кровь из носу, мне нужен непременно живьем. Много знает, сволочь, вся внешняя разведка на нем...

— Кто будет брать? — деловито осведомился Шедарис.

— Я сам, — сказал Сварог. — Так что пусть никто под ногами не путается. Ваша задача аккуратненько положить остальных. И в темпе собрать ключи. Все восемь.

Мара не без восхищения уставилась на него:

— Ты что, уже знаешь, где Машина?

— Представления не имею, — признался он. — Но возможность узнать будет. И вот тут-то начинаются уравнивания со сплошными неизвестными. Мы же не можем уйти просто так, верно?

Коли уж подворачивается столь великолепная возможность поиграть ключиками. Но не знаю я пока, где к ним замочные скважины. А потому с определенного момента импровизируем, ничего другого не остается... Ну да, мы ж везучие... Вот и все, кажется, я ничего не упустил, теперь можно и подкрепиться... или нет, лучше не стоит. Все мы тут видывали виды, знаем, что в бой лучше идти с пустым брюхом...

...Все произошло, как он и предвидел: примерно через квадранс после того, как они после завтрака разошлись по своим апартаментам, объявился барон. Выглядел он не самым лучшим образом: глаза чуточку запали, похоже, он вообще не спал в эту ночь — ну, конечно, если короля со старшим принцем кончили они, простая логика событий требовала зачистить столицу от всех неудобных. На то и походило: барон был скорее весел, чем удручен — и, Сварог подметил, волновался, хоть и пытался это скрыть.

С самым простодушным видом Сварог спросил:

— Что, пора собираться? Нас ждут?

— Пока нет, — сказал барон. — Встреча состоится примерно через час... а пока что у меня к вам очень серьезный разговор. Крайне серьезный и важный для нас обоих...

— Вы хотите говорить прямо здесь? — Сварог выразительным взглядом окинул стены.

— Ну, не прикидывайтесь, — чуть усмехнулся барон. — Я давно знаю, что вы умеете как-то блокировать микро-

фоны и телекамеру. Хотя их здесь полно, и устроено это давно, отнюдь не ради вас. Так что я уверен: никто посторонний нас сейчас не видит и не слышит. Верно?

— Верно? — с улыбкой сказал Сварог.

— Вот и прекрасно... — барон чуточку нервным движением осушил свой бокал до дна. — Давайте не будем ходить вокруг да около, лорд Сварог...

— Что-то случилось? — Сварог изобразил озабоченность. — Не получилось единодушного голосования?

— А, вы об этом... Нет, с этой стороны все в порядке. Пришлось приложить немало усилий, но совет единогласно проголосовал за и с х о д. Правда, они намерены предложить вам весьма объемистые, я бы сказал, условия, — он показал ладонью над столом (судя по всему, папка с условиями была толщиной не менее кирпича). Но говорить я хочу не об этом... Спрошу прямо: вас, в самом деле, устраивает, что впоследствии там, наверху, вам придется иметь дело сразу с восемью некоронованными королями нового Токеранга?

— Откровенно вам скажу, — ответил Сварог, — мне это весьма не по вкусу. Восемь равноправных королей на одно королевство — это уж чересчур. Кто-то может изменить мнение, кто-то — просто закапризничать, наконец, половина из них — люди весьма пожилые, и им на смену всегда могут прийти другие, с другими взглядами. Да мало ли что... Предпочитаю более рациональный вариант: монарх правит единолично, а все эти уитенагемоты и прочие Тайные Советы при сильном и решительном короле должны иметь роль чисто совещательную. На облучке должен сидеть один возница, как гласит старая крестьянская поговорка, ронерская, кажется...

В глазах барона он увидел неприкрытую радость.

— Знаете, лорд Сварог, я всегда придерживался тех же взглядов, — сказал он. — Восемь возниц на одном облучке — и в самом деле что-то многовато, — он поднял голову

и глянул Сварогу в глаза с яростной решительностью. — Как бы вы отнеслись к тому, чтобы сократить число возниц?

— До одного? — усмехнулся Сварог.

— Почему бы и нет?

— Знаете, я сейчас проявлю нечеловеческую проникаемость, — улыбнулся Сварог во весь рот. — Мне отчего-то кажется, что роль единственного возницы вы скромно отводите себе.

— Я вас не устраиваю в этой роли? — весь напрягшись, спросил барон.

— Наоборот, милейший барон, — сказал Сварог. — Именно вы и устраиваете. Я успел вас немного узнать, составить кое-какое представление о ваших деловых качествах. Думается, как раз вы лучше всего и подходите на роль сподвижника в некоторых моих... — он многозначительно улыбнулся, — будущих планах. К чему мне это замшелое старичье, которое наверняка никогда не покидало Токеранга и знает о верхнем мире исключительно по вашим докладам? Вы — другое дело... Мы сработаемся, — он придал себе чуточку озабоченный вид. — Смело могу сказать, что мы договорились... но ведь проблему придется как-то решать? .

— Ее можно решить уже сегодня, — спокойно сказал барон. — Через какой-нибудь час. Самым решительным образом.

«Прыткий юноша», — с некоторым даже восхищением подумал Сварог. И сказал:

— Я уже имею некоторое представление о ваших обычаях. Останутся члены семейств с правом на месть...

— А почему вы решили, что они останутся? — усмехнулся барон той самой, должно быть, улыбкой, от которой у бедняжки Илены по спине бежали мурашки. — Это не импровизация. Все давно разработано и подготовлено. Достаточно условного сигнала... Кстати, этой ночью мы взяли всех доверенных лиц покойного короля, которые могли представлять опасность для наших планов.

Так что никто больше не пришлет вам... неприятных подарков.

«Неприятных подарков от покойного короля, конечно, больше не будет, — подумал Сварог. — Зато останутся столь же неприятные сюрпризы, укрытые по таларским городам трудами вот этого самого сукина кота. Хрен редьки не слаще».

— Ну что же... — сказал он, — а Каугену в этих условиях вы какую роль отводите?

— Я думаю, прежнюю, — сказал барон. — По крайней мере, на первых порах. Если его мысли наверху не примут какое-то н е п р а в и л ь н о е направление, просидит на троне еще долго.

Врал, конечно. Но какое это сейчас имело значение?

— Ну что же... — повторил Сварог. — Я так понимаю, нам осталось обсудить мелкие технические детали?

...Двое раззолоченных лакеев распахнули перед ними высокие, резные дверки, и Странная Компания со Сварогом во главе вошла в выдержанную в золотистых тонах гостиную, где за круглым столом того же цвета их стоя встречали дэнго. Все восемь, конечно, барон давно успел надеть зеленую в белых узорах мантию и присоединиться к старшим товарищам. Лицо у него было совершенно невозмутимое — все же великолепен, прохвост...

Герцог Витредж величаво склонил голову:

— Прошу садиться, господа...

На столе перед ним лежал украшенный тисненым золотом гербом бювар для бумаг, толщиной и в самом деле не менее кирпича — да, крепенько старички собирались торговаться...

— Мы решили принять ваше предложение, лорд Сварог, — сказал Витредж. — Решение принято единогласно, а здесь... — он положил руку на бювар.

Все дальнейшее произошло как-то буднично.

Барон Лог Дерег с тем же непроницаемым лицом вынул небольшой черный пистолет и выстрелил в висок своему соседу справа. Тот еще не успел завалиться лицом на стол, как выстрелы загрели сплошной чередой. Сварог дважды нажал на курок, ни мало не опасаясь за свою спину — он уже знал от барона, что комната, не впервые использовавшаяся для совещаний дэнго, сделана полностью звуконепроницаемой, снаружи не услышат и пушечного выстрела...

Слева частили два пистолета Мары. Все было кончено в какие-то секунды, в воздухе стоял запах пороховой гари и крови — не способный ни ужаснуть, ни даже ошеломить никого из присутствующих. Ничуть не сентиментальный народ здесь собрался, видывавший и не такое...

Спрятав пистолет куда-то под мантию, барон прошел к изящному телефону на стене, снял золотистую трубку, назвал какой-то короткий номер и спокойно произнес: — Сокол вылетел, — вешая трубку, медленно оборачиваясь к остальным, продолжал: — Ну, вот и все, сейчас начнется... Что вы делаете?!

Сподвижники Сварога преспокойно, без всякой брезгливости снимали у покойников с шей ключи — длинные, с указательный палец и толщиной с него же, с одинаковыми кольцами и разнообразными затейливыми бородками, похоже, стальные, на длинных цепочках.

Сварог впервые видел барона в совершеннейшей растерянности — и пару секунд, благо время позволяло, откровенно любовался этим зрелищем.

— Что вы делаете? — повторил барон.

— Собираем ключи, — любезно ответил Сварог. — Видите ли, так уж получилось, что мне необходима Машина Последнего Дня...

Рука барона нырнула под мантию, но выхватить пистолет он не успел: Сварог сделал шаг, оказавшись к нему вплотную, вытянул руку, коснулся кончиками пальцев его плеча и произнес недлинную фразу из насквозь непонят-

ных ему самому слов. Барон изменился мгновенно: застыл прямой, словно кол проглотил, опустил руки вдоль тела, лицо застыло, стало не рассуждающим, тупым.

Лишь теперь Сварог с облегчением перевел дух. Бабка Грельфи, как сплошь и рядом случалось, оказалась кругом права: мало кому известное, прочно забытое заклинание «на болванчика», и в самом деле оказалось Доштормовым, а потому сработало прекрасно. Сварог, правда, уже пробовал его той ночью на принцессе, и все прошло прекрасно, но кто знает, как могло обернуться с бароном, могли всплыть те самые чертовы примечания мелким шрифтом...

Барон стоял у телефона, как нелепая статуя, за которую и мог быть принят человеком несведущим, если бы не дышал. Соратники Сварога разглядывали его в полном обалдении.

— Эт-то что такое? — осведомилась Мара.

— Это Грельфи, — сказал Сварог. — Все-таки сильна старушка... Все собрали? Снимите и с этого двурушника.

Теперь он, в свою очередь, снял трубку, назвал зазубренный наизусть номер и, когда раздался спокойный женский голос, внятно произнес:

— Тишина. Вы меня поняли? Тишина.

— Я вас прекрасно поняла, — отозвался женский голос, молодой и бесстрастный. — Принято. Тишина.

Повесив трубку, Сварог ухмыльнулся: если он хоть что-то понимал в этой жизни, Золотые Волчицы с превеликим воодушевлением должны были очень быстро вступить в игру, что добавит в городе неразберихи и хаоса. Люди барона наверняка уже напали на резиденции Восьми Семейств, чтобы не оставлять мстителей, а если еще и Золотые Волчицы кинутся в драку... Как-то совершенно не верилось, что свое недовольство они будут выражать митингами и уличными шествиями с плакатами. В Клорене очень быстро раскрутится нехилая заварушка,

причем многие, облеченные властью, имеющие право отдавать приказы и располагающие вооруженной силой, попросту не поймут сначала, что происходит, и это прибавит хаоса...

— Давайте-ка сюда, — хозяйственно распорядился он. — У командира целее будет...

Собрав ключи у сподвижников, повесил на шею восемь цепочек и тщательно застегнул камзол. Веса ключи немалые, но приходилось терпеть.

— Куда теперь? — азартно спросила Мара.

— Представления не имею, — сказал Сварог. — Сейчас узнаем... — повернулся к барону и спросил: — Где Машина Последнего Дня?

— Здесь, — отчеканил барон жестяным голосом робота.

— А точнее?

— Во дворце в полуночной башенке.

Сварог даже не удивился: ну конечно, по тем же мотивам, по каким именно здесь часто собирались на совещания дэнго: разве в замке принца Каугена, вахлака и простака, может оказаться хоть что-то мало-мальски серьезное?

— Охрана? — спросил Сварог.

— Четыре человека у подножия лестницы, четыре — в прихожей перед комнатой Машины.

«Простенько что-то», — подумал Сварог. Но врать человек в таком состоянии неспособен. А, ну да, всем прекрасно известно, что Машина автоматически сработает, если какой-нибудь нахал примется ковырять ее консервным ножом или ломиком... В самом деле, зачем держать там батальон?

— Охрана нас пропустит внутрь, если мы сейчас туда отправимся с тобой вместе?

— Да, — бесстрастно сказал барон. — Если я скажу, что вы — бригада техников. Обычный профилактический осмотр сопутствующей аппаратуры.

— Ну, вот и началась настоящая работа, ребятки, — сказал Сварог. — Оружие на виду не держать, охрану и прочих гвардейцев в случае надобности постараться гасить без выстрелов. Лучше бы выбраться отсюда без пальбы — нам еще до вертолетов бежать и бежать... Пошли!

Он кивнул Маре, и они вышли первыми. Раззолоченного лакея справа аккуратно срубил Сварог, а второго, моментально поняв ход его мыслей, снесла Мара. После чего обоих закинули в золотистый зал и тщательно прикрыли двери. Много времени пройдет, прежде чем кто-нибудь полезет в помещение, где заседают дэнго...

Они зашагали по роскошному коридору — впереди барон, в мантии дэнго. Заклинание в данном случае работало и на внешний эффект: деревянная походка барона вполне могла сойти за величавую поступь, а неподвижное лицо — за отрешенную спесь. Господин дэнго со свитой изволит шествовать, куда именно — не ваше собачье дело, господа окружающие...

Работало! Караульные гвардейцы, увидев их издали, вытягивались в струнку, а лакеи сгибались в низких поклонах. И все равно на душе у Сварога было беспокойно: принц наверняка нетерпением исходит, и мало ли что может выкинуть, если ему кто-нибудь доложит о странной процессии. Во дворце слишком много вооруженного народа, вместо чистой акции получится черт-те что, сплошное безобразие...

Тихий пустой коридор... Ага! Вот они, четверо у подножия лестницы, неширокой и не особенно крутой. Настороженно уставились, черти... Волшебная фраза барона — и они расступились. Ступеньки, ступеньки, каменные, шершавые, ну да, по лестнице поднимается в основном народ пожилой, на полированном камне и поскользнуться может... Кто-то ему говорил, то ли принц, то ли принцесса, что время от времени дэнго, все восемь, навещают комнату с Машиной — просто так, постоять, посмотреть

и уйти, какой-то идущий с незапамятных времен ритуал. Лестница поворачивает вправо. Вот она, прихожая без двери, довольно просторная. Еще четверо, такие же хмуро-настороженные. Снова реплика о бригаде техников. И эти расступились без малейшего удивления — должно быть, техники конспирации ради здесь появлялись отнюдь не в замасленных комбинезонах...

Закрыв за собой дверь, Сварог на миг даже ощутил легкое разочарование: настолько обыденно все здесь выглядело. Ажурная решетка на одном из окон, выходящем в сторону Итела, подозрительно похожа на сложную антенну, к ней по полу и стенам, тянутся металлические кольчатые кабели толщиной в руку, идущие от серого металлического ящика посреди комнаты. И все. Несомненно, тут полно датчиков на случай визита того самого нахала с ломиком или консервным ключом, но где они? Некогда, да и ни к чему выискивать их с помощью того же умения, что помогает выявлять микрофоны — к чему? Приличные люди, не с ломиками, а с ключами пришли...

На верхней крышке грозного ящика с порога заметны были восемь замочных скважин рядом.

— Присмотри за дверью, — бросил Сварог Маре.

Она кивнула и устроилась напротив двери с двумя столетами наизготовку. Остальные так и стояли молча, должно быть, охваченные теми же чувствами, что и Сварог: и это — все?

— Помочь, командир? — отчего-то шепотом спросил Паколет.

— Не нужно, — сказал Сварог. — Сам справлюсь. Не будь у нас ключей... А их вон сколько...

Он вывалил на серую металлическую поверхность тяжеленную звякнувшую связку, распутал цепочки, разложил ключи по одному и стал присматриваться к скважинам, прикидывая, какая для которого ключа предназначена. Что-то понемногу начинало проясняться: этот — сюда,

этот — сюда, а эта скважина, конечно же... Попробуем остороженько вставить один, правый крайний, вошел до упора, до половины стержня... Что-то тут не то, хитрушка какая-то... Руки на серый металл... ага!

Вот что они у себя тут придумали. Ключи следовало поворачивать всяк на свой манер. Крайний правый — на сто восемьдесят градусов, соседний — на девяносто, причем уже по часовой стрелке, а не против. С третьим еще хитрее: сорок пять градусов против часовой, потом углубить на длину бородки, и — на девяносто против часовой. И так далее. Вполне возможно, что эту машинерию господ дэнго в свое время придумали для защиты не от посторонних, а как раз друг от друга: предположим, кто-то один все же ухитрится прикончить остальных и собрать все восемь ключей — но, не обладая способностями Сварога, он будет лишь знать, как поворачивать свой, а если неправильно крутанет какой-нибудь из чужих, сигнализация сработает, например... Дэнго должны были давным-давно разработать кучу предосторожностей не только против посторонних, а именно что друг против друга...

Ну вот и последний, восьмой... Даже сердце замирает чуточку...

Длинный мелодичный звонок, и боковая поверхность ящика ушла в пол. Открылась неглубокая выемка, где на полированной стенке не было никакой хитрой машинерии — только два поднятых вверх прозаических рубильника непривычной формы: синий и красный. И две металлические прорези длиной в ладонь, чтобы было куда их опустить.

Сварог коснулся их кончиками пальцев. Ага. Если опустить сначала синий, включится получасовое замедление, чтобы господ дэнго успели, прихватив самое ценное, перепорхнуть на вертолетах к базе подводных лодок и уплыть начинать новую жизнь, наплевав на всех остальных. Ну, синий мы не будем трогать вовсе — во-

первых, не стоит потакать неприкрытому эгоизму Восьми Семейств, а во-вторых, этих Семейств, возможно, и в живых-то уже нет трудами присутствующего здесь барона. Забыл поинтересоваться у Грельфи: человек в таком состоянии осознает окружающее или отключается полностью? Тьфу ты, что за дурь в голову лезет, не до того...

Сварог плотно сжал ладонью красный рубильник. Не было ни мыслей, ни чувств — перед глазами стояла залитая солнцем Морская площадь, завившаяся спиралью белая дымная полоса, и Делия, падающая из высокого седла ему на руки...

И он решительно опустил рубильник, неожиданно легко скользнувший вниз по прорези до упора.

Какое-то время не происходило ровным счетом ничего, так что сердце у него захолонуло от яростного бессилия: что-то не сработало? какая-то ошибка? неизвестный предохранитель? быть может, вся их чертова Машина — бутафория для легковых?

Потом со стороны Итела пришла волна тяжелого, глухого грохота, и что-то невероятно тяжелое обрушилось наземь так, что стекла в окнах задребезжали. Только тогда он очнулся от нечеловеческого напряжения. И понял — получилось. Но опять-таки не было ни мыслей, ни чувств, одна томительная усталость, как не раз уже случалось прежде.

Тетка Чари вскрикнула что-то, показала в окно. Сварог посмотрел туда. От Клорены до Итела, он помнил — не более двадцати лиг. И отчетливо видел казавшуюся неширокой темно-зеленую полосу, протянувшуюся от серых облаков до земли, выглядела она отсюда неподвижным занавесом — но это, конечно же, вливалась в исполинский пролом вода Итела. Вертикальная вода...

Все усталились туда, кроме барона Лог Дереха, так и стоявшего, как робот, опустив руки, вытянув пальцы рук, с тупым, бессмысленным лицом.

— Ну вот и все, — сказал Сварог. — Пора убираться, — кивнул Шедарису на барона: — Шег, доставить целым и невредимым, головой отвечаешь.

Шедарис спокойно кивнул, взял барона за плечо и развернул к двери, как куклу. Бони рывкнул в совершеннейшем восторге:

— Нет, ну командир у нас гений, точно вам говорю!

— Кто б сомневался... — проворчал Сварог. — Ну все, все, уходим! С пальбой, если иначе нельзя. Нам бы только до вертолета добраться... Но особенно не нарывайтесь, только в ответ... Если первые начнут...

И вышел последним, зачем-то тщательно притворив за собой дверь.

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО БЕГСТВА

В прихожей четверо охранников торчали у выходившей на Ител стены и напряженно прислуживались — в комнатухе не было ни единого окна, но они не могли не слышать грохота взрыва и шума обрушившихся с приличной высоты гигантских обломков камня. Лица у всех испуганные, один растерялся настолько, что бросился к барону, схватил его за рукав мантии и вякнул:

— Ваше великолепие...

Барон, как и следовало ожидать, прошел мимо него деревянной походкой, с бессмысленным лицом, вполне способным сойти за спесивое. Сварог мимоходом рывкнул командирским тоном:

— Продолжать службу!

Часовой с ошалевшим лицом отшатнулся. Обошлось. Никто из них пока что не сложил два и два. Как и те четверо у подножия лестницы — там, правда, имелось окно, у коего все бравые караульщики и струдились, таращась на Вертикальную Воду. Сварог, грозно прикрикнул и на этих:

— Ну, что столпились? По местам!

Подествовало и на этих. Оказавшись в коридоре, Сварог перешел в авангард и двинулся уже быстрым шагом, чутко прислушиваясь. Вроде бы не походило пока, чтобы

во дворце начиналась паника — но справа двое, судя по звукам, промчались бегом. Грохотали сапоги — значит, военные, лакеи-то расхаживают в туфлях. Он лихорадочно вспоминал план дворца. Шагов через двадцать свернуть направо, будет витая лестница для слуг, ведущая к одному из боковых выходов...

— Стойте!

Здоровеньки булы, давно не виделись... Посреди коридора стоял принц Кауген — лицо злое, недоумевающее, растерянное. Что-то не понравилась Сварогу немаленькая выпуклость под левым локтем роскошного камзола принца — впрочем, уже короля, пусть и некоронованного. Королевство, правда, получилось недолговечное, но тут уж ничего не поделаешь, ребята...

Откуда-то сбоку выдвинулись двое гвардейцев с автоматами наперевес — пока еще наперевес. Их, надо полагать, смущал барон в мантии дэнго, и прицелиться открыто не решались, хотя по рожам видно, что способны...

— Что случилось, лорд Сварог? — выдохнул принц, покосившись на высокое окно, из которого великолепно просматривалась темно-зеленая полоса Вертикальной Воды. — Это же Машина заработала!

— Вам виднее, — сказал Сварог. — Я здесь человек новый... С дороги!

Невероятно, но у принца стало такое выражение лица, словно он понял все. Он бросил руку под камзол, крикнул что-то гвардейцам...

За спиной у Сварога раздалось три выстрела — судя по почерку, Мара — и вся троица, подламываясь в коленках, рухнула на роскошный ковер. Ну вот, началось. Нашумели. А что оставалось?

— Шег, Леверлин, заберите автоматы, — сквозь зубы распорядился он. — Что уж теперь...

Оба кинулись к оружию. Справа распахнулась дверь, послышался приглушенный женский крик. Сварог развернулся в ту сторону. Принцесса Гайния смотрела на него круглыми от ужаса глазами:

— Лорд Сварог, это ведь и правда Машина... Это же конец!

Черт его знает, что на него нашло... Сварог крепко ухватил ее ладошку свободной от пистолета рукой и потащил за собой, крикнув:

— Бежим, дура! Это да, конец!

Она ошеломленно подчинилась, даже не пробуя упираться. Всей компанией они с грохотом ссыпались по витой чугунной лестнице для прислуги, вниз, у входной двери, нос к носу столкнувшись с гвардейцем — тот, держа наперевес ручной пулемет с массивным подствольным магазином и дырчатым кожухом ствола, военных действий не собирался открывать, попросту ошалело таращился, ничего не понимая в происходящем и увиденном. И тут же получил от Сварога ногой под горло. Бони кинулся на пулемет, как кошка на жирную мышь, подхватил, лязгнув затвором оскалился:

— Вот теперь живем... Как люди.

Сварог осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. Ни паники, ни суеты там не наблюдалось, там вообще не видно было ни одного человека — зато наверху, в коридоре, из которого они спустились, начиналась беготня, суета, лязг затворов, слышалось что-то похожее на военные команды. Положительно, пора уходить, не прощаясь...

Прикинув направление, он распорядился:

— За мной!

Зачем-то пригибаясь, пересек мощеную розовым камнем дорожку, все еще не выпуская ладони принцессы, остановился, прикрикнул:

— Бегом, орлы!

Орлы, которым было не впервой, припустили во всю прыть. Только вяло переставлявшего ноги барона Шедарису пришлось буквально волочь на буксире. У принцессы с ног давно слетели фасонные золоченые туфельки, но она послушно бежала следом.

Пересекши несколько дорожек и аллей, они уже оказались на бетонированной вертолетной площадке, когда

сзади, достаточно далеко пока, слышались выстрелы. Ну вот, кто-то дернулся в погоню... А буквально в десяти шагах помещался начищенный до блеска, с короной принца на боку, как раз тот самый вместительный винтокрыл.

И два гвардейца рядышком, оторопело таращившихся на странных визитеров. Не теряя времени, не тушуясь, Сварог показал большим пальцем за спину и рывкнул:

— Заговорщики! Мятеж! Нужно спасти господина дэнго и принцессу! Я кому сказал — задержать!

Пули шлепали по деревьям уже совсем близко.

— Задержать, говорю! — рывкнул Сварог некормленным медведем.

Физиономии гвардейцев стали гораздо осмысленнее — оба обрели ясную конкретную цель, властное командное рывканье делает с военными людьми чудеса... Оба, клацнув затворами, встали за ближайшие деревья и принялись огрызаться короткими очередями. Погоня, судя по их стрельбе, проворно залегла.

— Прикрой, — кивнул Сварог королю Арира.

Тот проворно примостился за деревом, упер сошки в траву и выпустил пару коротких очередей, громко бормоча:

— Вот это нашенские игры...

— И вы тоже, пока заведу движок! — приказал Сварог остальным. — Все, кроме Шега! Шег, тащи его сюда!

Распахнув дверцу и пренебрегая невысокой алюминиевой лесенкой, Шедарис зашвырнул барона в вертолет, как мешок картошки, прыгнул следом, принял у Сварога принцессу и опять-таки без особых церемоний толкнул в ближайшее кресло. Сварог плюхнулся в пилотское кресло и, вмиг сориентировавшись, проделал нужные манипуляции, попутно бросив беглый взгляд на приборную доску и убедившись, что бак почти полон.

Над головой у него стали понемногу раскручиваться лопасти, мощное лопотание винта крепло. Он покосил-

ся влево. Так, погоню пока что успешно сдерживали — правда, один из гвардейцев лежал неподвижно, но свои все целы. Плохо, что у Бони только один магазин... черт, когда эта скотина наберет обороты...

Бони растерянно обернулся на вертолет — ну вот и все, кончился у него магазин. Однако индикатор уже показывал нужное число оборотов. Сварог жестами велел собрату — королю и остальным бежать к вертолету. Они, пригибаясь, вереницей кинулись к лесенке. Паколет... Леверлин... Мара... Тетка Чари... Все!

Он поднял вертолет на всей скорости, на какую машина была способна. Был уже в лиге над землей, когда из леса (видимо, и второй гвардеец убит) выскочили человек с полдюжины и принялись ожесточенно лупить по вертолету из коротких автоматов, идиоты — на таком расстоянии уже не попадешь...

Чуть подумав, Сварог, миновав высокий глухой забор (там уже никто не пытался в него стрелять), ушел к самой земле и довольно долго шел на бредущем над широкой автострадой — чтобы преследователи не определили направления, в котором он драпанул. Когда дворец исчез за деревьями, развернул машину и взял курс прямехонько на гигантский тоннель, предназначенный для исхода (или улета?) здешней военной авиации.

Эта-то авиация его больше всего и беспокоила. Во дворце да и в столице, надо полагать, паника и неразбериха. Но кто там ведает их дворцовые правила безопасности? — вдруг да сыщутся поблизости истребители, которые недолго послать в погоню? Истребитель на хвосте — это верная смерть, пользуясь преимуществом в скорости, догонит в два счета и разнесет в клочья... Или обойдется? И никто из тех, кто обеспечивал безопасность дворца, не предвидел угона вертолета?

Вертикальной Воды он больше не видел — она осталась за спиной. Несся над дорогами, распаханными полями, городками и деревнями, стадами разбегавшихся коров, бедноватыми замками. Один раз пролетел над военным аэродромом с шеренгами истребителей (наклепали же,

черти!), но непохоже, чтобы вызвал там желание пуститься в погоню.

Посмотрел на часы, быстренько проделал в уме несложные расчеты. Примерно через квадранс следовало притормозить, а в там и вовсе зависнуть — впереди ждала главная опасность. Тот самый охранный пояс, который Токереты возвели перед входом в туннель, чтобы никто без дозволения начальства не вздумал рвануть наверх самостоятельно, по своему хотению. Он прекрасно помнил, что там понатыкано немало разного добра и для пеших беглецов, и для летящих: пулеметные гнезда, зенитки... Сбить могут в два счета, и фамилии не спросят. Быть может, есть какой-то пароль или условный сигнал, но откуда Сварогу его знать? Какова прицельная дальность здешних зениток? Да кто ж ее знает... Конечно, он перед путешествием сюда самым тщательный образом все рассчитал и приготовил себе великолепное прикрытие, но ведь нужно еще точно знать безопасную дистанцию...

Ага. Не так уж и далеко впереди — стена пещеры, и даже видно жерло туннеля — правда, казавшееся отсюда не шире пивной кружки. И отсюда уже можно разглядеть крохотусенькие зенитные пушки первого пояса... Уж не пора ли?

Не колеблясь, он остановил машину в воздухе, почти над самой землей. И послал мысленный приказ тем, кто страховал его в туннеле. Мушкетерские времена давно миновали, и всякую операцию следовало разрабатывать со всем прилежанием...

Ох, как впечатляюще это выглядело! Из туннеля вынырнули два Золотых Дракона. И при нормальных размерах Сварога они выглядели внушительно, а уж сейчас, когда он ростом был не больше пальца, даже издали казались стратегическими бомберами.

Золотые гиганты, распростерши неподвижные крылья, величественно прошли над нагромождением дикого камня, разомкнулись, разошлись в стороны, медленно пошли навстречу друг другу — и на землю, на зенитки и пуле-

метные гнезда, на тройные ряды из колючей проволоки обрушились потоки яркого сиреневого пламени. И еще один боевой заход, и еще... И четвертый — надо полагать, там, на земле, еще уцелело что-то, способное причинит вред королю и его спутникам.

А потом пришел сигнал, гласивший, что путь свободен. Золотые Драконы, как им и предписывалось приказом, парили по обе стороны туннеля — на случай, если все же объявится какая-то воздушная погоня. Сварог повел вертолет прямехонько в туннель, предварительно включив фары. Вот т е п е р ь он точно знал, что ни внизу, ни позади никакой опасности нет.

— Командир, — позвала Мара.

— Что? — спросил Сварог, не оборачиваясь.

— Тут наша принцессочка в обморок ляпнулась. Когда увидела птичек. Не помрет, я так думаю?

— Вот и я так думаю, — сказал Сварог, ведя вертолет посередине туннеля, — а впереди ширилось светлое пятно.

Оказавшись снаружи, он аж прищурился, перед глазами заплясали цветные пятна — несколько дней не видел солнца, и теперь оно показалось нестерпимо ярким. Чтобы не разбить машину к чертовой матери и не угробить людей, едва перелетев через речку, пошел на посадку, отчаянно щурясь и смаргивая слезы. Посадка получилась не столь уж мягкая, вертолет ощутимо хряпнулся оземь, но все же это была посадка, а не авария.

Поодаль возвышалось нечто, напоминавшее океанский лайнер без мачт и труб — но это, конечно, была всего-навсего хелльстадская летающая лодка. Земля чуть затряслась — это от лодки к вертолету спешила великанша, в которой Сварог не сразу и узнал Яну. Опустившись у вертолета на колени, она попыталась заглянуть внутрь, за иллюминатором показался огромный голубой глаз. Пришедшая было в себя принцесса жалобно пискнула и вновь лишилась чувств, но на эти мелочи уже никто не обращал внимания — не смертельно, чай...

На великанском глазу заблестела огромная слеза, и Сварог побыстрее сделал жест, означавший, что все в порядке. И почувствовал, что вертолет плавно поднимается в воздух в руках великанши. Яна старалась нести его к лодке как можно бережнее, но все равно их порой потряхивало в креслах — сущие пустяки после всего, что пришлось пережить. Кто-то, сидевший в лодке; столь же осторожно принял у нее вертолет, Яна села рядом, и Сварог почувствовал, как лодка медленно взмывает в воздух.

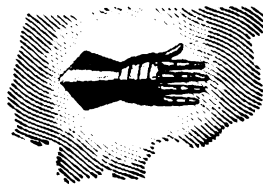
Оставались сущие пустяки — добраться до виманы, стоявшей буквально в паре уардов от границы Хелльстада, той самой, на которой они сюда прилетели. Ну, а там им в два счета вернули бы нормальный рост — а принцессу, соответственно, сделали бы человеком столь же нормального размера. Да и господина барона тоже — вот с кем в самое ближайшее время начнутся долгие и вдумчивые беседы...

Только теперь Сварог позволил себе блаженно расслабиться, хотя и знал, что отходить придется еще приличное время. Ничего, в вимане наверняка найдется что выпить, чтобы у Брагерта, да еще в такой ситуации, не нашлось?

— Ну что, лилипутики? — спросил он, не открывая глаз. — Кажется, мы и на этот раз лицом в грязь не ударили?

— Уж это точно, — отозвался Бони. — Так ведь на то они и мы, командир, а?

— Короче, жизнь прекрасна, — кратко резюмировала Мара.

ЭПИЛОГ

Сварог Барг, король королей, несомненный герой дня, повернул крохотный золотой краник на стоявшем перед ним на столе бочонке из темных дубовых дощечек с клеймами, аккуратно заполненными красной краской. Налил до краев серебряную стопку — тот самый знаменитый келимас с острова Ройре, двадцатилетней выдержки. На сей раз **н а с т о я щ и й** подарок, присланный царем Гипербореи.

Осушил до половины, откинулся на спинку кресла, слушая звучащий с неповторимой хрипотцой голос Тарины Тареми:

— *Хорошо,
когда себя нашел
и прекратилось чертово мученье.
Хорошо,
когда вопрос решен
и знаешь ты свое предназначенье.
Хорошо,
как хорошо, когда
ты четко вычислил свою комету!
А если этого в помине нету,
то что прикажете тогда?!
А если нету, нету, нету, нету,
то что прикажете тогда?!*

Вообще-то песня нисколько не соответствовала ситуации. Как раз наоборот. У Сварога не должно было быть

оснований даже для легкой меланхолии. На сей раз беда получилась настоящая, серьезная, звонкая...

Специалисты Канцлера вывернули барона Лог Дерета наизнанку, как старый носок. Конечно, в переносном смысле, но вытряхнули все. Работа еще продолжалась, спецгруппы Техниона и научно-технических отделов трех имперских разведок со всеми мыслимыми предосторожностями извлекали «закладки» Токеретов, таившиеся порой в самых неожиданных местах: ядерные устройства, контейнеры со сверхпроводниками, устройства, готовые по короткому условному радиосигналу выпустить облака холерных вибрионов, чумных бацилл и прочую дрянь. Сама радиостанция, таившаяся в неприметной бакалейной лавочке на окраине Снольдера, уже демонтирована, как и запасная, тщательно замаскированная на чердаке некоего благородного графа из Латераны.

Параллельно гребли агентуру Токеретов на земле — от главарей разбойничьих шаек и университетских лекторов до благодетельных купцов, а то и дворян. Был даже арестован некий благородный лар, граф с безукоризненной репутацией при дворе.

В полном соответствии с заранее разработанным планом маркиз Оклер, едва получив сообщение о возвращении Сварога, поднял по боевой тревоге Морскую бригаду. И пустил на дно все замеченные с орбиты подлодки Токеретов — от тех девятнадцати нормального размера до «мелкоты». Все до единой тайные базы подлодок, устроенные на Харуме и островах, либо без церемоний уничтожены, либо захвачены. Ненайденной оставалась только одна, о которой и барон не знал, где она находится — но тревожиться не стоило, это была не военная база, а то самое убежище, обустроенное для себя дэнго где-то на островах Девайкир. Но и ее, в конце концов, как заверяли специалисты, рано или поздно отыщут. Дело времени. В общем, уже сейчас можно сказать, что Талар навсегда избавлен от любой угрозы со стороны Токеранга.

Да и не было больше никакого Токеранга. Едва сделав Яне и Канцлеру обстоятельный доклад, Сварог полетел

в Хелльстад и поднял на ноги всю свою ученую братию, поручив в кратчайшие сроки разработать кое-какую аппаратуру. Когда снабженные ею десятки Золотых Щук проникли в пещеру через тот самый рукотворный провал и обстоятельно поработали, выяснилось, что все конечно. Пещера залита водой под самый свод (затопило даже примерно треть туннеля). Выяснилось, что принц тогда совершенно точно описал Маре все детали Последнего Дня: ядерные реакторы заглушены, практически выведены из строя, все научно-технические заведения уничтожены, база подводных лодок взорвана, и ничего живого, естественно, если не считать речных рыб, преспокойно плававших повсюду.

Одним словом, настоящая победа, которой грех бы стыдиться... На груди у Сварога сияла драгоценными камнями и многоцветной эмалью Туманность Андромеды — один из высших и самых старых орденов Империи. Оказалась она там очень быстро трудами Диамер-Сонирила — принц, как и в случае с Брашеро, гордо объяснил четырем мирам и восемью сторонам света, что это именно его Канцелярия в лице начальника восьмого департамента, если еще точнее, лорда Сварога и его группы, добилась столь выдающегося триумфа. С формальной точки зрения к старому бюрократу не придерешься. Голову можно свихнуть, взявшись вдумчиво рассуждать, под которой из своих личин выступал в тот или иной момент лорд Сварог — то ли глава девятого стола, то ли начальник восьмого департамента, то ли земной король. Что ни заяви, опровергнуть невозможно. Сам Сварог и не пытался ничего подтверждать или опровергать — какой смысл? Главное, и Странную Компанию принц не обделил имперскими регалиями, правда, не столь высокими. Диамер-Сонирила не переделает, а сподвижникам будет приятно, добавит авторитета и Бони, и королеве Сегура и Дике, и Леверлину в глазах сурового отца... Пусть уж...

Серьезная победа, без дураков. И не имеет значения, что во многом Сварогу помогли победить так быстро сами Токереты — готовые сожрать друг друга, как пауки в бан-

ке и ради этого выдававшие секреты, которых ему в других условиях пришлось бы доискиваться гораздо дольше. Важны не обстоятельства, а результат.

И все же, все же... Он не чувствовал себя триумфатором, ни на мизинчик, и дело тут было не в скромности, а в чем-то другом. Он ни о чем не сожалел, доведись повторить все, поступил бы точно так же — и все равно, где-то в глубине души таился некий мутный осадок, словно в бутылке скверного вина. Понять это чувство он не мог, хотя несколько раз пытался...

Он встрепенулся, поднял голову, вмиг определил, который из полудюжины золотых колокольчиков в углу стола мелодично позвякивает. Ну да, кому же еще быть, коли уж он отдал приказ беспокоить его сегодня в строго определенных случаях...

Повернул рычажок под колокольчиком, и в малый кабинет бесшумно вошел статс-секретарь — высокий, костистый, с залысинами, исправный служака и человек безусловно преданный.

Встретив вопросительный взгляд Сварога, он негромко доложил:

— Как вы и приказывали, ваше величество, надпись с постамента памятника принцессы Делии сбита со всем прилежанием...

— Мое благоволение мастерам, — вяло сказал Сварог. — Ну, и по десятку золотых, что ли... Да, как там отец Грук?

— Еще не п р и с т у п а л, ваше величество.

— Отлично, — сказал Сварог и встал. — В случае неотложного дела ищите меня у него...

Он резко отодвинул кресло, прошел мимо почтительно отстранившегося статс-секретаря, кивнул вскочившим ратагайцам и пошел в ту часть дворца, где располагались покои для королевских гостей из тех, что попроще (от более роскошных покоев Грук в свое время отказался категорически, хотя Сварог и предлагал).

Статс-секретарь, как обычно, оказался точен в формулировках — отец Грук еще не приступал, хотя готовился

обстоятельно — разложил по тарелкам вяленую кабанятину, вяленую же желтоперку, лесную редиску (которой в Каталауне отчего-то любили закусывать пиво). И в данный момент неторопливо и обстоятельно очищал столовым ножом фиолетовый сургуч с широкой осмоленной пробки. Здоровенный пузатый кувшин с коротким горлышком, и еще три таких же дожидаются своей очереди в углу. Судя по выдавленному на боку клейму и фиолетовому сургучу — отличный черный нэльг из дворцовых пивоварен. Обычному человеку хватило бы и одного такого сосуда, чтобы оказаться под столом, но отец Грук кое в чем мало уступал принцу Элвару...

Чуть приподнявшись в знак уважения (Сварог ему, как и некоторым другим, разрешил наплевать на правила этикета, предписывавшие встречать короля гораздо более почтительным образом), отец Грук, не прекращая своего занятия, обрадованно пробасил:

— Вот кстати, государь! Всему этому великолепию не хватало только доброго сокомпанейца-застольщика. Надеюсь, волей Божьей я его в вашем лице обрел?

Он аккуратно стряхнул на блюдечко остатки сургуча и поставил перед Сварогом, присевшим напротив, второй глиняный стакан хорошей работы, высокий, вмещавший не менее бутылки (любому знатоку известно: «нэльг любит глину»). Встал, обеими руками взял кувшин, бережно прижимая его к объемистому чреву, первым налил гостю, потом уж себе.

Сварог не прикоснулся к своему стакану. Сидел, чуть ссутулившись, явственно ощущая все тот же мутный осадок в глубинах души. Почему-то вспомнил спасенную им по какой-то глупой прихоти принцессу Гайнию, пребывавшую сейчас на пляжах Ракамерати, роскошном сильванском курорте для благородных ларов. Вот у кого все в порядке — как явствует из донесений, в совершеннейшем восторге от моря, солнца, высоких желтых дюн, а особенно от земных нравов с их равноправием женщин. Расчувствовался. Спас, благодетель этакий. Одну из пары миллионов, мало чем из них выделявшуюся...

— Что с вами, государь? — тихо спросил отец Грук. — Вам бы радоваться — такое дело провернули... А вид у вас что-то совсем уж унылый... Отчего ж так? — он присмотрелся. — Знаете, с такими лицами люди обычно приходят отпущение грехов просить, уж простите, если что не так болтнул...

— А вы можете дать отпущение грехов? — не глядя на него, тусклым голосом спросил Сварог.

— В два счета, прости, Господи, за такую вольность в словах... — пожал могучими плечами отец Грук. — Я как-никак не расстрижен, хотя и грозились пару раз... — он замолчал, присмотрелся к Сварогу тем взглядом, какой можно встретить лишь у врачей и священников. — В а м? Это за что же такое, государь?

— За Токеранг, — глухо сказал Сварог. — Нельзя было иначе, доведись до дела, повторил бы то же самое, и тем не менее... Понимаете, там были женщины, дети, множество ни в чем не повинных людей... Муторно как-то у меня на душе...

— Ах, вот оно что... — протянул отец Грук. — Там не было людей, государь. Там были создания, как две капли похожие на людей, и не более того. Наделенные речью и разумом, но лишённые души. А потому как бы и не существующие в глазах Господа. Для него имеет значение лишь бессмертная душа — а они состояли лишь из брэнной плоти. И в глазах Господа были все равно что придорожная трава, смять которую не есть грех.

— Вы так считаете? — тихо спросил Сварог.

— Это не я так «считаю», — с нескрываемой обидой произнес отец Грук. — Это Господь так установил. Нерадивый порой из меня слуга Божий, что скрывать, да и не богослов я, но уж каноны-то знать обязан... Грех совершает тот, кто губит д у ш у. Отсюда и пошло «душегуб». А вы не загубили ни единой души, государь, так что греха на вас нет, и отпускать нечего. Крестом Единого клянусь, так и обстоит. Нельзя отпустить грехи, которых не было... а если сделать это для виду, просто чтобы успокоить мя-

тушуюся человеческую душу, — вот это уже и будет нешуточный грех...

Он говорил негромко, веско — и от этого басистого, убедительного голоса мутный осадок в душе, Сварог чувствовал, стал словно бы истаявать, пропадать

— Нельзя было иначе, — сказал он то ли собеседнику, то ли самому себе.

— Вот именно, что никак нельзя, — прогудел отец Грук. — Вы уж накрепко запомните, государь: нет погубленной души — нет и греха... И хватит об этом, простите за смелость. Давайте лучше выпьем за что-нибудь хорошее.

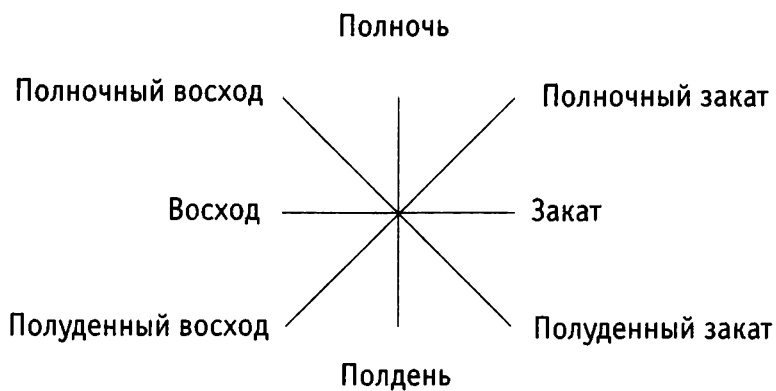
— Давайте, — сказал Сварог, протягивая руку к своему стакану и уже не чувствуя в душе противного осадка.

Красноярск, 2015

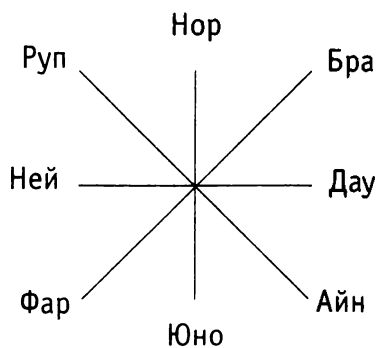

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавание, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

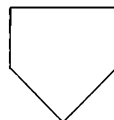
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

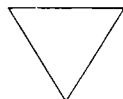
1. Дотир

2. Джунарг

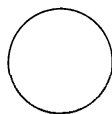

3. Даугар

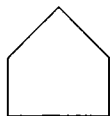
4. Дроглор

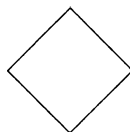
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта*

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

* Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрепленное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых) и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма* с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, огранный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, огранные «розой». Впереди, над лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограниченный, весом 480 квинтунов**). Зубцы отсутствуют.

* Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

** Квинтун — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукружиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзак.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен Гонзак* (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Не-

* Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

которые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пре-

бывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писаным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком одного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла

серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет онтого наряда бывает разным. Живимы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носятя снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклойной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псаря.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведе-

ний рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо

в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повара или содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне

смириться с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершенно шуточки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует заостренным традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархии пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским

Уложением*. Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но такое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов** (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь

* Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

** Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из приусущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжащей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и

повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересидевшая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало

любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не беспокоит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедливости и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в

особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как

и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый ки-

расирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору её самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых,

ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оним при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника,

перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа*.

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали

* С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами*. Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается

* Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, од-

нако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить равным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают ~~не~~медля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под

знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова*. А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресно-

* Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

водные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девяти сот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров*, и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет

* Югер — квадратная лига.

стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом

Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевоза убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотятся и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплод-

ные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедленно, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копыю Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Кайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве

что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль*.

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую**, а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис*** и бакан****. Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подзревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

* Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

** За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

*** Речь идет о гранате-альмандине.

**** Бакан — родонит, или орлец.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в означение чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов

Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху до низу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображение Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось узнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался про-

никнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно*.

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и

* Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно

увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потанном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потанном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог

Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.

13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1—5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6—8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11—12 — к лейтенантам, 13—14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциях).

Все монеты — круглые. Для Бряна Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным готрирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайра Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным вентам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благососто-

яния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов*.

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»
(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость»^{*} (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

* В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь»*.

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

* Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.

Орден Черного Медведя.

Орден Золотого Журавля.

«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».

«Серебряная секира».

«Серебряный самострел».

«Победитель пламени».

«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Серебряный циркуль».

«Бронзовый циркуль».

«Солнечный луч».

«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской).

«Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедра.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».

«Штурвал и меч» (военно-морская).

«Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

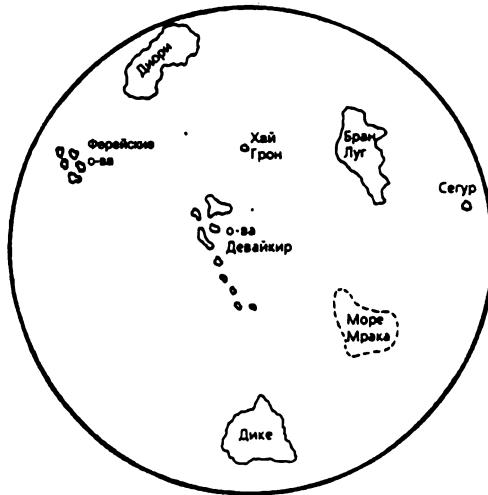
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

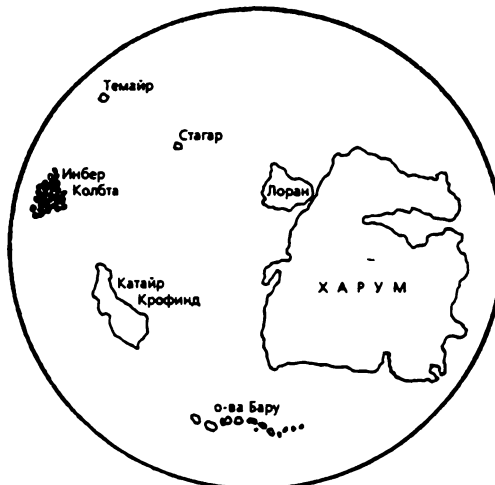
Карты

Планета ТАЛАР

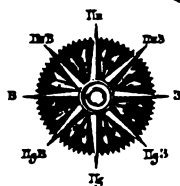
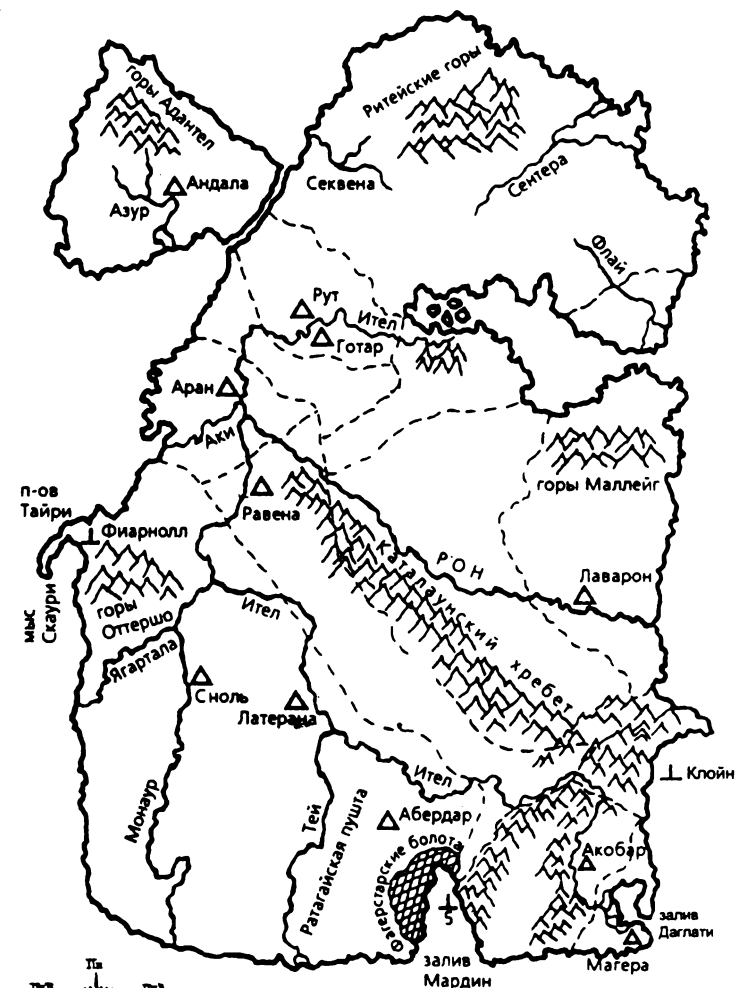
полушарие заката

полушарие восхода

ФИЗИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

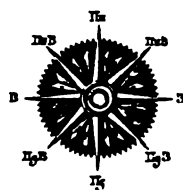
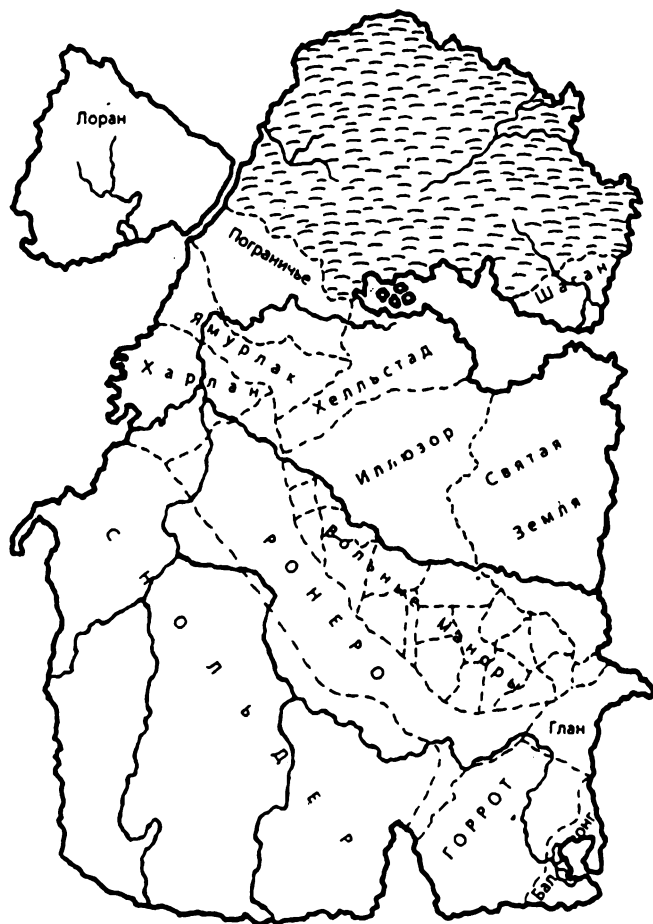
Условные обозначения

△ - города

⊥ - морские порты

знаком $\frac{1}{5}$ обозначен порт Джетарам

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Хлопоты победителей	5
Глава II. Тайн прибавляется	29
Глава III. Белокурая еретичка	44
Глава IV. Воспитатель и дипломат	62
Глава V. Пейзаж перед боем	78
Глава VI. Встречи и расставания	97
Глава VII. Смотрины, стало быть, у них	128
Глава VIII. Он ушел в лихой поход	139
Глава IX. «Вы поедете на бал?»	172
Глава X. Сюрпризы чередой	198
Глава XI. Волчицы	225
Глава XII. ...И кавалькады в чаще	236
Глава XIII. Ключи Последнего Дня	245
Глава XIV. Высокое искусство бегства	259
Эпилог	267
Приложения	274
Карты	332

Серия «Сварог – фантастический боевик»

Официальный сайт А.Бушкова —
<http://shantarsk.ru>

Литературно-художественное издание

Бушков Александр Александрович

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА

Роман

Шеф-редактор *В. Кузьмин*
Компьютерная верстка *А. Майоровой*
Корректоры *Л. Пруткова, М. Надёжина*

Подписано в печать 25.06.2015.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Palatino Linotype».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 16 000 экз.
Изд. № 15-12095. Заказ № ВЗК-03783-15.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет

ОАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 3, п. 1, к. 5.
Почтовый адрес: 127473, г. Москва, Краснопролетарская ул., д. 16, стр. 1,
3 подъезд, БЦ «Краснопролетарский»
www.olmamedia.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати – ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

2000

ВЕРТИКАЛЬНАЯ ВОДА

«Вертикальная вода» — новая, уже десятая книга, в основном Таларском цикле Александра Бушкова о Станиславе Свароге. Остатки заговора в Горроте все еще тлеют, но взгляд Сварога и Странной Компании уже обращен в сторону Токеранга. Будут ли это новые увлекательные приключения, или старых друзей на этот раз ждет всего лишь самая грязная работа? А все сомнения и боль смоеет с души, как вода. Вертикальная вода...

И тогда можно будет спросить себя: «А был ли Токеранг?.. Может быть, его никогда и не было»

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП

www.olmamedia.ru

ISBN 978-5-373-07687-6

9 785373 076876